

ДР ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 8-1928

ИЗДА-ВО
"П.П. СОЙКИН"
ЛЕНИНГРАД

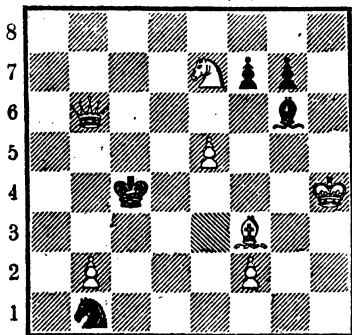

Под редакцией мастера *Арт. Ив. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 8.

Задача № 15

А. И. Куббеля (Ленинград).
Печатается впервые.

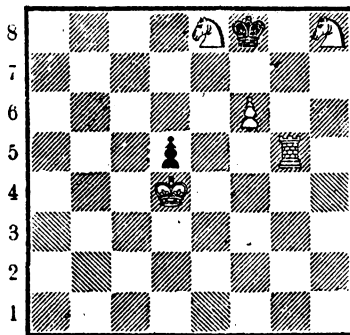

а b c d e f g h
Кр. b2, Ф b6, С f2, К e7, П b2, e5, f2,
Кр. c4, С g6, К b1, П f7, g7.

Мат в 3 хода.

Задача № 16

О. Делера (Германия).
„Welt im Bild“ 1927 г.

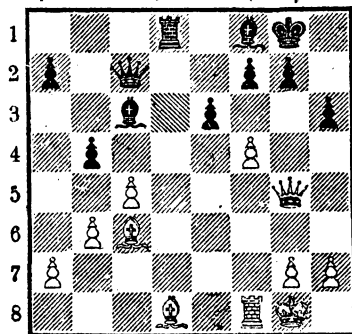
а b c d e f g h
Кр. d4, Л g5, К e8, h8, П f6.
Кр. f8, П d5.

Мат в 3 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будут выданы 4 приза: 1) А. Алексин „Мои лучшие партии“; 2) Романовский и Левенфиш „Матч Алексин—Капабланка“; 3) Рети „Современный учебник шахматной игры“ Часть I и Мизес „Французская партия“; 4) Также, что и 8. Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. Остр. 10 линия дом 39, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений 10 октября (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше премии имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

Окончание № 2.

Игрена по переписке в 1927 г.
Черные: Покровский (ст. Химки).

а b c d e f g h
Белые: Бренев (Москва).

Материально силы равны. Позиционно на первый взгляд, белые стоят лучше, т. к. черный слон f8 прикован к пункту g7, но у черных находится возможность перейти в наступление ходом 26... Л d8, после чего партия продолжалась 27 c4: b5 (повидимому, самое лучшее. Если, например, 27 С d4, то Л d2 28. С f2 С e5 29. С: c5 Л: g2 30. Ф: g2 С: g2 31. Кр.: g2

Ф: e5 в пользу черных) С: g2! (Неожиданный выпад, сбивающий белых с толку) 28. С: g7? (Неудачно снятая копия. Следовало играть 28. Ф: g2 Ф: c3 29. Кр. h1, e6: f5 с некоторым преимуществом у черных, но с разноцветными слонами. После хода в тексте белые быстро проигрывают). С h8! (Опровержение комбинации белых. Конец легко понятен) 29. Ф e2 С: f1 30. Кр: f1 Ф f4+ g1. Кр g1 С e5+. Сдался.

ХРОНИКА.

Из среды наших читателей мы получили следующие сведения о шахматной жизни в провинции:

Вольск (Сарат. губ.). В городе насчитывается около 10 кружков, из которых самым сильным по организационной структуре и по силе игры кружок цементного завода „Красный Октябрь“. Благодаря шахматной дисциплине самих членов кружков в текущем году проведены без посторонней поддержки, в частности Саратовской Губшахсекции, несколько турниров, как то: союзный, летний традиционный, квалификационный и др.

Сообщил *Н. Н.*

Вологда. Шахматный чемпионат Сев. Восточной Области выиграл представитель Архангельска *Н. Н. Кутузов* + 6 из 7, не проигравший ни одной партии, за ним следуют *Гальфтер* (Вологда) + 5, *Степанов* (Вологда) + 4 1/2, *Вугштейн* (Вологда) и *Мезенев* (Вел. Устюг) + 3 1/2 и т. д.

Сообщил *Н. Н.*

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 — 1928 г.

	СТР.		СТР.
«НЕОБЫЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ В СЕЛЕ ВЕРХИ», — рассказ Л. И. Пименова, иллюстр. Н. Кочергина	2	«ВОДОЛАЗ», — рассказ Пьера Миль, с француз., иллюстр. С. Лузанова	53
«БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ», — фантастич. рассказ Е. Фортунато, ил. Н. Ушина	13	«РАССКАЗ О ЛЬВЕ», — рассказ Р. Кромптона, с английского, иллюстр. С. Ллойда	56
Систематический Литературный Конкурс «Мира Приключений» 1928 г., — «СЛЕПЦЫ У ОМУТА», — рассказ-задача № 9, иллюстр. И. Владимировна	20	«ЯНТАРНАЯ СТРАНА», — рассказ С. Горбатова, иллюстр. А. Позена	62
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 6. Отчет и решение рассказа-задачи «Наследство»	30	«В ГЛУБИНЕ ЛЕСОВ», — рассказ Вер Стэркуль, с иллюстр.	69
НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ. — «ИЗМУКШИРСКИЙ НИЩИЙ», — быль. Рассказана Б. Чепруновым, иллюстрирована Ф. Райляном	36	«В ГОСТЯХ У ПИГМЕЕВ», — очерк проф. Стирлинга, фотографии с натуры	73
«ОПИУМ», — рассказ В. фон-Ленгерке, с нем., иллюстр. С. Александрова	45	ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. — «ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК», — очерк д-ра Э., с иллюстрациями и фотогр.	77
ЗА РАБОТОЙ. — «ДЕВСТВЕННЫЙ УГОЛОК ПОД МОСКВОЙ», — очерк В. В. Жданова, фотографии и рисунок с натуры	47	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Конкурс с премиями на задачи	44, 68, 72, 76
		ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ	стр. 2 обложки.
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	стр. 3 обложки.

Обложка в 6 красок работы худ. Ф. Райляна.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ В СЕЛЕ ВЕРХИ

Рассказ
Л. И. ПИМЕНОВА

Иллюстрации
Н. М. КОЧЕРГИНА

1.

Началось, как водится, с малого. Степан Полба, председатель совета села Верхи, только что собрался отдохнуть от трудов своих и общественных. Пугнув ребятишек, не в меру развозившихся на дворе, он вошел в избу и увесисто опустился на лавку у открытого низкого оконца. Затем он взял с полки несколько новеньких брошюр и достал из кармана футляр с очками. Очки были ему прописаны для чтения, а также и для видимости, в дополнение к его природным качествам. Вечерело. Читать было трудно. Сквозь стекла очков улица казалась расплывчатой и чужой. Но и брошюра, и очки внушали почтение мужикам, а ради этого стоило потерпеть.

Глухое село—Верхи. Почти пятьдесят верст от станции по буграм и оврагам, по дороге—костоломке, лесом и болотом да вдоль порожистой речки. Живут там лесовики и сплавщики, народ задорный,—хлопот с ними много.

Досуг председателя был прерван стуком телеги, остановившейся у дома. Вернулся Егорка—инвалид с почтой. Почтарь—должность почетная, нрав у Егорки бодрый, не взирая на искусственную ногу. Ловко спустившись на землю, он подковылял к окну для доклада.

— Так вот, Степываныч, какие дела... Авдотье Балакиревой денги везу, восемь рублей тридцать пять копеек, Никулину письмо из Москвы, а еще Грушке лавочниковой, откуда не разобрать. Ветрову алименты... Ивану Беспалову...

— Поймай! поймай! — прервал его председатель.—Какие алименты?

— В ящиках, Степываныч. Старик наказывал, чтобы осторожно вез. А то, грит, ежели хоть один разобьешь, тут тебе и крышка вместе с телегой и ключей.

Председатель нахмурился и, отложив брошюру, вышел на улицу.

— А ну-ка, покажь.

Егорка разгреб сено, обнажив четыре небольших продолговатых ящика, обитых обручным железом.

— Вот они! Пять пудов весу. А ты, Степываныч, насчет бабьего алимента подумал? Н-не. Куда ему!—Он презрительно сплюнул.—Ну, как? Везти али нет?

— Погоди. Я с тобой поеду.

«Степываныч» вернулся к окну, захватил с собою очки и взгромоздился на телегу позади почтаря.

В конце села, на пригорке, как старый генерал над сермяжною рагью, торчит большой двухэтажный дом—бывшая усадьба лесопромышленника Вакулина. Запущенный сад спускается от него вниз к реке. Облупились и потемнели добротные стены, выбиты окна, крыша, словно рогожа, и живет в этом доме всякая нечисть. Приводно ей в непогоду озорничать в опустевших комнатах, визжать в разрушенных трубах, кидаться обломками дверей и рам и пугать всех честных людей, кому довелось бы приютиться по соседству.

Не побоялся один человек, да и тот или помешанный, или сам спознался с чортом. Приехал откуда ни возьмись облюбовал себе дворницкую, починил

крышу, вставил стекла и живет. А как живет и что делает,—никто толком не знает. Разное говорят.

Телега Егорки свернула на размытую дорожку и поползла вверх к Ваклинскому дому.

— Эй, Степываныч! Куда?—послышался позади веселый окрик.

Обернувшись, председатель увидел учителя, вприпрыжку, по-мальчишески, догонявшего телегу.

— К Ветрову с посылкой,—ответил Степываныч.—А ты что, Алексей Фомич, по каким делам?

Учитель взмахнул русыми вихрами и широко улыбаясь.

— Просто шатаюсь. Вечер-то какой,—разлюлю-ежевика! Берите меня в компанию.

Степываныч в душе обрадовался, хотя и не подал виду. Дело серьезное, и лишний человек не мешает.

— Этот Ветров не дает мне покоя,—говорил учитель, идя рядом с телегой.—Хотелось бы поглядеть, что он там делает в своей берлоге. А приходишь, волком смотрит, даже не приглашает присесть. Просто обидно. Никакого, можно сказать, сочувствия любознательному уму.

— А вы бы с дочкою пофинтили,—заметил почтарь, ухмыляясь.—Лясы да баясы, она и тово... выдаст.

Учитель сделал комическую гримасу.

— Неказиста больно. Да я бы и за этим не постоял. А только нет—могила!

Они остановились на заросшей травой площадке между покосившимися строениями, в одном из которых светилось одинокое окно. Большая мовзатая собака с лаем бросилась к ним навстречу.

— Боби! Цыц! Боби!—послышалось с крыльца дворницкой.

Вслед затем появился сам хозяин в белом докторском халате, долговзый, сухой, с серебряными, будто наклепанными бровями и такой же бородкой.

— Привез?—спросил он коротко, не обращая внимания на незваных гостей.

Егорка кивнул головою и указал на ящики.

— Зирасте, Михайло Петрович!—возгласил предсовета, слезая с телеги.

Ветров поглядел на него, словно только что заметил.

— А, Степываныч! Чему обязан?

Он нагнулся над телегой и с легкостью, обличавшей немалую силу, поднял один из ящиков. Председатель поправил очки на своем мясистом носу.

— Поговорить надо, Михайло Петрович. На что вам эти самые алименты?

— А вам какое дело?—ответил Ветров, останавливаясь.

— Да уж такое. Предсовета должен быть в курсе... Всяко бывает. Может, какое-нибудь взрывчатое вещество или что другое, неблагоприятное. Правда, товарищи?

Худое, веснушчатое лицо инвалида выражало полное беспристрастие. Учитель дипломатично помалкивал, держа в сторонке.

— Вы грамотный?—спросил Ветров.—Читали мое удостоверение?

— Так то так,—ответил Степываныч, смущенный отсутствием поддержки со стороны своих спутников,—вы человек ученый, пенсион из Москвы получаете и всякое уважение. А только, подиж ты, сплетничают бабы. Да и мужики не больно вас жаждут. А кто за деревню ответчик, как не я! Занеможет ли кто или декрет нарушит, меня и спрашивают. Потому, предсовета, можно сказать, в роде отца...

Ветров сначала улыбаясь, потом начал хмуриться и вдруг разразился одним из тех припадков ярости, которые составили ему дурную славу в деревне. Лицо ему странно перекосилось, и он замахал руками перед самым носом Степываныча.

— Проваливайте! К чертовой прабабушке! Я затем и приехал сюда, чтобы мне никто не мешал. Если вы будете соваться не в свое дело, я найду на вас управу. Я пожалуюсь в Совварком, в ВЦИК... Я...

«Одержимый» — подумал председатель, пятясь к телеге и озираясь на Егорку, державшего предательский нейтралитет. Но тут подоспела помощь. Дверь сторожки распахнулась и от-

туда выпорхнула маленькая фигурка в черном платке, придававшем ей сходство с летучей мышью.

— Папа! Не надо. Тебе вредно сердиться,—крикнула она, цепляясь за руку Ветрова.

Он круто повернулся, точно проснувшись, и его лицо так же внезапно успокоилось.

— Правда, Анюта,—сказал он со смехом и неловко обнял ее.—Вот, граждане, рекомендую: моя душегрейка и телохранилище. Пропал бы я без нее.

Невзрачное лицо девушки с большими скорбными глазами осветилось улыбочкой. Она была горбата и вызывала жалость. Степываныч умиленно шмыгнул носом, снял очки и аккуратно уложил их в футляр.

— Ну, а насчет этих «алиментов», как вы говорите,—продолжал Ветров,—я вам скажу только одно. Это очень сложные приборы, заказанные мною в Питере,—их назначения вы сейчас не поймете. До свидания.

С этими словами он повернулся и принялся вместе с дочерью и Егоркой выгружать ящики.

2.

Степываныч был ретив, но отходчив. Вернувшись домой, он забыл и Ветрова, и его «алименты», и только ночью ему пришлось об них вспомнить.

— Степ, а Степ, никак стучат!

Жена толкала его в бок. Он покаряхтел, проснулся и, действительно, услышал дробный стук в стекло.

Крепко ругнувшись, председатель поднялся, натянул портки и подошел к окну. При свете луны он увидел Аксинью, придурковатую бабу-побирушку, бродившую из деревни в деревню по всей волости. Все ее знали и она знала всех наперечет.

Степываныч приоткрыл окно.

— Ошалела? Что надо-ть, божье дитя?

По виду «божье дитя» смахивало на испуганную ведьму. Ее крючковатый нос трепыхался, платок на голове слез на сторону, седеющие космы выбились на изрытое, темное лицо.

— Спишь, Степываныч?—прошамкала она укоризненно.—А у тебя в деревне что делается! Чистое колдовство. О, господи!

Она торопливо закреспилась.

— Ври!—строго заметил председатель.—Советская власть всякое колдовство отменила. Несознательная ты баба.

Отдуваясь и крестясь, она рассказала ему, как забралась в старый Вакулинский дом на почлег, и что с нею там произошло.

— Лежу это я в уголку, на сене, только глаза закрыла, а меня ровно кто-то в бок: тык да тык. Смотрю, никого нетуги, только месяц светит. Ну, думаю, почудилось. Прочитала молитву Николе-угоднику. А потом опять, только глаза сомкну, ён меня тык да тык. И вдруг я будто очумела. В голову муть набежала, сердце екнуло, ноги сами поднялись кверху. И вот, батюшка мой, зачала я плясать и смеяться, ровно пьяная молодуха. Все молитвы забыла, креста положить не могу. А душевье весело и страшно. Пляшу и хохочу. Доплясала так до дверей, а там уж совсем чудеса. Смотрю, спаси господи, среди двора Ветровский пес скулит и выплясывает на всех четырех лапах, то так, то эдак, и бочком, и задом. Я пляшу, и он пляшет...

— Молчи, чортова баба!—перервал ее председатель.—Я тебе покажу, как плясать в неположенное время. Голову вы мне заморочили.—Он плюнул смачно и деловито.—Этакая галиматерь. Приснилось тебе, что ли?

— Какой, батюшка, приснилось! Самая что ни на есть правда. Огплясала я свое и упала без чувств. А потом такой страх напал. Побежала я без оглядки, а ён за мной... ён за мной.

Степываныч совсем рассвирепел.

— Кто «ён», расперебожье дитя?—заорал он, хватая ее за плечо.

Но Аксинья так и не успела объяснить. Позади нее выросла какая-то темная фигура, и она вскрикнула в испуге.

Вглядевшись, Степываныч узнал учителя. Тот был красен и взволнован не менее побирушки.

— Дела-то какие, Степываныч,— сказал он, вытирая лицо рукавом толстовки.— Я только что от Ветрова. После того, как мы с тобой разошлись, я все время бродил вокруг его дома. Все подмывало взглянуть...

— Плясал? Говори!— прервал его председатель.

— Плясал, Степываныч. А ты откуда знаешь?

— Да уж знаю. Вот что, Алексей Фомич. Тут прямая контрреволюция, ежели трудящихся по ночам, заместо отдыха, плясать понуждают. Сделай милость, поди-ка ты разбуди Егорку, а я еще двух членов прихвачу в пятницу.

Учитель поморщился.

— Что ты затеял, Степываныч?

— Арестовать и в волость. Там разберут.

Учитель слабо протестовал, но любопытство взяло верх, и он отправился исполнять поручение. Вскоре все пятеро сошлись у бывшей Вакулинской усадьбы. Акусьня, которой Степываныч велел дубиниться во-свои, все-таки следовала за ними, держась на почтительном расстоянии. Два члена совета, молодые парни, заспанные и недовольные, хмуро молчали и в душе поругивали председателя за непонятную им тревогу. Было тихо. Луна обливала оловом косые мертвые строения и застывшие за ними деревья. Степываныч отогнал дубинкой яростно лаявшую собаку и подошел к дворницкой. После долгого стука, дверь приотворилась. Выглянуло бледное лицо горбуны.

— Что вам нужно?—спросила она встревоженно.

— Позовите папашу,—сказал председатель.—С ним надо потолковать.

— Отец спит. Он долго работал и устал. Скажите мне, в чем дело. Я передам ему.

Степываныч замялся. Его всегда немного смущала эта девушка с испытующими, печальными глазами. Учитель решил, что наступила его очередь.

— Анна Михайловна,—сказал он, выглядывая из-за широкой спины председателя.—Как интеллигентный человек... во избежание недоразумений... прошу вас, объясните нам,

здесь присутствующим, чем занимается ваш отец.

Горбуны опустила глаза.

— Не могу,—прошептала она с запинкой.

Степываныч засунул руку в карман и нащупал футляр с очками.

— Именем Сельсовета,—произнес он, решительно закидывая голову,—требуем, чтобы ваш отец разъяснил, по какому праву он заставляет плясать не в урочное время свободных граждан мужского и женского пола. И как он этакую чертовщину производит. А ежели не объяснит, то за такие контрреволюционные действия подлежит он немедленному аресту и отправлению в Волысполком на предмет расследования.

Едкий хохот за дверью заключил эту речь. В щель, над головой горбуны, просунулось свирепое лицо Ветрова.

— Ага, Степываныч, опять пожаловали? Так я, по вашему, контрреволюционер? Меня надо арестовать? Погодите же, вы у меня попляшете еще и не так. Прочь от моего дома!

Он отстранил дочь и с силою захлопнул дверь перед носом председателя. Наступило минутное молчание.

— И-да. Нервный,—заметил инвалид глубокомысленно.—Пойдем что ли, Степываныч? Шут с ним.

Учитель и два члена совета были того же мнения. Однако, достоинство председателя пострадало и требовало возмездия.

— Противление власти,—сказал он, барабанив в дверь дубинкой.—Мы его научим говорить по-товарищески. Сбегай, ребята, за топором и ломом. Ежели он не откроет добром...

Но тут произошло нечто странное. Степываныч без видимой причины уронил дубинку и схватился обеими руками за голову. Такой же неожиданный жест проделали и остальные, в том числе и Акусьня, прятавшаяся за углом дворницкой. И в следующий момент все побежали, ошарашенные необъяснимым, паническим ужасом. Большой черный пес Ветрова с воем обогнал их и промчался вперед. Учитель наткнулся на бежавшую впереди побирушку, сбил ее с ног и растянулся рядом с нею на дороге.

3.

На следующий день, чуть свет, председатель выехал в Волисполком для доклада. По дороге он долго вразумлял Егорку:

— Мало ль, что ученый... Мало ль, что у его мандат Вэсанхи. А виданное ли дело этакую митрификацию на живых граждан наводить. Советская власть, Егорушка, так распорядилась, чтобы тебе никакого колдовства, ни поповского, ни ученого, не было. Все, можно сказать, по материальной части должно иттить, а ежели ты дух пускаешь без изъяснения причины, ну тогда, извини,— за ушко да на солнышко.

В это время в селе Верхи развертывались события. День был праздничный, базарный. На пыльной площадке у закрытого кооператива выстроились телеги, лотки и корзинки. Под визг поросят и кудахтанье кур прогуливались досужие бабы, охальники-парни и девки-пересмешицы, и кучками стояли, обсуждая дела, степенные мужики. Церковный колокол уже отзвонил свою призывную песню, собрав под темные своды деревянной церковки—единственного подарка селу от покойного Вакулина—добрую половину старух и стариков из ближайших деревень.

Хотя Степываныч, уезжая, приказал молчать о том, что случилось накануне, но он упустил из виду Акснью. Язык побирушки работал все утро, и скоро не было ни одного человека в селе, кто бы не слышал со всеми прикрасами о колдовстве и о посрамлении председателя. Молодежь зубоскалила, старики крестились, и общее настроение было приподнятое.

Как раз в эту пору на базарной площадке появилась тщедушная фигурка Анюты в неизменном черном платке, с корзинкою для провизии. Гробовое молчание встретило ее, и все глаза с любопытством следили за каждым ее движением. Горбунья подошла к лоткам и остановилась в холяйственном раздумьи.

— Проходи, матушка. Чего уставилась глазищами?—сказала дородная, краснощекая баба. — На бесовские деньги не торгуем.

Это послужило сигналом. Со всех сторон послышались возгласы: — Проваливай! Шиш тебе с маслом! Колдунья! Ведмино отродье! Дегтем бы ее вымазать.

Большие глаза девушки забегали по сторонам, ища поддержки и встречая всюду осуждающие взгляды. Мужики хмуро молчали, бабы голосили, а молодежь, хотя и не верила ни в бога, ни в чорта, по детски забавлялась ее беспомощностью. Тогда горбунья повернулась и, опустив голову, пошла прочь. Никто ее не тронул, но крики позади не прекращались, пока она не скрылась из виду. Несколько мальчишек бросились за нею. Камень, брошенный шутя, пролетел высоко над ее головой.

Более серьезная встреча ожидала ее в другом месте. Она была болезненна и религиозна, и ей захотелось пожаловаться на свою обиду, на свое убожество, на бескрасочную жизнь, гостеприимному богу. В дверях церкви стояла Акснья и еще несколько нищих. Побирушка увидела Анюту издали и тотчас юркнула за дверь. И когда девушка подошла к покосившимся деревянным ступенькам, над которыми в вышине блистал золоченый крест, на нее обрушилась бабья лапына, разъяренная и воющая, забывшая все молитвы ради такого случая... В церкви, сразу наполовину опустевшей, как ни в чем не бывало, продолжалась служба: возглашала старый священник, и маленький нестройный хор добровольцев пел херувимскую.

— Эй вы, молитвенницы! Чего расходились? Благодать делите, что ли?

Весельчак — учитель вмешался в самую гущу толпы и вдруг сразу побегрел, рванулся вперед и заорал:

— Что вы делаете? Угодницы! Подлячки! Мерзавки! Прочь! Его мускулистые руки раздавали тумаки направо и налево, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. Волнующийся живой круг раздался. Многие побежали обратно в церковь. Алексей Фомич нагнулся над темной фигуркой, лежавшей на земле рядом с пустою корзиной. Ее лицо и худая закинутая рука были покрыты ссадинами, платок было разорвано, черные пряди волос разметались в пыли.

— Воды! — скомандовал учитель.

Несколько баб сразу сорвались с места. Остальные медленно и боязливо приближались, снова сжимаясь кольцом вокруг неподвижного тела.

Послышались причитания:

— Ишь, болезная! Грех то какой! Слышит ли, голубушка?

Кто то позади всхлипнул. Многие уже вытирали глаза рукавами. Жалость, такая же искренняя и непобедимая, как и жажда расправы, охватила женщин. Голося, толкаясь и перепрыгивая друг друга, они приставали к учителю с расспросами и помощью. Подошли мужики. Толпа росла и гудела. Воды нанесли ведрами, как на пожар. И когда горбунья раскрыла глаза, дружный вздох прокатился по всему кругу. К счастью для нее, она быстро потеряла сознание, и молчаливая покорность ее тела вовремя отрезвила толпу.

— Протокольчик бы надо, — сказала молодой прикащик из кооператива. — Дело то такое, уголовное.

Учитель вытер вспотевший лоб и презрительно отмахнулся:

— Что с них возьмешь! Жива и ладно.

Придя в себя, горбунья наотрез отказалась от носилок и фельдшера. Она поднялась сама и, чуть прихрамывая, пошла домой в сопровождении учителя и небольшой группы мужиков и баб, следовавшей немножко поодаль.

У пригорка, под Вакулинским домом, она вдруг покачнулась. Алексей Фомич подхватил ее на руки и понес наверх.

В.

— Папа, не осуждай их. Они не ведают, что творят.

В низкой, темноватой комнате пахло дымом и лекарствами. Анюта лежала на кровати. Учитель сидел поодаль, у окна, задумчиво глядя на ее осунувшееся лицо.

— Как вам это понравится? — говорил Ветров, яростно шагая из угла в угол. — Непротивление злу! Церковница! И это моя дочь! Мало тебя били, матушка.

Алексей Фомич нашел нужным вмешаться.

— Я не церковник, Михаил Петрович. Но повторяю вместе с вашей дочерью: не осуждайте их. Осуждайте тех, которые веками держали их во мраке. Если вы такой ученый, поделитесь своими знаниями с неучами.

— Пустая сентиментальность! — воскликнул Ветров. — Знание — это тоже богатство. А вы верите, что богачи добровольно уступают свои миллионы? Нет, вы национализировать их. Ну, а попробуйте национализировать мои знания, если я сам не захочу их отдать.

Алексей Фомич тряхнул русой головой.

— Я думаю, что вы сами захотите. Наука, спрятавшаяся в тайник, ни черта не стоит. Она также мало принесет вам удовлетворения, как поэту его стихи на необитаемом острове. — Он добродушно улыбнулся. — Да, и уверен, что вы поделитесь с нами.

Ветров раскрыл рот для возражения, но в этот момент горбунья слабо застонала и он бросился к ней.

— Ничего, папа, — прошептала она. — Я просто неловко повернулась.

— Врешь! — закричал Ветров и схватился за голову. — Доканали, проклятые! Она и так слабенькая! — Вдруг он обратился к учителю: — Не знаете ли, в церкви еще служат?

Алексей Фомич взглянул на часы.

— Я думаю.

— Гулянка в полном разгаре?

— Надо полагать.

Ветров казался охваченным каким то злобным вдохновением.

— Так вот, молодой человек... Хотите посмотреть, как я делюсь своими званиями, как я просвещаю тех, которые искалечили мою дочь? Вы не боитесь сойти с ума?

— Я готов. Но что вы задумали?

Ветров, ничего не ответив, вышел в соседнюю комнату.

Горбунья сделала попытку приподняться.

— Пожалуйста, — сказала она, — отговорите его. Я боюсь.

— Чего вы боитесь? — спросил Алексей Фомич. — Это угрожает жизни?

Она покачала головой.

— Нет. Не думаю.

Алексей Фомич просил и потерял руки, как мальчишка предвкушающий забаву.

— Тогда пускай! За ученые платят.

Снова вошел Ветров. В руках у него была странного вида эластичная круглая коробочка из полупрозрачной массы с отверстиями, оплетенными проволокой. Длинный изолированный провод волочился за нею из-за закрытой двери.

— Папа, не надо, — запротестовала Анюта.

— Молчи!

Он подошел к ней, и, приподняв ее покорную голову, надел на нее коробку. Затем он повернулся к учителю.

— К сожалению, — сказал он с усмешкой, — для вас нет запасного защитительного шлема. У меня их только два: для меня и для дочери. Но вам он и не нужен. От этого пострадала бы полнога впечатлений. Теперь не угодно ли вам последовать за мною наверх... в ложу моего театра?

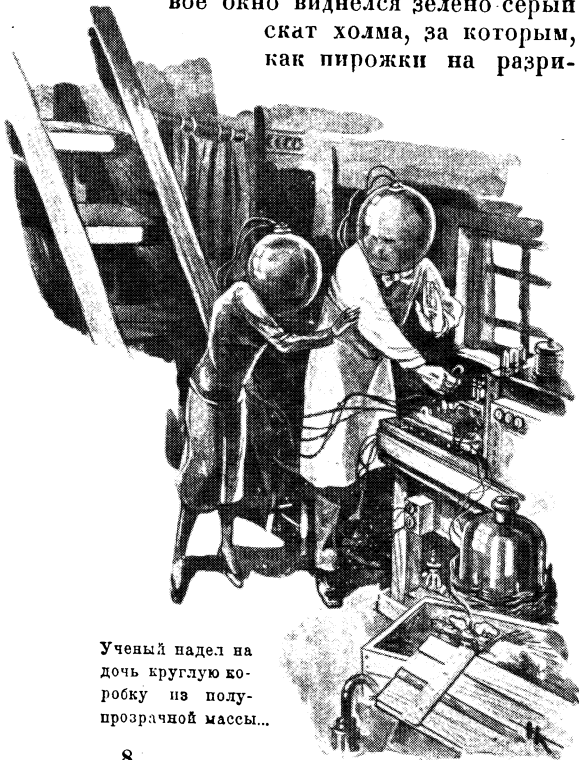
Алексей Фомич остался один на чердаке дворничкой. Добровольный узник, он стоял, крепко при являнный к столбу, подпиравшему крышу. Внизу, перед ним, в небольшое слуховое окно виднелся зелено-серый скат холма, за которым, как пирожки на разри-

сованном блюде, скучились крестьянские избы. Посреди села, между расступившимися строениями, базарная площадка лениво переливала на солнце праздничными красками. За нею белела церковь с колокольной, и вблизи ее бурными пятнышками двигались падающие коровы.

Было душно и скучно. Алексей Фомич уже начал терять терпение. Вдруг он почувствовал, как будто какая то горячая, хмельная волна подхватила его и понесла вперед. Он рванулся, но веревки удержали его на месте. Дрожа и играя всеми мускулами, как пойманный степной жеребец, он взглянул вниз на село. Сознание ему не изменило. Он только ощущал непостижимую буйную веселость, непобедимое желание пуститься в пляс, кувыряться и вообще проделывать нечто, несвойственное его возрасту. Его лицо само собой расплылось в улыбку и он громко захохотал.

Степное село Верхи на его глазах превратилось в какой то шабаш ведьм, не снившийся средневековью. Цветные фигурки людей и животных на базарной площадке закружились и запрыгали, сплетаясь в причудливые узоры. Одиноким прохожие на улицах выделяли такие мыслете, которым позавидовали бы все пьяницы мира. То там, то здесь металась ошалевшие крестьянские клячи, волоча за собою обломки телег. Коровы у церковной стены вели себя по телячьему игриво. И если бы Алексей Фомич мог проникнуть взором сквозь эту белую стену, он увидел бы потрясающее, кошунственное зрелище: священника в полном облачении, оглясывающего дикий танец в купе с прихожанами и певчими. Неистовый разноголосый вой людей и животных доносился снизу. Но и сам Алексей Фомич визжал, как радующийся ребенок, дрыгая на месте ногами и руками.

Как долго это продолжалось, он не мог бы определить. Время для него перестало существовать. Он только видел, как некоторые из танцующих фигурок падали в изнеможении на землю под ноги более выносливых. Навождение прекратилось также внезапно, как началось. Учитель почув-

Ученый надел на дочь круглую коробочку из полупрозрачной массы...

ствовал, как ослабили его мускулы, с лица сбегала гримаса смеха, и в голове стало ясно и тоскливо. Внизу все сразу замерло. Измученные танцоры остановились, как вкопанные, с недоумением поглядывая друг на друга. словно проснувшись, учитель услышал тяжелые шаги по лестнице и насмешливый голос Ветрова:

— Ну что, понравилось вам?

— Я ничего не понимаю, — прошептал Алексей Фомич. — Развяжите меня. Это не так легко вынести.

— Хорошо, — сказал Ветров, подходя к нему. — Но ведь вы видели только первый акт пьесы. Вы видели, как они веселятся. А вы знаете, что я могу заставить их разыграть всю гамму чувств и поступков, на какие способен человек. Я могу навести на них панику, могу заставить их сцепиться друг другу в горло или обниматься в порыве дружбы. Их любовь, страсть и ненависть — все в моей власти. Хотите это видеть?

Алексей Фомич устало мотнул головой.

— Нет, благодарю вас. Отпустите меня. Я предпочитаю быть с ними. Я ничего не узнал, кроме того, что для вас нет разницы между человеком и скотом.

Веревки упали, и он почувствовал себя свободным.

5.

— Анюта, я прощаю им твои сияния.

Глаза горбуны просветлели, и она отозвалась радостной улыбкой на слова отца. Она давно отвыкла видеть его таким веселым. В последние годы он стал угрюмым и раздражительным. Он не щадил ни себя, ни дочь, и его опасная работа сказалась на здоровье обоих. Теперь Ветров был неузнаваем. Он вошел в роль хозяина и, усадив учителя за стол, угощал его чаем и анекдотами. Но Алексей Фомич ждал другого угощения. Он почти не слушал, отвечал невпопад, и все его мысли тянулись к маленькой двери в соседнюю комнату, которая была так плотно закрыта перед его глазами. Наконец, он не выдержал и взмолился:

Горячая, хмельная волна подхватила учителя и понесла вперед. Он рванулся, но веревки удержали его на месте...

— Михаил Петрович. Объясните же мне чтонибудь. Все это похоже на сон.

Ветров испытующе оглядел его с головы до ног.

— Ага, вы рассчитываете на мою слабость! Вы думаете, что я поделюсь с вами тем, чего я достиг.

— Я надеюсь. Ведь вы сегодня в роде именинника. Может быть, вы расщедритесь по этому случаю.

— Анюта, а ты как думаешь? — спросил Ветров.

Горбуня точно ожидала этого вопроса.

— Папа, — сказала она, лукаво прищуриваясь, — да ты сам хочешь, я влжу.

Ветров расхохотался.

— Чорт возьми! Малютка, ты знаешь человеческую природу. Сегодня мой праздник, и я, действительно, чувствую потребность похвастаться. Ведь мне впервые удалось произвести мой опыт в массовом масштабе. Может быть, я бы не решился на это, если бы не эти дуры, напавшие на тебя. — Он повернулся к учителю. —

Теперь послушайте мою маленькую лецию. Конечно, вы разрешите мне не вдаваться в детали?

Алексей Фомич кивнул головой.

— Вы знаете,—продолжал Ветров,— что есть область, которая до последнего времени оставалась загадочной для чистой науки. Это те процессы которые происходят в мозгу и нервных центрах человека и высших

Степное село Верхи превратилось в какой-то шабаш ведьм...

— Понимаю, — воскликнул Алексей Фомич. — Радио?

Ветров снисходительно улыбнулся.

— Вы догадливы, молодой человек. И вы, конечно, достаточно знакомы с этим молодым увлечением человечества, чтобы понять мою аналогию. Представьте себе радиостанцию, работающую на волне определенной длины, скажем—в одну тысячу метров. Может ли она слушать другую станцию, работающую на более короткой волне, или передавать ей что нибудь от себя?

— Конечно, нет, — ответил Алексей Фомич.

— Эги две станции, — продолжал Ветров, — подобны двум разным мирам. Они не существуют одна для другой, пока не настроится на волну одинаковой длины. Теперь вы понимаете, почему точная наука до сих пор не могла проникнуть в сущность душевной деятельности, расшифровать язык мозга и нервной системы. Там действуют электрические токи неизвестного ей порядка.

животных; то, что вы разумеете под словами: мысль, воля и чувство. Кажущаяся оторванность этой области от мира материального, от мира измеримых величин, приводила нас к мистическому противопоставлению духа и материи. Никакие теории не могли помочь нам в этом, и психология осталась до сих пор самой беспомощной из всех наук. Помощь пришла оттуда, откуда ее менее всего можно было ожидать, — от физики электромагнитных волн, которая за последние годы сделала такие успехи. Как это ни странно, мне помогла и техника.

в этом заключается мое достижение. Узнайте же, что мозг вы с п и х животных является самым изумительным приемником и отправителем

электромагнитных волн. Но это не те волны, с которыми оперируют наши радиостанции. Это — волны, необычайно короткие, громадной частоты, — я их называю «микроволны». Их существованием объясняются такие явления, как гипноз, внушение на расстоянии и передача мыслей, так называемая телепатия, от которой наука так долго открешивалась. Они объясняют и целый ряд явлений массового самогипноза: например, религиозный фавагизм, панику, вспышки

— Вы открыли их? — спросил Алексей Фомич.

— О нет! До этого еще далеко. Но я их нащупал, и

национальной вражды. Невозможно перечислить все те случаи, где приложима эта теория. Но это даже не теория. Это факт. Сегодня я доказал вам ее наглядно.

Ветров сделал паузу и торжествующе взглянул на учителя.

— Я начал с изучения физиологического действия известных нам токов на организм, с тех токов, которые я называю поверхностными раздражителями. Долгие исследования в этой области привели меня к открытию электрических токов другого порядка, которые действуют непосредственно на мозг. И я убедился, что мозг человека и животных обладает способностью автоматически настраиваться на любую длину волны в определенных пределах. Незначительно изменяя частоту и характер колебаний, можно вызывать любые рефлексy, можно играть на человеческой душе, как на скрипке. Вы понимаете теперь, почему мне пришлось забраться в эту глушь. Работа с этими волнами в городской обстановке, при скученности населения, могла бы припести мне бесчислен-

ные неприятности. Радиус их действия мне самому еще недостаточно известен. Но даже и здесь, в деревне,

я работал вначале с током небольшой силы, пока не проверил действия своей станции на себе, на дочери, на животных и случайных посетителей. Он улыбнулся.—Вчерашнее подкрепление в виде тех «алиментов», которые так смутили добрейшего Степываныча, позволило мне во много раз увеличить силу моих волн и дальность их рассеяния в пространстве.

— Хорошо, — сказал Алексей Фомич, — а чем вы защищаете себя и дочь от действия этих волн?

— Вы видели шлем, надетый мною на голову Анюты? Там образуется замкнутое магнитное поле, в пределы которого волны не могут проникнуть. Не подумайте, что это так легко сделать. Я истрепал свои нервы, я приобрел неизлечимую болезнь сердца, прежде чем открыл это противоядие. Но это ничего. Я счастлив.

Алексей Фомич посмотрел на него с восторгом.

— Да, вы счастливы, — подтвердил он. — Но будет ли счастливо человечество от вашего открытия?

Точно в ответ на эти слова в соседней комнате послышался звон разбитых стекол, стук и треск падающих предметов.

6.

Ветров, упоенный успехом своего открытия, забыл о существовании села Верхи. Забыл о нем и Алексей Фомич. Между тем, когда прошли первые минуты массового столбняка, все село, переполненное своими и пришлыми, загудело и зашевелилось. Мужики чесали затылки, судили-рядили и подсчитывали убытки от своей непонятной веселости. Бабы крестились и посылали проклятия. Девтора ликовала, вспоминая о том, как какая нибудь толстая торговка и ворчливый столетний дед откалывали трепака вместе с ними. Священник раздумывал, какую эпитимию наложить на себя и на прихожан за

поруганье церкви. Но и не понимая причины навождения, все сходились на одной мысли, на одном имени: Ветров.

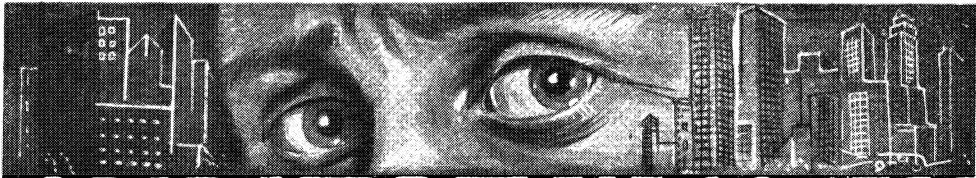
Степываныч вернулся с Егоркой несолоно хлебавши. Председатель Вол-исполкома нашел в их рассказе признаки тяжелого праздничного похмелья и вдоволь посмеялся над ними.

Приезд Степываныча совпал с самым решительным моментом. Почти все здоровое население села с дробками и другими орудиями выступило в поход на Вакулинскую усадьбу. Напрасно председатель кричал и волновался, призывая граждан к порядку. Ни крепкие, ни мудреные слова, которыми он любил щеголять, ни даже его очки больше не действовали на мужиков.

У самого пригорка толпа опасливо остановилась. Кто знает, какие еще напасти подстерегают их в этом логовище! Вызвали добровольцев. Несколько отчаянных парней осторожно стали влезать по склону холма, на глазах притаившейся толпы, выше, выше, к окну дьявольской лаборатории.

Ветров содержится в московской психиатрической больнице. Хладнокровие Алексея Фомича, сумевшего повлечь на толпу, спасло его и дочь от расправы. Но вся его лаборатория, — плод долгой и упорной работы, — была разгромлена без остатка. И мозг великого ученого не выдержал испытания.

Внешне он производит впечатление тихого большого ребенка. Его любимое занятие: постройка затейливых домиков из пустых картонных коробок. Но для того, чтобы вновь зажечь его померкшие глаза и вызвать в нем настоящий припадок буйного помешательства, достаточно спросить его об его открытии, о «микро-волнах», тайну которых он унесет с собою в могилу.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

Фантастический рассказ Е. ФОРТУНАТО

Иллюстрации Н. УШИНА

I.

Мировой город жил своею жизнью...

Это был мировой город: мировые ученые, мировые изобретения, мировые миллионеры и... мировая скорбь.

Смрадная, до отказа наглотавшаяся людьми подземка, то и дело выплевывала их живые потоки, воздушные трамваи соперничали с ней, над ними чертили небо громадные дирижабли, а по улицам катилась свое течение река автомобилей и пузатых, набитых пассажирами, автобусов.

И богатые, и бедные вечно спешили в мировом городе, стараясь догнать ускользающую жизнь.

Мальчишки - газетчики, под тарыхтанье моторов и рев сирен, выкрикивали сенсационные новости, где чаще всего повторялись имена двух миллионеров: — миллионера Бурса и миллионера Дибубльштейна. Оба были мировыми известностями.

Кто не знал дома миллионера Бурса? На фронтоном этого громадного гранитного здания была высечена надпись:

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

Потому что Бурс был не только всемирным миллионером, но и всемирным ученым, и все свое состояние тратил на этот институт, где под его руководством работали многие сотни ученых.

Если бы можно было заглянуть в глубь темной, безукоризненно-причесанной головы молодого ученого, выяснилось бы, что деятельностью его руководит не какое-либо альтруистическое стремление, а лишь упорство добиться своего. За славой он не гонялся, потому что со дня своего рождения он уже был отмечен славой, благодаря своему многомиллионному состоянию. Семьи у него не было. Он жил своей идеей: — Каррелли и Гаррисон доказали, что клетки высшего организма могут переживать вне организма в искусственных культурах десятки лет. Знаменитый русский ученый профессор Кравков говорит в своем труде, что можно снова заставить работать сердце, вынутое из трупа на третий, пятый и даже шестой день после смерти, — значит (так верил Бурс) можно найти способ воздействия на только что остановившееся сердце, не изъятое из организма, и этим добиться оживления этого организма. Люди были для Бурса лишь объектами проверки его научных методов. Метод был не для людей,

а люди для метода. Но об этом не знали и не говорили, и профессора Бурса считали благодетелем рода человеческого.

В институте были самые разнообразные отделы. Бактериологические кабинеты, физические кабинеты, лаборатории. Были громадные залы, сплошь уставленные клетками с морскими свинками, над которыми дено и ношно напряженно работали биологи, изучая передачу наследственных черт.

Были другие залы, уставленные клетками с мышами, и их холили, как нечто особенно любимое и драгоценное. С тех пор, как ученые пришли к заключению, что рак мышей тождествен с раком человека, производились непрерывные наблюдения за целым рядом поколений мышей, чтобы всесторонне изучить вопрос о наследственности восприятия рака, проверить теорию о его возбудителе, и тогда уже иметь возможность бороться с этим бичом человечества. Каждую мышь ежедневно осматривал врач, и шесть ассистентов бесценно дежурили в этом царстве мышей.

В институте находились все новейшие аппараты, приборы и изобретения. Так, недавно была приобретена линующая машина, изобретенная американским профессором Михельсоном. Эта машина, как известно, алмазом проводит от 10.000 до 50.000 параллельных линий в одном дюйме ровной отполированной поверхности, нанося на ней такую дифракционную сетку, с помощью которой является возможным значительно облегчить спектроскопические работы при физических исследованиях.

Перечислить все ежедневно доставляемые в институт профессора Бурса новинки в области науки нет никакой возможности. Все, что открывало новые перспективы в самых разнообразных областях, непременно доставлялось ему.

Конденсаторы, провода индукционных катушек, высокие изогнутые стеклянные трубки в рост человека непонятными для профана хитросплетениями покрывали стены физических и химических лабораторий; трещали моторы; электрические аппараты рождали излучения громадного напряжения, порою смертоубийственные, а порою благотворные.

Медицина, физиологическая химия и физика работали рука об руку над восстановлением клеток живого организма, его омоложением и борьбой с недугами.

По корридорам, усталым и заглушающим шагами диновками, неустанно бежали

озабоченные люди в белых халатах, а в залах и кабинетах нередко слышался говор горячих, спорящих, волнующихся голосов.

По были помещенія, где царило безмолвное спокойствие, и туда никто не решался войти без спроса. Там работал сам профессор Бурс над поглотившей весь интерес его жизни задачей—оживлением трупов.

Теперь профессор Бурс рядом многократных опытов и операций над сердцем пришел к заключению, что сердце действительно может быть оживлено. Он работал над этой задачей аналогично с современными германскими учеными, которые для оживления сердца применяют выпрыскивания так называемого «сердечного гормона», т. е. вытяжки, получаемой из сердца же. К этому «сердечному гормону» профессор Бурс прибавлял один изобретенный им состав, на который он набрал совершенно случайно при своих многократных работах с вытяжками из желез внутренней секреции, и состав этот имел неописуемо мощную силу воздействия на жизненность клеток; одновременно с выпрыскиваниями он нагревал сердце трупа комбинированными им литогенетическими, ультрафиолетовыми и икс лучами. Но для успеха всей этой операции важно было уловить момент, пока еще не поздно ее сделать, то есть приступить к ней немедленно после смерти.

Профессору Бурсу удалось изобретенным им способом оживить несколько видов животных,—собаку, кошку, обезьяну, однако при условии здорового сердца в их органах. Кошкам он еще раньше пересаживал сердца, что уже делается многими светилами науки, но ведь это делается с живым организмом, а профессор Бурс задался задачей оживлять уже умершие организмы, и притом не те, которые были умерщвлены им самим, чтобы не утратить удобного ему момента, но организмы, умершие без его содействия, от какого-либо недуга или случайности.

Некоторые опыты удавались блестяще, но все это было с животными. Власть над оживлением сердца человека все еще ускользала из длинных нервных пальцев молодого ученого.

Но профессор Бурс верил в свое конечное торжество и неуклонно шел по тому намеченному пути, ради которого был создан институт «Борьбы со смертью».

II.

Другая «знаменитость» мирового города, миллионер Дибульштейн, был далеко не так богат, как про него кричали, и, конечно, он не упускал ни единого случая, чтобы умножить свое состояние. Он умел пускать пыль в глаза и потому он был у всех на языке. «Знаменитым» считался его дворец из зеленого мрамора, где давались «знаменитые» празднества, «Знаменитой» была скаковая конюшня, «знаменитыми» белые бульдоги и «знаменитой» брюнетка—любовница, которую он выставял рядом с собой в театрах и в ресторанах, с «знаменитым» ожерельем розовых жемчугов на шее.

Дибульштейн был занят не менее профессора Бурса; все напряжение его изворотливого ума сводилось к умению «делать деньги», но деньгами этими, признаться, он почти не успевал пользоваться. О его финансовом чутье, о его часто самых рискованных аферах говорили повсюду. Одним приказом, одним взмахом пера, он иногда разорял целые области или пускал по миру тысячи людей. Но люди всегда были пешками в его игре, тоже были объектами для достижения его замыслов. Всегда озабоченный, он смеялся и радовался лишь тогда, когда удавалось кого-нибудь надуть и этим обогатиться и, конечно, особенно наслаждение было для него в неожиданной комбинации, тайно обмозгованной долгими соображениями и притом не брезгуя способами. Лишь бы сорвать блестящий куш и услышать, как ахнет весь финансовый мир.

Так и теперь Дибульштейн делал одно задуманное им дело. Он приказал своим маклерам спешно распродавать все его нефтяные акции, что должно было вызвать панику, так как добрая половина состояния Дибульштейна была вложена в нефтяное дело.

— Да что с ним? Ошazel!—недоумевали другие биржевики.—Ведь ему уже за шестьдесят, видно, ум за разум зашел... Разорится... Смотрите, что он делает... Нефть чуть не каждые четверть часа падает...

Но у Дибульштейна был свой план:—наводнить своими акциями рынок, понизить этим цену нефти, нагнать такого страха на своих конкурентов, чтобы они тоже начали спешно распродавать свои акции, а потом, уловив предельный момент их падения, скупить их все тайком; но это надо сделать скоро, ловко, умеючи, через посредство многих сотен агентов, не скупясь на них. Быстро все забрать в свои лапы, но так, чтобы никто не догадался, что это делает он.

На рынке давно уже шла борьба из-за нефти. Конкурировала одна дальняя страна, доставившая свою нефть значительно дешевле других, и это произвело давление на понижение местной нефти.

Сейчас, уже почти осуществив свой план, то есть выбросив все свои акции на рынок и тем создав панику, Дибульштейн посредством подкупа перехватил и задержал телеграмму с известием о разрыве торговых сношений с дальней страной. Соглашенный с поля битвы нежеланный конкурент должен был на значительный бросок поднять цену местной нефти и обогатить владельцев ее акций, если успеть скупить все эти выброшенные на рынок ценности по их искусственно пониженной минимальной цене, пока не разнесется сенсационная весть и не взбудоражится весь рынок. Акции сейчас бери сколько хочешь,—все от них отказываются, но ведь надо время... А Дибульштейн мог задержать официальную телеграмму всего на несколько часов. И считать, что у других биржевиков тоже есть свои агенты за границей и есть шифрованные телеграммы.

Какие сутки! Красно-фиолетовые пятна на дряблых щеках Дибульштейна не тускнели ни на минуту. Никогда, кажется, он так сильно не волновался в жизни... Тот чиновник идет под суд?.. Но... разве он думал об этом?..

Успеть... «гу-гу-гу»... стучала кровь в виски. Он целый день провел в своей конторе у телефона, не притрогиваясь к еде и только выпивал время от времени по стаканчику коньяку.

Успеть... Конечно и другие не дремлют... Пот крупными каплями скопился на его облысевшем лбе, глаза вылезали из орбит в напряжении страха. Казалось, для него решается вопрос жизни или смерти, хотя о разорении все же не могло быть и речи. Липкие, дрожащие пальцы стряхивали пепел на выпяченном животом жилете.

Успеть... Ну, хоть час еще... хоть 10 минут... Вот-вот должен прийти его главный маклер.

Распахнулась дверь. Дибульштейн вскакивал. Но коротенькие дрожащие ноги не подвигали грузного туловища, они как то странно и неожиданно подкосились, лицо вдруг побелело, а потом темная волна поплыла от щек к темени.

— Успели! — радостно кричал маклер.

Но стеклянные глаза Дибульштейна уже ничего не видели, он свалился начком. И начался переполох.

— Кровоизлияние в мозг, — сказал вызванный врач, — мало надежды, но...

— Это он от радости, — шептались вокруг. — В несколько часов удвоить свое состояние, каково! Нефть-то, слышали?

Дибульштейна спешно перевезли в автомобиле из конторы домой.

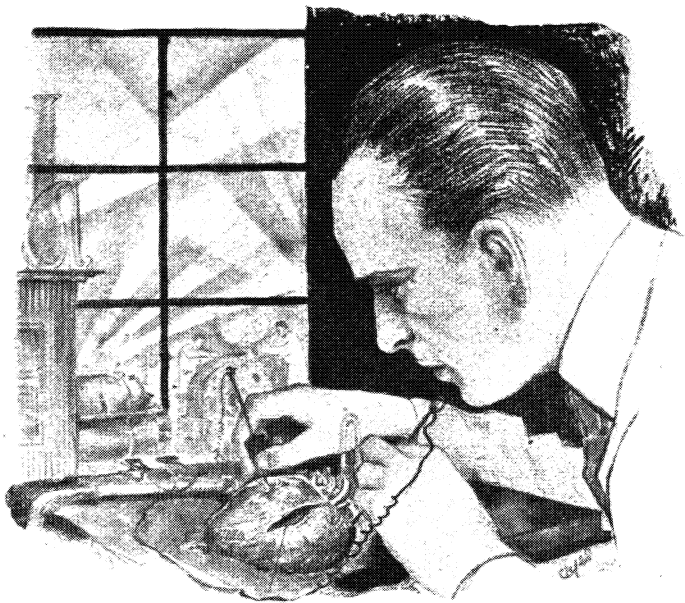
И когда «знаменитый» зеркальный автомобиль пересекал одну из площадей, под его колеса чуть было не попал неожиданно потерявший сознание худощавый, невзрачный человек в вытертом пальто.

Бюститель порядка властным жестом задержал великодушный экипаж.

III.

Человек в изношенном пальто за год до этого назывался конторщиком Кротовым и был одним из необходимых, но незаметных колесиков мощной государственной машины. Считался работником образцовым.

С тех пор, как он переселился в этот мировой город, — что, к сожалению, было не так тавно, чтобы дать ему какую-нибудь предвизию на пенсию, — дни его катились друг об другом, все ровные-ровные и однообразно-серые. Каждое утро, как ужасенный, вскакивал он от трескотни будильника, спешно одевался, стоя, обжигаясь, пил перекипевший или недокипевший кофе, который приносила ему хозяйка квартиры,

Проф. Бурс работал над живлением сердца...

уже на ходу дожевывая булку с маслом, и мелкой иноходью бежал к автобусу. Расстояния в мировом городе были очень значительны, и доступные бедному люду квартиры находились далеко от центра.

С каждым годом, с каждым месяцем в мировом городе уплотнялся государственный аппарат и производился чистка в рядах служащих. Не дай бог опоздать! — Два замечания, и — увольнение. — Это знали все. Разве посмотрят на то, что он так далеко живет и всегда может быть задержка с автобусом, и на то, что он такой образцовый работник, что его конторские книги хоть на выставку выставляй, что он умеет разобраться в бесконечной путанице и мелкоте самых неразборчиво написанных цифр без единой ошибки...

— Ну, и глаза у вас. Да это целое состояние такие глаза! — удивлялись сослуживцы, и даже начальник недоумевал, как это удается Кротову так безукоризненно разбираться при всех непреодолимых для других затруднениях.

Но если опоздать... Надо всегда помнить, что у него нет протекции. Единственная его протекция — его глаза.

И сердце Кротова то замирало, то ускороленно билось на перекрестке, когда он поджидал замешкавшийся автобус и когда, уже проехав несколько кварталов, он, опять иноходью, бежал к станции подземки и вился в вагоне на ремне, в смрадной, душной атмосфере прильнувших друг к другу тел.

Служебные часы проходили всегда одинаково, в вечной спешке и в вечном напряжении, как бы опять-таки не слезать какой-либо оплошности, которая грозила потерей места. Восемь часов труда, потом сверхурочные работы, — если отказаться от них, — увольт: они, конечно, оплачиваются

отдельно, но как они трудны для отупевшего мозга! Потом возвращение домой в том же смрадном вагоне подземки, где теперь, виса на ремне, он силится пробегать хотя телеграммы вечерней газеты. Все пытались это сделать, и весь вагон шуршал листами неудобно переворачиваемых страниц.

Кротов обычно обедал в маленьком ресторанчике между станцией подземки и стоянкой автобуса, но ел без аппетита. Как-то удручающе действовало, что все незаметные люди его положения непременно должны пойти в эти часы в подобные этому ресторанчики и жевать рядом с ним непременно одни и те же блюда, от слишком хорошо знакомого запаха которых как-то нудно сосадо под ложечкой.

Союз, куда ежемесячно шли вычеты из его скудного заработка, широко оповещал о всех тех льготах, которые он предоставляет своим членам, — билеты в концерты, в театры, на лекции, на балы, на спортивные экскурсии. Чего чего только он ни сулил! Но не давал главного: — сил, желания и времени всем этим наслаждаться. Чрезмерная усталость, вечная боязнь за завтрашний день развивали апатию. И добравшись, наконец, домой, уже поздно вечером, Кротов около часа сидел в кресле один, в какой-то прострации, а потом дожился спать, чтобы с утра начинать тоже самое.

Сейчас у его начальника намечался роман с хорошенькой рыженькой «штучкой», — случайное знакомство в подземке, — и он обещал устроить ее конторщицей в свое отделение. Но надо было кого-нибудь сплать для этого.

И началось с того, что Кротова пересадили в самый темный угол и поручили составить годовой отчет и таблицы, черновик которых его начальник перечиркал самым отчаяннейшим образом, испещрив их кривью и вкось такими мелкими, непонятными надписями, которые даже мухи привняли бы за свои следы. Но острые, блестящие, карие глаза Кротова не выдали, — он справился с заданием и скоро, и безукоризненно.

— Ну, и глаза у вас, это целое состояние! В такой-то темноте... и при этаких караулах...

Да, сам Кротов тоже знал цену своим глазам; они не выдадут. Но, если нет заступника и протекции... И, вернувшись как-то вечером домой, он нашел у себя бумагу, что «за сокращением штата»... И через несколько дней на его место была взята конторщицей рыженькая «штучка».

Накапливавшаяся изо дня в день усталость в первые дни после увольнения вызвала неизъяснимое блаженство от сознания, что больше не надо торопиться, можно спать, сколько хочется, и есть... где хочется, жить как хочется. Ум тогда еще не осознал, что грозит впереди... Десять месяцев будет пособие... Можно пришить все недостающие пуговицы к белью, и вычистить бензином костюм, и прочитать несколько интересных книг, и самому на примусе приготовить себе бифштекс на настоящем масле.

Но десять месяцев так скоро текли Кротов спохватился лишь в последние месяцы, стал обивать пороги разных учреждений, выклянчивал места, стал подумывать о каком-нибудь кустарном заработке, пробовал делать придуманные им шоколадные конфеты и продавать их на улице, но их раскупали мало, находили, что дорого, а они обходились очень дорого и были такими вкусными, что он не мог удержаться от искушения лакомиться ими сам.

Правительство исполнило свой долг: оно десять месяцев уплачивало пособие, а потом вычеркнуло Кротова из списков, уже не заботясь о нем. Вышедший номер. Тогда он стал продавать все то немногое, что у него было, даже одежду. Впрочем несколько вещей он искромсал на зайчиков, находя, что так выгоднее, и с ними таскался каждый день на далекий базар. Так он дошел до того, что у него остались лишь брюки и самое истертое пальто, которое он надевал поверх брюк без пиджака, и в этой нищенской фигуре вряд ли сослуживцы сразу узнали бы всегда опрятного, аккуратного конторщика Кротова.

Потом началась голод, милостыня на улице и, наконец, последняя служба, — открывание двери в великолепном гастрономическом магазине «О Гурман». Это была старинная фирма и находилась она в одном из немногих прежних зданий, как то уцелевших в мировом городе и непохожих на современные небоскребы. И, как в старинных магазинах, тут не было еще вертикальное зеркальное тамбура при входе, а была прежняя, обыкновенная, тяжелая, массивная входная дверь, с резной бронзовой ручкой, которую угодливо открывали трещенные пальцы Кротова, пока его блестящие глаза с мольбой устремлялись в лицо покупателя. У «О Гурман» была своя клиентура; здесь заказы редко выполнялись по телефону; сюда гастрономы обычно приезжали лично, чтобы все осмотреть, облюбовать, попробовать, и тогда выбрать, поболтать с уштанной кассиршей.

Когда Кротов открывал дверь, он видел всегда слева, сбоку, длинную стойку с разставленными на ней гастрономическими блюдами. У него кружилась голова от голода, застывшие ноги не чувствовали пальцев, он тщетно старался набрать слюны пересохшим языком, и было какое-то страшное наслаждение смотреть на кровавый ростбиф, заливные из поросенка, белые пласты осетрины с янтарной прослойкой, раздувшиеся отгазированные фаршированные индейки, румяные груды рябчиков и пирожков с замысловатыми завитушками. Смотреть — и дышать их запах. Редко кто из покупателей ему подавал. Многие выходя еще чавкали испробованные деликатесы, отирали губы, довольно улыбались, торопились домой с корзинами в руках. Иногда корзинки эти выносили мальчики служащие; они грубо отталкивали Кротова от двери, и ему становилось стыдно, как бы его совсем не прогнали. Он уже знал некоторых покупателей в лицо и знал,

которые подадут, а которые надменно пройдут мимо. Так он существовал буквально куском хлеба, но во сне и на яву он видел изысканные яства.

Однажды к «О Гурман» приехал высокий, худощавый покупатель, который ничего не пробовал и ничего не разглядывал.

— Да, все равно, — равнодушно говорил он приказчику, но с кассиршей разговаривая, и Кротов слышал, как он сказал:

— Ваш тигровый дог околеваает? Не забудьте мне его прислать в Институт.. Лучше, когда начнется агония... Вы увидите...

И, уходя, он рассеянно сунул в руку Кротова золотой, хотя мальчик, выносивший за ним корзину, пытался Кротова оттолкнуть.

— Это был инженер Бурс, — пояснил мальчик, возвращаясь, — он же и профессор...

Золотого хватило не надолго, и опять начался голод с какой-то особенно резкой полосой неудач. Дошло до того, что Кротов пять дней уже ничего не ел: хозяйка больше в долг не давала: он и так слишком много задолжал за комнату и за все.

Можно было бы лежать и сном обманывать голод, но он тащился пешком, а до магазина «О Гурман» было далеко; ведь это стало его службой, его единственным смыслом жизни. Открывать дверь, видеть на мгновение мелькнувшую стойку с изысканными яствами, стоять и ждать.

На шестой день он еле дотащился до «О Гурман», открывал, открывал дверь, но покупатель вышел, обливаясь, причмокивали и не встречались с его помутневшим взглядом.

Уже под вечер приехала очень нарядная немолодая женщина в столь редком для автомобильной эпохи высоком догкарте, на золотистой кобыле, которой она правила сама. Смуглый мальчик-грум, во фраке, белых лосинах и высоких ботфортах сидел рядом с нею, скрестив руки на груди. Она кинула ему возжи и вошла в распахнутую перед нею Кротовым дверь.

Он напряженно ждал ее выхода; с мукой протянул и обе руки, даже что-то пробормотал. Она отерла жирные губы кружевным платочком и отчеканила:

— Никогда не даю попрошайкам! — и, подсаживаемая грумом, уселась на высокое сиденье.

Мальчик вынес за ней корзину и пакет.

— Назад! — приказала она, и он положил все на заднюю отдельную скамеечку, где, собственно говоря, полагалось сидеть груму. Дверь рванула, и Кротов увидел, как от корзинки отделился пакет в желтой бумаге и скатился на мостовую. Он со страхом обернулся. Нет... Мальчик ушел, дверь захлопнулась, экипаж отъезжал. Тогда, одним прыжком, он кинулся к упавшему пакету, благословляя счастливый случай, что в это мгновение никто не проехал и не прошел, забрал пакет и, свернув в один из пустынных переулков, побежал. Потом, урезонивая себя, пошел медленнее, вышел на

бульвар, сел там и стал есть. Есть, чтобы не отняли... Скорее, скорее... все съесть!

В пакете оказались теренки с пампетоном из гусиных печенок, прошигованных трюфелями, и широкий флакон фаршированных крабами оливок в соусе из кайенского перца. Тяжелые, пикантные закуски; их можно было съесть очень немного с хлебом. А Кротов набивал ими рот, еще и еще, давился, глотал, не разжевывая, с трудом ворочая языком: так горел он от перца. Потом он швырнул опустевший флакон и обтер руки о скамью, оставляя на ней темные, жирные пятна. Его мучила жажда. Он подошел к бассейну с застоявшейся, заплесневшей водой, черпнул ее своей кепкой и жадно пил.

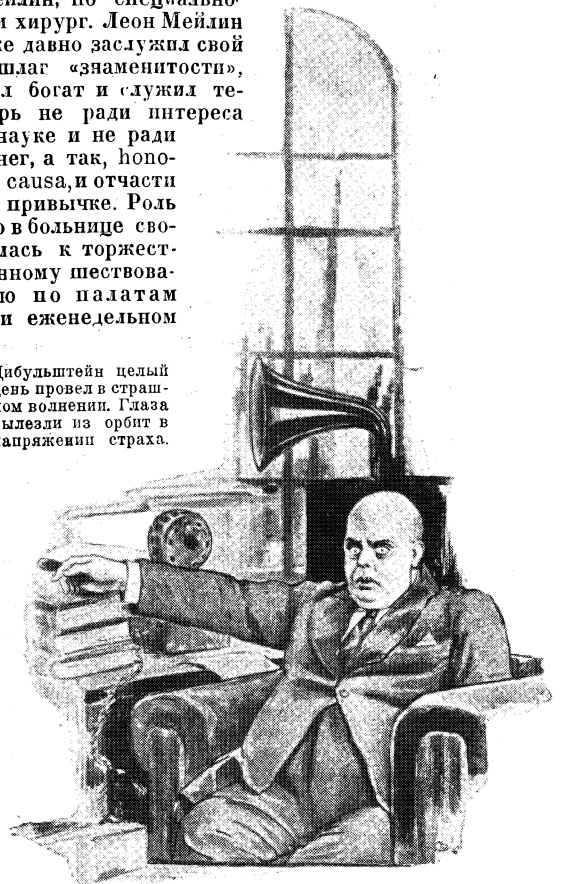
Уже ночью он был болен, но на следующий день, хотя и больной, все-таки потащился к магазину «О Гурман». Не помнит, открывал ли дверь. Голова не соображала, ноги дрожали, нудно ныло все внутри. Он провел по холодному, потному лбу онемевшими пальцами, сошел с тротуара на площадь и стал переходить ее, — но упал.

Полудейский, остановивший автомобиль Дибудьштейна, распорядился отправить упавшего в ближайший приемный покой, а оттуда его препроводили в больницу с диагнозом «Брюшной тиф».

IV.

Главным врачом той громадной городской больницы, где лежал Кротов, был Леон Мейлин, по специальности хирург. Леон Мейлин уже давно заслужил свой аншлаг «знаменитости», был богат и служил теперь не ради интереса к науке и не ради денег, а так, hono-
ris causa, и отчасти по привычке. Роль его в больнице сводилась к торжественному шествованию по палатам при еженедельном

Дибудьштейн целый день провел в страшном волнении. Глаза вылезли из орбит в напряжении страха.

Кротов, благословляя счастливый случай, схватил пакет...

обходе, в окружении двадцати-тридцати врачей и ассистентов, что, конечно, представляло зрелище, весьма импонирующее. Двери шумно рас рывались, все эти люди в белых халатах тыкали в больничные листы, перебрасывались латинскими фразами и так же шумно выходили, как только что вошли. Но иногда Леону Мейлину начинало казаться, что о нем, как будто, забывают, что пресса слишком редко упоминает его имя. Тогда он делал какую-нибудь необычайную, блестящую операцию с мастерством гения, и весь мир кричал о ней.

Хозяин зеленого мраморного особняка, герой дня, Дибульштейн, был спасен от кровоизлияния в мозг. Недаром все достижения медицины при такого рода случаях были сконцентрированы на столь драгоценном больном. Целые столбцы газет пестрели известиями о нем, и главной сенсацией явилась весть, что его зрительные нервы стали парализованными и он потерял зрение. Можно себе представить, как захлебывались газеты; столь неожиданная болезнь, потеря зрения, миллионы, на итые на нефть... Словом, Дибульштейн был героем дня... Учтя все это, Леон Мейлин нашел нужным и своевременным поехать его навестить.

— Профессор, ведь вы понимаете, мыслимо ли мне оставаться слепым, — ловил его руки Дибульштейн. — Придумайте что-нибудь... Скажите, неужели нельзя... Неужели хирургия...

— Переса ка двигательных нервов производится довольно часто и всегда успешно, — важно начал Мейлин, — но чувстви-

тельные нервы — зрительные или слуховые, — это другой вопрос, это еще не удалось никому.

— Для Леона Мейлина не может быть невозможного, — польстил Дибульштейн.

— Я как раз сейчас занят этим вопросом; один из моих европейских коллег, пожелавший пока остаться неизвестным, изобрел аппарат, раздвигающий глазную орбиту и дающий возможность вытянуть глазное яблоко с его нервом, обходясь без трепанации черепа. Этот аппарат, присланный мне лично для опытов, значительно облегчает задачу пересадки глазного нерва, как известно, соединенного с головным мозгом. Я мог бы рискнуть на такую операцию, но вы сами понимаете, как она сложна и опасна. В ней каких-нибудь пять процентов на успех...

— Я согласен на пять процентов, мне все равно не жить слепому... Вы подумайте: мне не видеть моих бульдогов, мою Лию... Лучше не жить! — Дибульштейн метался. — Я ничего не пожалю, профессор, — ему и тут казалось, что все можно купить за деньги...

— Но ведь мне ничего не надо! — выпрямился Мейлин, — и если я за это берусь, то, конечно, не ради вашей платы. Трудно, очень трудно, чтобы не сказать, невозможно...

— Вы, вероятно, затрудняетесь тоже, где взять эти необходимые для меня здоровые зрительные нервы?..

— Ах, нет, это последний вопрос! — небрежно махнул Мейлин рукой. — Их надо взять у того, кому они больше не нужны, вот и все.

Кротов умирал. Не то, чтобы тиф его был особенно злостной формы, или чтобы организм его был плох. Он умирал от сознания своего одиночества, никудашности, и от нежелания жить.

— Ком-тозное состояние, — сказали врачи. Блестящие, подвижные глаза Кротова впелись в самоуверенное лицо Мейлина.

— Вот это глаза! — машинально сказал он, видимо занятый какой-то своей мыслью.

И вскоре после этого стали готовить операционную к какой-то необычайно сложной операции. Ее будет делать «сам».

В мраморном дворце Дибульштейна звенели телефоны и поднялась суета.

V.

Опыт оживления доставленного из зоологического сада драгоценного орангутанга не удался профессору Бурсу, орангутанг прожил только несколько мгновений, и неудача привела ученого в самое мрачное настроение. Весь персонал института замер, чтобы не разразилась гроза.

Но вот, после долгой работы, многих бессонных ночей в тишине притихшего института, Бурса добился желанных результатов: он присоединил к своему прежнему методу оживления воз действие на механизм динамических нервов сердца, центры которых, как известно, лежат в верхней части спинного мозга. При силь-

ном повышении температуры влияние таких усиливающих и ускоряющих нервов возбуждает деятельность сердца, и направленные профессором Бурсом на эти нервные центры комбинированные им оживляющие лучи громадной силы вызвали в остановившемся сердце желанный толчок. Громадный тигровый дог кассирши «О Гурман» ожил и подавал надежду на полное восстановление жизненных функций.

Человека!.. Скорее опыт с человеком! Никогда ассистенты не видели профессора Бурса в такой ажитации. Он неистовствовал. Забегали люди. Зазвонили телефоны. Ведь не так-то легко вот сию минуту, по заказу, доставить для экспериментов только что умершего человека; в мировом городе хотели учиться все, и группы были буквально нарасхват. Но Бурс не признавал отказа. Так было с первого дня его рождения.

— Отправляйтесь к Мейлину в больницу и сторожите,—приказал он своему любимому ассистенту.

Ассистент измучился от беготни по палатам, в прозекторскую, в покойницкую, к дежурному врачу. К Мейлину его не допустили,—операция. Он остановился ждать в проходе у двери. Вот с величайшими предосторожностями вынесли еще усыпленного оперированного.

— Это знаменитый миллионер Дибульштейн,—пронесся шопот,—об этой операции весь мир прокричит.

И когда проследовала с Мейлином во главе процессия профессоров и врачей, через некоторое время, уже без всякой помпы, вынесли из той же операционной другие носилки.

— Умер?—нагнулся ассистент профессора Бурса, схватив санитаря за руку.

— Да, как будто...—и он замешкался, ощутив кредитку в своей руке.

Вмешался фельдшер.

— Он еще жив, но уже не проснется, профессор велел отнести прямо в прозекторскую.

— Дайте его мне, вот бумага от профессора Бурса... Автомобиль ждет...

Магическое имя сделало свое дело и... всунутые кредитки тоже. Бесчувственное тело Кротова лежало на койке санитарного автомобиля, который, по настоянию ассистента, мчался во весь дух. Тут же, на пути, он сделал в руку анестезированного впрыскивание сильной дозы возбуждающего. Еще бьется пульс... Нет... вот, затих! И когда тело внесли в операционную всемирного ученого, ассистент сказал:

— Он оперированный. . . Только что умер, когда мы подъезжали.

Бурс даже не осведомился, какая была операция у Мейлина и почему забинтована голова.

Ему было важно одно—сердце,—и не упустить момент. И, склонившись над этим объектом для испытания достижений науки, он спешно приступил к другой операции.

Проворные ловкие пальцы сделали разрез скальпелем между четвертым и пятым ребром, оттянули края раны крючками, сняли с ребер надкостницу распаратором, выпилили эти ребра, потом опять сделали разрез скальпелем и вскрыли сердечную сумку. Операционная озарилась ярким, ослепительным светом мощных, оживляющих лучей. Закусив бледные губы, с пронизывающей напряженностью своих серо-стальных глаз, профессор Бурс делал впрыскивание изобретенного им состава в толщу этого обнаженного перед ним сердца. И вот сердечный толчок вызвал ритмическое сокращение его мышц, деятельность сердца возобновилась. Затаившие дыхание ассистенты перевели дух.

Только через несколько минут, убедившись в свершившемся оживлении, торжествующий профессор Бурс снял головную повязку и, взглянув на произведенную профессором Мейлином операцию, с отчаянием всплеснул руками и несвойственно горько для него воскликнул:

— Ах!..

Кротову был доставлен такой комфорт и за ним был такой уход, о котором он, конечно, не только никогда не мечтал, но которого он даже представить себе раньше не мог. Сам профессор Бурс за всем наблюдал, и целый штат ассистентов, фельдшеров и санитаров следил за каждым вздохом больного. Здоровый молодой организм поборол все испытания. Кротов поправлялся, но повязку все не снимали с его глаз.

— Главное—сердце...—беречь сердце,—говорил Бурс,—надо устранить все волнения... еще рано...

Кротов лежал в громадной солнечной комнате с электрическими вентиляторами, с откидными креслами, с вращающимися столиками. Ванна, нагреваемая электричеством, была рядом, и его носили в нее на руках. При каждом его питании присутствовал врач; ему давали самые лучшие фрукты, дорогое вино, словом, всеми способами подготавливали к той блестящей лекции которую прочитал над ним Бурс, оповещая мир о своем великом открытии.

На следующий день с головы его сняли повязку.

— Темно!.. вырвался у Кротова крик и он схватился за виски.—Темно... Я ничего не вижу... Мои глаза!..

— И без глаз можно жить... ведь глаза у вас остались, только зрение потеряно... Профессор вас не оставит...— силится успокоить его ассистент.—Что же делать...

Объект для проверки гениальных достижений науки плакал медкими, частыми слезами, приговаривая:

— Без глаз... Мои глаза... Вы не знаете, чем были для меня глаза...

Мировой город жил своею жизнью: мировые ученые, мировые изобретения, мировые миллионеры и... мировая скорбь.

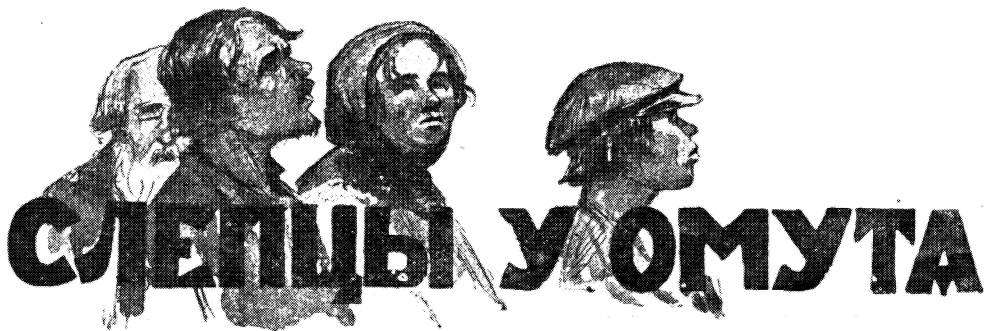
Систематический Литературный Конкурс

В каждой книжке «Мира Приключений» печатается по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 г. будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 рублей. Рассказ-задача № 1 напечатан в декабрьской книжке 1927 г.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа—написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы.

Цель Систематического Литературного Конкурса—поощрить самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества.

Рассказ-задача № 9

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИР ВА

1.

— Леса у нас — неохватные, пространственные леса, — на сотни верст раскинулись. И люди — крепкие, кряжовые, как корневища. Дотошные люди. До всего сами доходят, это точно. А между прочим, пребывают в натуре первобытной. На счет там ученых выдумок разных — не очень шибко. Тихошаглый народ, не торопкой, любит все с оглядкой и на-век. И то сказать: за готовым, выдуманным, нам ходить далече, сообщские, сами знаете, затруднительно. Ну и ладим до всего самосильно доходить, спервоначала жизнь свою мострачить, с самого грунта.

— И удастся?

— А то — не? К тому же, так смекает надо: жизнь, она что травка по весне — из

всех цорок сама вылезет. По одинаковому, как и в других — прочих местах. Смети, скажем, ныне все начисто — завтра новое созидание произойдет. А чтобы заглохнуть, захолопнуть внутрь — нет! Сила велика! Соков броженых. От избытка, значит. Вон в книгах разных пишут — и есимчивость, мол. Один народ, значит, от другого перенимает. А я так полагаю: сила тут особая в действии. Особь — сила. Рано — поздно ли, каждый до своего предела дойдет и без перимки. Потому — внутри его заложено. Как борода у парня к двадцати годам непременно вылезет, — ежели он не легчанный, разумю, — так и каждый народ до своего прогрессу достукается. Уж это будьте в надежде! И голозкой качаете занапрасно...

Дед Мосей вытащил удочку из воды, облизал червяка и опять закинул.

Сидели мы с ним у лесного озера, которое казалось огромным зеркалом в зеленой раме. И само зеркало тоже было зеленоватое, с перламутровым отливом, как древнее, выветрившееся стекло. Как бы прихорашиваясь и в очередь лобуясь своим отражением, деревья близко столпились к воде, так что берегов в обычном смысле не было.

Солнце только вставало где-то за лесом. Об этом можно было догадаться лишь по сгущенной тени на одной из обочин водной глади. Да верхушки деревьев противоположной стороны отвечивали слегка подруганной салатной зеленью.

Мосей, — чистенький, маленький старичок в белой пестрядиной рубашке, лысый со лба насквозь и пышно-кудрявый с висков, — похож на доброго гномика этого зеркального царства. Будто он незадолго до этого вынырнул из зеленого озера и, когда надоест тарбарить с захожим человеком, гномик снова нырнет на дно.

С хорошим чувством я смотрел на его розовое личико с одинокой картофельной вместо носа, на серебряную бородку какого-то живописно-голландского стиля — с желтой оторочкой вокруг рта, на белоснежные, вздернутые кверху вихры над ушами, и старался сообразить: какую же заморскую птицу он мне напоминает?

Дед вкусно обмусолил огромную цыгарку из серой бумаги, поджог ее, и она вспыхнула, как небольшой костер. Снова заговорил, так легко, без усилий, будто думал вслух, не заботясь о том, слушает его кто или нет:

— А край у нас, промежду тем, сытый. До отвалу. Вот — одна уда, другая, третья, а рыбка — ни-ни! Думаешь, нет ее тут? Уйма! Непротоленное царство. Ребятишки портками загребают сколько надо, где не глубоко, — омутов тут много, с бреднем несподручно. Да и само озеро это Омутом прозывается. А то бабы, на утрии, с бударок ¹ сети закидывают — гамузом выволакивают, аж кричат, особливо карася. Карась, сам знаешь, рыба стадная и глупая, на манер человека. А на крючок вот не берет, потому — сыта. Трухлявая по нашим местам дичь — рыба. Мало охочих до нее. А сидим мы с тобой, так надо смекать, токо для дыха, — уж больно округ для беседы и любованья все располагающе...

Старик замолчал. Прикрыв глаза рукою, он долго всматривался в прозрачную озерную гладь, где деревья, бахрмчато отражаясь в воде, так искусно маскировали переход от леса к озеру.

— Ты, дедушка, здесь и родился? — задал я вопрос.

— Тутотка. Токо дед Мосей на своем веку шибко кружился по свету. Я и в алеутах был, и в сартах, и в черкесах. И к немцам забрасывало. Везде любопытно, а у нас лучше всех, спокой и приволье. Вот уж, почитай, годов тридцать безотлучно круг этих озер брожу, — их тут у нас тринадцать штук бок-о-бок. По смолокурной

части раньше шел я, а теперь — шабаш, крышки дожидаясь. Я ведь старенький, кажись с годом восемьдесятков. Тут в округе только Слепец старше меня. Ему, надо быть, по девятому десятку зарубку пора поставить. Мое прозвание, значит, Слепцов, а его просто Слепец. А вроде как бы одно и то же, — сродственники мы. У нас, почитай, верст на двести округ все Слепцовы, а он — старшой между всеми, на манер Адама. И деревни все по нам же прозываются: Большое Слепцово, Малое, Слепцовка, опять же Слепяны, а то просто — Слепцы... Пстойка, никак человек бродит. И то...

По берегу медленно, понуро брел какой-то человек. Он то приостанавливался ненадолго, то как-то толчками двигался вперед, не спуская глаз с водной глади.

Солнце уже поднималось над лесом. Одна половина озера играла растопленным золотом, другая — отливала изумрудной эмалью. Человек шел по освещенной стороне. Фигура как-то странно выхрилась в сплетении теней и света. Иногда казалось, будто человек скользит поперек воды.

— Никак Листар? — всматривался дед. — Эх, глаза-то мне подменили, дрянные гляделки вставили... И то он — Листар! Листар — это по нашему, по простецки, по книжному он прозывается — Листарх, ¹ — пояснил мне Мосей. Тоже наш, Слепцовский. Тоскует малый. Происшествие с ним в прошлом году стряслось. Бабочка евоная в этом самом омуте сгинула. Ну, и не может смириться малый-то... Здорово, Листарушко!..

Человек встрепенулся, точно пробужденный от сна. Он на секунду приостановился и затем двинулся к нам.

— Тоскуешь все, глупый? По бабочке убиваешься? встретил Моисей его приближенье.

— Не то, дед Мосей... не то... Не она, не Агнюшка меня берedit, а тайна... Тайна тут... Не сама она, чюд я это... Дознать бы, кто виноват? Где виновных-то мне искать?.. Оттого и спокойно решен я... Мир беседе вашей, клевет на уду! — он низко поклонился нам и опустился на пригорок.

И сразу как-бы забыв о нашем присутствии. Подпер голову руками, уставился на озеро. Это был молодой еще парень, лет 25-ти, сухой, с землистым лицом, с клочками бесцветной растительности на щеках и подбородке. Подробности его облика замечались не сразу. Первое, что будило внимание к нему, это — глаза: глубоко запавшие, с огромными орбитами, зиявшими, как провалы. Эти глаза буквально светились, и светились откуда-то изнутри. Казалось, внутренний огонь расширил, обуглил провалы глазниц, как лава расширяет кратеры вулканов.

— Эх, человек — человек, нет угомоню вам во веки, — не то говорил, не то вслух думал Мосей. — Самая что ни на есть брыкливая вы скотина... Сами себя оводами жалите, ни кто другой... Эх-хе-хе!.. От

¹ Дозблєная лодка.

¹ Аристарх.

крови все это. Бывает, кровь в человеке спокойной живет, а бывает—вскипает и в бунт идет. Оттого и неурядицы всякие в жизни.

— Моя кровь спокойна...—здесь—у меня!...—Листар постучал себя по виску.— ровно кочедыком долбит: дознайся, дознайся, не будет тебе веку без того...

— Бунт и есть!—убежденно отозвался Мосей. — А подумать: кабы не бунтовала кровь, застыли бы люди на манер пня и в неподвижность сами себя привели. Опять не ладно!...

Мосей заулыбался и закурил головой, удивляясь сложности человеческого устройства.

Аристарх поднялся молча, молча побрел прочь, поблескивая глазами.

— Постой, куда же ты, Листарушка, посиди с нами...

— Надо мне... итти надо...

И ушел, спотыкаясь и пошатываясь.

2.

— Ишь, гонит человека, — удивлялся Мосей, — ровно из нутра каленым прутом зудит...

— Как это было?— спросил я.

— А по прошлой весне в жены поял себе девицу некую,—Агнией звали, правнучкой Слепцу доводилась и тоже слепая.

— Как, совсем слепая?

— А ничто! У нас много незрячего люда. Вот поживете—присмотритесь. От родоначальника нашего все, от Слепца от этого самого. Листар ему тоже звучатым племянником доводится. И опять-те хитрая механика! Родоначальник—слепой от чрева матери, а дети евоные—все как есть глазастые. Средь внуков, хоть и от зрячих родителей, слеповодные попадаются, — и мальды и девпцы. А в правнуках незрячие—почитай токо среди женска пола. Вот и Агниюшка тоже... А промежду прочих—красоты незабываемой была женщица. По осьмнадцатому году ее за Листара выдали. А ей в роде как-бы не манилось,—не люб, значит, пришлось парень-то. Ты не гляди—слепые! Они во как разбираются! Вот поди-ж ты! Самим и не вдомек, что за штука есть зрячесть, а насчет красоты человеческой породы в роде как-бы нюхом чувствуют. Тожь и Агниа...

Мосей покосился на меня и с некоторой опаской продолжал:

— Скотий лекарь тут прислан был Молодой, шагастый такой. Много он смятения внес в женскую породу. С Агнией любил шибко разговоры о жизни вести. А голосок этакий трелькающий, струнячий, ну, девица и возымела желание. И он как без соображения в роде от нее сделался. Она это к Слепцу, так и так мол, дедушка Абрам, (Аврамом Слепца звать-то). Жить без скотьего лекаря не манится. А Слепец кратко, по патриарши: «Быть тебе, дева, женою Листарха! Иди и будь чревоверной!» Не любит старик когда отрутки его с чу-жакками роднятся. Ну, на Красной Горке осоюзил Листарха с Агнией,—у нас без

попов, по своему,—а на утро тело ново-брачной всплыло вот об это самое место.

Старик опять начал ладить цыгарку. Я смотрел на озеро, где разыгралась трагедия слепой девушки. Ни единая морщина не тревожила застывшей глади, щедро запитой сейчас солнечными лучами. Да и вообще казалось невероятным, чтобы это маявшее зеркало могло таить какую-либо опасность.

Меня, как нового человека в этих местах, сильно заинтересовал своеобразный быт лесных дебрей с его слепыми обитателями. Будила любопытство и романтическая история Агниа, и полусказочная фигура патриарха Слепцовского рода. Я стал просить деда Мосея снести меня какнибудь со Слепцом. Мосей с видимой неохотой отговаривался.

— Далече... На мельнице он обретается. Версты три за Слепцами—селом. Неудобь статья это...

Однако я настаивал. Старик стоял на своем.

— Суров он, не со всеми в беседу вступает. А прознает, что и вы из дохтурского сословия, так и вовсе не пожелает показаться.

Так ведь я не по скотской части, — пошутил я.

— Разве что...

После целого ряда уговоров старик сдался. На другой день мы условились встретиться, чтобы совершить паломничество к прародителю Слепцовского рода.

Жил я в селде Слепяхах, куда попал в качестве врача прямо с университетской скамьи, всего две недели назад. Работы не было никакой. До прибытия на место я не мог себе представить такого рая, где не имелось бы больных. А в Слепяхах их не было. Да и в окрестностях никто о них не слышал. Я подумал: зачем меня прислали в этот благодатный край? Вспоминаю. За это время я не раз стажковался со слепыми, но так как они шли смело и уверенно, я заключил о их неполной слепоте. Мне и в голову не приходило, что это слепорожденные. Бросающую издали в глаза ненормальность зрительных органов я поспешно отнес к последствиям какой-либо болезни на почве нечистоплотности. Впоследствии пришлось убедиться, что чистоплотность здесь возведена в какой-то своеобразный культ.

3.

На другой день мы с Мосеем подходили к мельнице, где обитал Слепец. Тропинка шла вдоль небольшой прозрачной реченки. Был уже слышен шум колес невидимой еще мельницы. Из за поворота, навстречу нам, показалась женская фигура. Женщина шла ходко, уверенно и держалась как-то по особенному прямо. Одета — как одеваются в этих краях: складчатая юбка синей холстинки, белая рубашечка грубого полотна. Голова не покрыта, ноги босы. В несколько шагах от меня женщина сошла с тропинки, уступая дорогу и остановилась. Мосей, закуривая, немного поотстал. Я взглянул на

женщину и тоже остановился, остановился просто потому, что ноги сами этого пожелали. Стоявшая в двух шагах девушка поразила меня никогда невиданным типом. Она была белокура, по детски круглолица, и по неживому прекрасна. Такие игрушечные безделушки встречаются среди старинного фарфора. Все в ней было тщательно, артистически выточено, лишено жизненного выражения, но гармонически цельно. Вздернутая верхняя губка, чересчур бледная, придавала лицу слегка капризное выражение. Глаза чуть-чуть выпуклые, — выражения не разобрать, — полуприкрыты синеватыми веками с длинными золотистыми ресницами. Я, поджидая Мосея, довольно долго всматривался в эти глаза и с ужасом убедился, что они меня не видят. Они не видят ничего, они — неживые! Природа не закончила свое дивное строение — веки девушки неподвижны и едва ли не приросли к хрусталикам глаз.

Пока я смотрел на эту слепую лесную фею, подошел и Мосей. Легкая тень досады мелькнула на лице девушки.

— Проходите, пожалуйста, я даю вам дорогу, — сказала она.

— Здорово, внучка, — радостно закричал дед, — здорово солнышко!

Девушка улыбнулась одними губами:

— Здравствуй, дедушка Мосей. Кто этот чужой с тобой?

— А лекарь, внучка. Лекарь, звездычка...

Я никогда не забуду целого ряда изменений лица слепой девушки при этих словах. Сначала на нем, как искра, мелькнул ужас, она побледнела до цвета своей рубашечки, губы задрожали мелкой дрожью. Затем, нежный, как заря, румянец залил фарфоровое личико. Румянец так же внезапно сбежал, как и появился. Бледно-восковое лицо приняло сухое, жесткое выражение, между бровей легла сердитая складка и девушка вопросительно повернула голову в сторону деда.

Я был в сильном недоумении: передо мною стояла живая Агния, как ее нарисовало мое воображение. Ответ Мосея разъяснил все:

— Не тот, не скотский... Людской лекарь, Фектинька, лечить нас прислан.

Старик весело рассмеялся:
— Лечить прислали, а хворых-то у нас и нетути! Вот потеха!

Я заметил, как смутилась девушка, выяснив свою ошибку.

— Это — Фектинька, внучка моя дальняя, сестричка Агвюшки, — пояснил Мосей. Погодочками они были. Эта невестится еще...

Старик нежно поцеловал девушку в голову. Фекти неловко перебирала руками фарук, застенчиво улыбалась. Незрячие глаза смо-

трели куда-то вдаль, между мною и Мосем.

— Сам-от дома? — спросил старик.

— Куда ему деться? Бродит круг мельницы старый, — не особенно доброжелательно ответила слепая.

— Ну, беги себе с миром, солнышко. Будь ласкова и рости большая, — он хлопнул внучку по плечу.

— Ой, дедушка! И то с березку вытанулась! — звонко ответила Фектя и быстро, как зрячая, побежала по тропинке.

Я долго смотрел вслед удаляющемуся молодому созданию

— Это моя любименькая, — улыбался Мосей. — Умница — страсть!

Из-за деревьев вынырнула мельница. Вдогонку нам неслась тягучая песенка:

„Кузнец, кузнец, вставай с полночи,
Железо жарче раскаляй.
Ты скуй, ты скуй мне цепь такую,
Какую я тебе велею“...

— Это она, Фектиста, — обрадовался дед. — Ах, забодай ее комар, — вот певунья...

— Куда пошла девушка? — спросил я.

— В Слепцы — село. Тамotka она живет у бабки.

— И не боится заблудиться?

— Кто, Фектиста-то? Вона! У нас с тобой по два глаза, а у нее в роде как тысяча. О, ты их не знаешь, слепцов-то здешних! Они кажинный камушек чувят, кажинный кустик угадывают. Дар у них на это...

4.

У игрушечной мельнички, хорошенькой, как театральный макет, стоял крепкий, большой старик, на вид лет под семьдесят. Я принял было его за Слепца, но старик повернулся к нам лицом и из-под сурово

По берегу медленно, понуро,
брел какой-то человек...

насуспенных бровей сверкнули живые, молодые глаза.

— Здорово, Кондратушка, здорово родной, снял шапку Мосей.— Сам-от не отдыхает-ли?

— Какой ему отдых. Сейчас у кельи своей сидел.

Кондратий перегнулся через перильца и закричал туда, где шумели колеса:

— Папаша! Мосей до тебя!

— А чего для тревожить? Сами найдем, — затеронился Мосей.— Чай, помоложе.

По шатким мосткам мы перешли через плотину. В нескольких шагах от крутящейся пены водопада стояла крошечная избушка, крытая тесом, аккуратная, как приличный домик. На завалинке сидел величавый ветхий старик в широченной белой рубахе и таких же портах, босой. Желтые, похожие на восковые, руки покоились на коленях, — виднелись только кисти, все остальное затопляла бело-желтая, слегка волнистая борода. Под легким дыханием гетерка, веющего от плотины, она, казалось, струилась обильным потоком по груди старика, достигая почти до колен. Борода начиналась где-то за ушами, топорщилась на висках, мепалась с мягкими, длинными волосами головы в одно целое. Все это было цвета хорошей слоновой кости. Лоб огромный, крутой, без морщин, как-бы туго обтянутый тонкой, прозрачной пленкой. Нос узкий, прямой, с нервно вздрагивающими ноздрями, заросшими пухом. Там, где у других помещаются глаза, у старика зияло две впадины, окрашенные на дне нежно-розовым. Даже густые нахохленные брови не могли скрыть этой красоты, казавшейся обнаженными кусочками мяса. Я заметил, как невольно согнулся Мосей, когда старик заметил насторожился при нашем приближении.

— Здорово, батюшко, — сказал Мосей низко кланяясь.

— Тебе здорово, Мосей, — ответил старик, не поворачивая головы.

За густою растительностью не видно было, как открывается рот старика. Казалось, слова идут откуда-то со стороны. Монотонный шум падающей с плотины воды еще более усиливал это впечатление.

— Чужака зачем привел? — спросил старик.

Мосей зяволновался.

— Тебя повидать пожелал, батюшко... Приезжий лекарь, назначенный. Дохтуром прозывается, как значит, по людской части... Ученый...

— Не хворают у нас. Зря пригнали.

— Не хворают, это правильно... Что поделаешь? — как бы извиняясь повернулся ко мне Мосей и даже руками развел.— Ну, не хотят хворать, да и шабаш!..

Было заметно, что Мосей чувствует себя крайне неловко, как человек, нарушивший какой-то древний, чтимый ритуал.

— Вы должны извинить нас за беспокойство, — сказал я.— Это все дело моя вина. Мне так хотелось познакомиться с вами. Если бы дед Мосей не согласился проводить, я лично отыскал бы вас.

— Так велика надобность ко мне? — насмешливо отозвался старик.

— Надобность, разумеется, не так велика. Но вы знаете, быть в Риме и не видеть папы... А ведь вы — папа здешних мест. Я о вас так много слышал.

— Не к че у это, — перебил старик.— Разве слышать и видеть не одно и то же?

— Для меня это две различные вещи.

Старик помолчал. Из-под сросшихся бровей, как червячок, выползла глубокая вертикальная складка. Потом сказал:

— Не запомню, с каких пор слышу я от вас, от зрячих: видеть... А что это? Не вразумительно. Слышать — это и есть видеть. Вот я вижу тебя впервой, и уж знаю каков ты: молодой и высокий, баловный и беспокойный, опять же — шатун и спорщик. А что ты — дохтур, это к тебе не касаемо, как и ко мне. Это — сбоку прилепа, этим человек не покроешь. Вот Мосей, бродяга вселенский, кем не бывал, а все Мосейкой остался. И помирать к родной закуте приполз. Ежели человек с нутром и чует жизнь, он к смерти всегда думой оборотится.

Мосей сильно вздохнул и покрутил головой. Старик продолжал:

— Беда со зрячими. Всю землю замусорили. Тычутся во все щели и нигде места не находят. Ему и земли то всего ничего надо, а он за моря-океаны шагает. Взирает за край земли, а под носом у себя мокроты не чувствует. Счастья, кричит, ищу, счастье ловлю, а счастье давно позади осталось и за ним бежит, догоняет. Какого тебе счастья надо? Или дышать — не счастье? А легче всего там дышится, где на свет вышел и мыслью пробудился. Дыши и мысли — вот и все. А зрячие — ветрогоны. Дышат через силу, а мыслят, когда бьют их. Нет, слепые дальше видят, слепые — настоящие люди. Слепые жизнь чувуют и не расточают ее. Слепые глубже врываются. В самую правду проникают. Все души человеческие для них открыты, ничего не утаено.

Эта слепая философия страшно волновала меня. Я хотел уже опровергнуть ее, но во время собеседия свое бессилие. Как доказать человеку, глаза которого никогда не открывались, как доказать ему ласкающую красоту зорь, дать почувствовать золото солнечных витей и окраску цветов? Поэтому я только скромно заметил:

— Вы говорите так, потому что не в состоянии понять, что значит видеть. Вот, я вижу все предметы, окружающие меня, а вы их не видите...

Старик перебил меня:

— Что ты видишь сейчас?

— Как что? Вижу вас и ваш домик, мельницу и пруд... Зеленый лес на том берегу речки, зеленый лес здесь...

— А видишь ты Слепцы — село и дальше?

— Я не могу видеть села, оно скрыто лесом, который его заслоняет. Это так естественно...

Старик усмехнулся.

— Не много ты видишь. Коротко же твое зрение, зрячий, если оно и до Слепцов — села не достает. А я, слепой, вижу

весь окрест и вижу сразу. Ничто от меня мира не заслоняет. Ну, и буди об этом...

Старик оборвал свою речь и насторожился в ту сторону, где на тропинке, по которой пришли мы, показалась мужская фигура. Кто-то медленно двигался к мельнице.

— А я Листара видел, — вздохнул Мосей. — Все бродит круг озера.

— Какого озера?

— Того озера... Омутон прозывается... Где правнучка ваша... Агнющка.

Старик быстро поднялся на ноги. Пятна на

— Чужака зачем привел?, — спросил слепой патриарх.

две глазниц стали кроваво-красными. Суровая морщина расколола почти весь лоб. Он закричал на Мосея, и я впервые заметил бескровную линию его губ.

— Что мелешь, нешутевый!.. Какая Агнющка?.. Что за Агнющка?.. Не было такой!.. Одна у меня правнучка, и имя ей Феоктиста.

Затем резко бросил в мою сторону:

— Иди себе с миром, прохожий человек. Этот час я искони отдаю размышлению одиноко.

Он сделал несколько шагов, держа руки за поясом, уверенно пригнулся и нырнул в низенькую дверь келейки.

— И!.. Рассердился!.. — шепнул Мосей и на дыпочках пошел прочь, делая мне знаки следовать за собой.

Когда мы возвращались по знакомой тропинке домой, почти наткнулись на Листара. Он сидел на берегу речки и увяло следил ее прозрачное течение. На нас он даже не оглянулся.

5.

Расставшись с Мосеем, я до вечера бродил по окрестностям, размышляя об этом новом для меня мире. Ночью долго не мог заснуть. В тот неудовимый прекрасный момент, когда засыпает сознание,

передо мною, как живая, выплыла из золотого марева Феоктиста. Это до осзания было похоже на

действительность, и я вскочил на постели. В избе царил полумрак, незаметно подкрадывался рассвет. Где-то голосисто надрылся петух.

Проснулся я поздно и по обыкновению отправился бродить. Незаметно для себя очутился на вчерашней тропинке, вблизи мельницы. Долго, вероятно несколько часов, сидел на том пригорке, где вчера грустил несчастный Листар. Когда шел обратно,

лицом к лицу столкнулся с Феоктистой. Она, как и вчера, уступила дорогу и при этом улыбнулась.

— Здравствуйте, шатун.

— Здравствуйте, Фектя. Скажите, как вы угадали, что встретились именно со мной! Девушка слегка покраснела и снова улыбнулась.

Тут мудреного мало. По шагам мы узнаем людей. И еще... Ну, это же просто, только я не умею как сказать...

Мы разговорились, пошли рядом. Незаметно свернули на боковую тропинку, углубились в лес. Я вызывал девушку на разговор. Она отвечала охотно. Потом спросила из каких краев я приехал, как это далеко, какие там люди и как живут. Я долго рассказывал о жизни в больших городах, о местах, которые мне доводилось посещать. Фектя слушала с большим вниманием, часто вставляя одну и ту же фразу:

— У вас все не так...

— Лучше или хуже?—наконец спросила ее.

— Лучше... Только скучнее, — ответила она с грустной улыбкой.

Мы долго бродили по лесу, переходя с тропинки на тропинку. Я потерял способность ориентироваться и высказал вслух свои опасения.

— Кажется, мы заблудились. Я не знаю, куда вас завел.

— О, я не заблужусь! Я знаю, где мы. Вот тут сейчас и мельница.

Я предложил присесть, отдохнуть.

— Дедушка ждет...—нерешительно сказала девушка, однако села на траву.

Я опустился возле. Разговаривая, не спускал глаз с Фекти, стараясь разгадать внутренний мир этого не совсем обычного существа. Она рассказала о своей жизни просто и легко, только часто краснела. Наконец, она совсем смутилась, зарделась, как пион, и по-детски закрылась рукавом рубашечки:

— Не смотрите на меня так пристально... у меня слова пропадают...

— Как вы можете знать, будто я пристально смотрю на вас?

— Да чувствую же я!..

Потом мы долго сидели молча. Фектя ловко плела веночек из травы, которую срывала вокруг себя. Я изредка взглядывал на нее и думал о своем.

— Надо бежать. А то дед невесть что подумает. Идемте, я выведу вас на дорожку. А веночек—носите. Это для вас.— Она встала, протянула мне веночек и, слегка вытанув руки перед собой, пошла вперед. Я шел сзади, любуясь грацией своего слепого поводыря.

Расставаясь, мы ни о чем не уславливались. Я только спросил девушку, как часто она навещает своего старого деда. Она ответила:

— Почитай, каждый день.

После этого, гуляя по тропинке, я стал встречать Фектю тоже почти каждый день.

Однажды, когда мы по обыкновению сидели на полянке, вблизи мельницы, и мирно

разговаривали, мимо прошел Кондратий. Он обжог меня своими воровскими глазами и что-то хрюкнул себе в бороду. Девушка поднялась, выждала, пока затихли шаги и тихо сказала:

— Дедушка Кондратий... Теперь наябедничает самому... Он и то про вас два раза спрашивал.

— Что спрашивал?

— Ну... встречаемся ли...

— А вы что ответили?

Девушка густо покраснела и промолчала. Я понял, каков был ее ответ старику. Через некоторое время, когда краска сбежала с ее лица, и она овладела собой, сказала, как бы извиняясь:

— Он хитрый, его не обманешь..

— И не нужно обманывать, Фектинька.

— Да, не нужно... Когда бы вы все знали...

— Что это—все?

— А ничего... Здесь меня больше не поджидайте. Я другой дорогой буду ходить. А то... и вовсе не надо...

— Встретаться не надо? Разве мы делаем что-нибудь дурное?

— Ах, вы не знаете...

Фектя совершенно неожиданно для меня заплакала. То есть, сделала кислую гримасу и из немигавших глаз закапали крупные, как горох, слезы.

— Вот это совсем не годится,—стараясь перейти на шуточный тон, заговорил я.— Так делают только совсем маленькие девочки. Никогда этого не следует...

— Я такая несчастная...

— Почему несчастная? Расскажите мне.

Фектя покачала головой и пошла вперед. Я ее догнал.

— Слушайте, Фектинька... Мы не можем так расстаться. Мы должны еще встретиться. Хотите, будем встречаться у Омута? Там никого не бывает.

Девушка побледнела. На лице отразился ужас.

— Ой, только не там... только не там...

Я поздно сообразил о своей ошибке, но сказанного уже нельзя было вернуть. Фектя опять заплакала. И прижалась к дереву, потом опустилась на траву. Мне до слез было жаль это слабое, беспомощное существо. Как мог, я старался ее утешить. Вынул платок, стал вытирать ей слезы. Она доверчиво склонилась мне на плечо. Долго мы сидели молча, прижавшись друг к другу. Я понял, что судьба этой слепой девушки для меня не безразлична. Когда Фектя несколько успокоилась, она сказала:

— Там... в этом Омуте... утонула моя сестричка Агничка...

— Я знаю об этом, Мосей рассказывал. Только я не сообразил...

Девушка вздохнула. Через минуту заговорила снова. Ее, видимо, мучила потребность высказаться.

— Когда мы сидим рядом, мне кажется: я—Агния, а вы—тот... Михаил Иванович... Они ведь очень любили друг друга...

Опять помолчала

— Я часто ходила с ними. Они спят, разговаривают, а я слушаю, не идет ли

6.

Некоторое время мои встречи с Фектей были сильно затруднены. Девушка как будто избегала меня. Два раза по дороге на мельницу, ожидая встретить Фектю, я наткнулся на Кондратия. В последний раз с ним был незнакомый мне молодой парень, кривой, без шапки. Голова парня светилась большими чешуйчатыми пролепинами, — волосы вылезли от какой-то болезни. Как его звали, я так и не узнал. В округе он был известен под кличкой Мохор. Это был отпетый негодяй, вор и пьяница. Это все я выяснил позднее.

Заметив меня, Мохор сделал вид, будто рассказывает Кондратию что-то весьма забавное, он хохотал и озорно размахивал руками, и когда проходил мимо меня, скосил в мою сторону единственный глаз, круто выругался и заключил:

— Я им, стрекулистам, ходули во как ломаю! В два счета!

— Ой-ли? — притворно удивился Кондратий.

— Ей пра! Как подсолнухи... Лошни глаза! Оба захохотали и взглянули на меня.

Когда на другой день я рассказал об этой вс рече Фекте, она задумалась.

— Нехороший он человек, Мохор этот. И как это дедушка Кондратий водится с ним?

Я заметил, что быть может они встретились случайно.

Девушка покачала головой.

— Я уж их слышала вместе. Затевают они чего-то... Вы до поры сюда не ходите. И встречаться нам не надо.

На все мои протесты девушка отвечала:

— Так надо.. так лучше...

Через несколько дней, рано утром, я, по обыкновению, пошел к Омуту с удочками. Только что хотел расположиться на всегдашнем месте, как под ногами что-то хрустнуло. Оказался хорошо замаскированный большой капкан. Не попал я в него только случайно. Сомнений не было, за мною кто-то охотился. Это заставило меня быть осторожнее и вместе с тем подталкивало к решительным действиям. Прежде всего при первой же встрече с Листаром я усадил его возле себя и начал без околичностей:

— Вот что, друг, я вижу как вам тяжело.

Сухое лицо парня передернулось:

— Ты про что это?

— О вашем состоянии. Будьте откровенны, и я постараюсь вам помочь. И как человек, и как врач. Скажите, на вас так сильно действовала гибель жены? Вы ее любили?

— Знаю дело... не без того...—Листар помялся.—А тяжело мне не потому, что умерла... Умерла и умерла, все умрем... Сумлеваюсь я шибко... От этого и мучаюсь...

— В чем сомневаетесь?

— А ежели она—не сама?.. Коли утопили ее?..

— Как вы думаете, кто мог это сделать?

— Кто... знамо, злые люди...

— Да, кто они, эти злые люди?

— А мне ведомо? Кабы знать... да я... У-у!..

Листар заскрежетал зубами и жалко заплакал.

— Вот что, голубчик. Доверьтесь мне и давайте спокойно обсудим. Кое-что по этому делу мне известно. Вот как это было...

Я рассказал, что знал о гибели Агнии, умолчав об участии Фекти в этом деле.

— Это—убийство,—заключил я.—Если вы согласитесь помогать мне, мы выясним виновников гибели вашей жены.

Листар буйно обрадовался;

— Да я... Да Господи!.. Да все, что требуется... хоть жизнь мою!.. Токо-бы...

Я спросил, не следует ли привлечь к этому делу также и деда Мосея. Листар сказал:

— Ой, надо-ли?

— Почему?

— Балаболка он... Не нагадил бы... по дурости... Хопа... тебе, чай, виднее... Токо-бы... Ах, токо-бы!..

Я видел, как искренно загорелся этот погрязший в тоске парень. Он точно переродился, волновался, задавал множество вопросов, делал предположения одно другого фантастичнее. Его ввалившиеся глаза светились новым, осмысленным блеском, на щеках появились лихорадочные пятна. Он подгонял меня действовать немедленно, сейчас же. Я и сам не склонен был к промедлению, однако сознавал, что для того, чтобы выйти победителем из этой борьбы со слепой силой, необходимо хорошенько проработать план, заручиться содействием надежных помощников, усыпить бдительность тех, кого это касается, и ждать благоприятного момента.

7.

События, однако, вынуждали действовать немедленно. В тот же день, к вечеру, я встретил Фектю. Она дождалась меня недалеко от Слепян. Бедная девушка осунулась и поблдевала еще более.

Что с вами? Вы нездоровы? — удивился я.

Фектя разразилась беспомощными рыданиями.

— Дедушка сказал... скоро свадьба... Чтобы быть готовой...

— Что за ерунда? Чья свадьба? С кем?

— Моя свадьба... с этим... что Мохром зовут...

Это было так неожиданно, так нелепо и так походило на издевательство, что я в первый момент растерялся и не мог найти ни одного слова утешения для бедной слепой. Когда момент растерянности прошел, я сказал девушке:

— Вот что, Фектя. Успокойтесь и идите домой. Пока я жив, этого не будет. Клянусь вам! И уж конечно не повторится прошлогодняя история с вашей сестрой. Мы выведем на чистую воду этих выживших из ума безобразников!

Я проводил девушку к ее бабке, посоветовал без необходимости не выходить из

дома, а сам вернулся в Слепяны кратчайшей дорогой, прямо через лес.

Однообразие приемов слепого старика резко бросилось в глаза. Это не говорило в его пользу. Я продирался через лес и соображал: «Если начало совпадает с историей несчастной Агнии, то и конец может быть приблизительно одинаков. Слепец этого не может не учитывать и, вероятно, готов на все. Но я постараюсь внести в эту новую историю иной вариант... Какой? этого не отгадает не только Слепец, но и трижды зрячий»...

8.

Когда я добрался домой, мой план вчерне был готов. Волсовет находился в Большом Слепцове, там же имелась молодежная ячейка. Эту молодежь я и решил использовать в качестве своих помощников. На долю болтливого Мосея я отвел совершенно своеобразную роль: придать огласку делу, которое должно было вестись в тайне. Я был уверен, что тайна, вверенная Мосею, перестанет быть тайной. И я не ошибся.

Стояла жаркая рабочая пора. Все крестьянские лошади были заняты с утра до поздней ночи. Для за три я поручил Мосею доставить мне к среде, к вечеру, пару хороших лошадей, якобы для экстренной поездки в город по делам службы. Разумеется, я ни о чем словом не обмолвился о своем плане. Просто, за фунт хорошего табаку он должен был подторговать лошадью за какую угодно плату, но в строжайшем секрете. Я не ошибся в полной неспособности старика к конспиративным действиям. На другой день все кругом знали, что лекарь ищет на несколько дней пару лошадей. Старик, разумеется, действовал вполне честно, искренно стараясь услужить мне, но своеобразная болтливость и сугобо заговорщицкий вид, с которым он исполнял свою задачу, портили все. А мне только это и нужно было.

Инсценировка похищения Фекти подготавлилась по плану неудачного похищения ее сестры Агнии за год до этого. Вечером в понедельник ко мне явился Мосей. Издали уже чувствовалось, что старик весь насыщен тайной. Он подозрительно оглядывался, кричал и сам себе зажимал рот рукою. На его голове красовался картуз какого-то необычайно архаического фасона. Когда я

спросил о назначении последнего, старик загадочно подмигнул мне и сказал: «Ты молчи... Дед Мосей знает, что знает»... Затем заглянул, не подслушивает ли кто за дверью и злодейским шопотом добавил: «Это чтобы меня не узнали... Уж помалкивай! А на счет лошадей, слуш-ка. Дает мой кум Савелий, за рушь-целковый... И ни одна живая душа ни-ни-ни!.. Молчок!.. Мышь—и та не пронохает».

Старик был так забавно-комичен, что я еле удержался от хохота. Я велел Мосею привести лошадей в среду, как стемнеет, на дорогу возле Омута. Он испуганно снял свой опереточный картуз, долго чесал лысину и неодобрительно крутил головой, однако перечить мне не решился. Побормотал что-то такое еще о мыши и исчез в сумерках.

На другой день я навел справки о Савелии. Оказалось—Савелий большой приятель слепаца Абрама. Это укрепило меня в предположении, что последний догадывается о моих намерениях и, конечно, примет свои меры.

Во вторник под вечер Фектя, сказав бабушке, что идет на мельницу, вышла из дома. Я и два комсомольца дождались ее в условленном заранее месте. Здесь, сговорившись относительно дальнейшего, мы расстались. Я вернулся к себе, а комсомольцы должны были отвести девушку в заброшенную избушку лесника, в глубине леса, где ей предстояло переночевать и провести весь следующий день под их охраной. Я опасался, как бы Слепец не предпринял чего-либо раньше среды вечера, что могло бы внести осложнения в наш план.

В среду утром одно обстоятельство едва не привело к совершенно непредвиденной развязке. Когда я осматривал район предстоящих вечерних операций, из чащи леса громыхнул оглушительный выстрел, и заряд крупной дроби изрешетил ствол сосны, возле которой я стоял. По счастливой случайности в меня попали только две дробины, — в руку, — не причинившие мне большого беспокойства. Я бросился за негодием, который стрелял, но его и след простыл.

Заряд предназначался, разумеется, мне и никому другому. Значит—война объявлена и война—не на шутку!

Что же, поборемся. Авось вечер, вопреки пословице, окажется мудренее утра.

УСЛОВИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

2) В систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

3) Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

4) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

5) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

П р и м е ч а н и е. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений».

6) Последний срок доставки рукописей — 25 октября 1928 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе.

7) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград 25, Стремянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

8) Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет опубликовано только общее число поступивших рукописей—решений литературной задачи.

Следующий рассказ на премию в 100 рублей будет напечатан в сентябрьской книжке «Мира Приключений».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 6

Решение рассказа-задачи „НАСЛЕДСТВО“

Последние номера «Мира Приключений», как всегда своевременно подготовленные к печати, выходили однако в свет с большим запозданием по причинам обще-технического характера, ни от редакции, ни от издательства совершенно независящим и, без сомнения, известным большинству читателей газет. Таким образом, сроки для решения рассказов-задач, предусмотренные при сдаче номеров в типографию, фактически оказывались чересчур краткими. Не виноваты в запоздании редакция и издательство, не виноваты в равной мере и читатели, присылавшие решения после назначенных сроков. В виду этого, все до одного поступившие решения приняты на Конкурсе, когда бы они ни были получены. Сообщаем об этом в ответ на многочисленные запросы. Читатели должны быть уверены, что и интересы справедливости руководят Редакцией, и что нам желательно не уменьшение, а расширение круга лиц, принимающих участие в литературной работе.

Всего поступило 47 решений рассказа-задачи «Наследство». 9 заключительных глав прислано подписчицами.

Преобладающий тон решений — ярко оптимистический, отчасти, быть может, потому, что наследство Елеси, — с известной долей вероятия, — все эти авторы считают никчемным: что сделать на имеющиеся хождения «николаевские деньги»? Таким образом, у молодого Опенкина, в сущности, нет даже выбора, отсутствует коллизия интересов: нового — стремления к просвещению — и старых интересов, врожденных — опенкинских. Нет денег по-прежнему, ничто в сущности не переменялось, нет места борьбе, и психология юности проста и неглубока. Заметим здесь, что и автор всего рассказа, однако оставлявший участникам конкурса простор в разборке наследства, лично также смотрел на завершение повествования: Опенкин сжег куда негодное добро и уехал в Москву.

I. Большинство участников Конкурса, предпочитавших этот исход, также заставили Елесею сжигать деньги. Один только почему-то надушил юношу предварительно рубить их топором. Мнения о сумме наследства сильно варьируются: от десятков тысяч до нескольких миллионов. Последнее прямо невероятно и наивно, если подумать хорошенько, что такое захолустный Чертогонск и какова могла быть торговля Опенкина. Без розмаха и без организации миллионы не делаются. — Один из читателей тонко замечает, что среди пачек попадались и ассигнации 1825 г. Это хороший штрих, указывающий, что накопление богатства было родовым признаком Опенкиных. Другой автор, желая объяснить, как получилась такая громадная сумма «николаевских денег», догадывается, что Опенкин, пользуясь дешевизной кредиток после революции, скупал их на золото в расчете на будущее. Несколько человек пошли дальше чисто механического накопления и нашли в пачках всевозможные займы императорской России, на ряду с думскими деньгами, керенками, областными дензнаками, войсковыми, даже лагерей военнопленных, хронологически вплоть до советских дензнаков. У одного автора есть такая подробность: в подполье нашлось и письмо Опенкину сыну. Старик пишет, что оставляет ему все: «они сгинут — будешь богат, а что сгинут — у меня есть приметы, да и знамение мне во сне было». Это письмо — в духе обычных размышлений Опенкина. У М. К. (Москва) хорошо развиты две главные мысли Елеси во время разбора наследства. Добывал старик деньги, обманывал ради наживы и умер, не сумев использовать их ради удовольствия. Чтобы не узнали люди и не смеялись над памятью отца — нужно просто сжечь деньги.

Есть и варианты в этой группе. Так, бесполезные деньги забирают себе Фекла и Кузьма и даже ссорятся из-за них. Елизавета А. Б. (Бобров) дает яркую картину этой ссоры и дележа старых денег между старыми людьми.

А. Сам Елеса не пал духом. По одной версии, он упрекал отца, по другой — и вовсе не унывал, а продал комод, кровать и прочее барахло и на Чалом снова уехал с приятелями на станцию. — Или: (Д. З., Бор, Ниж. г.) созвал чертогонцев, роздал им «николаевские» (расхватали!) и уехал. — Или: Влас предложил николаевские взять в Москву. Там коллекционеры (?) купят, а Маша рекомендовала завернуть в скатерть: «сидеть будет хорошо» (не лучше ли сенца было подбросить?). И вот, лошадь и таратайку компания продала за 250 р. (отказавшись от железной дороги и сделав весь громадный путь до Москвы в телеге?), а все николаевские — за 50 р. «плюгавенькому человечку». — У одного читателя есть красивый и оригинальный штрих. Елеса все подарил Кузьме, а старик отдал ему свои заветные 3 советские пятерки. Чалого продали за 100 р., и Елеса уехал. — Или вот решение романтическое с оттенком мистики: видит Елеса вещий сон. Старик — его дед — явился и согнул пятак с блюдечко величиной. Силач был. И самый пятак уже наяву Елеса нашел при помощи Кузьмы. Прошло некоторое время и Елеса пробует разогнуть пятак. Начал поддаваться. Тут образ автору совсем не удался: нет правильной аналогии, и нельзя проводить параллель между физической, мышечной силой, и силой разума и духа. Увы, чаще всего в жизни бывает наоборот, и никому в голову не приходит требовать от ученых или вождей человечества, чтобы они гнули подковы. — В противовес этой романтике старого типа можно поставить героическую романтику новую, но одинаково фальшивую и не жизненную, и притом еще более надуманную и крикливую. Автор дает сначала очень хорошую картину векового накопления богатства у Опенкиных, затем преувеличивает наследство до 2 300.000 руб. и повествует, что Елеса, сев на лошадь, чтобы ехать на станцию, с громким возгласом: «Прощай, Чертогонск, здравствуй, Москва!» эффектно поджигает (?) свой дом (весь город может спалить, да и стариков пожалел бы, им бы дом оставил!). В общежитии рабфака, спустя некоторое время, ему показывают газету. На пожарище дома Опенкиных нашли сундучек, наполненный золотом: 3 п. 24 ф. оказалось. «Не мешай, я занят

уроками,—отвечает Елесья,—и этот случай меня не касается. Я теперь не Опенкин, а Октябрьев».

Б. Вторая, весьма маленькая группа решений этой категории, видит в Елесе более заурядного человека.—С. Н. А. (Архангельск) пишет, что Елесья заплакал. Он теперь понял, какие большие надежды возлагал он на деньги отца, как был уверен, что старик поможет и что ему легко будет жить в Москве и учиться. «И страшно стало ему ехать в далекую, неизвестную Москву». Влас успокоил товарища. Такому исходу нельзя отказать в продуманности и зрелости.—Или есть такое решение: через 2 месяца в Москве Елесья получил письмо от Кузьмы. Фекла умирая сообщила, что есть кубышка с червонцами. Такая глава не достигает цели, ибо автор дает новый материал для суждения, но сам не разрешает задачи.—Особняком стоит глава, в которой Елесья, собрав все деньги, мечтает устроить общежитие для студентов в Москве, но даже не дает себе труда предварительно взглянуть, что это за деньги. И когда он с приятелями приезжает на станцию и хочет купить билет, все деньги, конечно, оказываются негодными. Он разбрасывает их на платформе и платит 3 рубля штрафа «за сор». Уж очень легкомысленен... Елесья!

II. Природная пылливость ума натолкнула другую, меньшую группу участников Конкурса, на вопрос: а что, если в наследстве оказались и пригодные для жизни деньги? Как тогда поступит наследник? Крепки ли его юношеские взгляды, твердо ли его решение бросить затхлую поневоле жизнь и ехать учиться в Москву?

Мы приветствуем тех, кто именно так посмотрел на рассказ! Первый исход примитивен и требовал только приличного оформления почти шаблонного окончания:—описания уничтожения денег. Здесь—уже более глубокая и осложненная психологическая задача, над которой надо очень и очень подумать. Разрешают эту задачу различно, со множеством вариантов, в зависимости от литературного чутья и способностей.

Все заключительные главы этой категории можно разбить на следующие группы:

А. Елесья остался верен своим взглядам. Так, он нашел с сотню советских рублей, николаевские уничтожил, дом оставил старикам, и снова поехал в Москву на рабфак.—Или, по рассказу Феклы, юноша нашел в мешке 5 тысяч рублей золотом; николаевские и керенские уничтожил, хозяйство сдал в «Совет» и уехал. «Как бы сердился отец, кабы узнал»,—заканчивала старушка.—Или: среди хлама оказалось и 8 советских червонцев. Кажется набралось в общем 100 руб. Николаевские отдал старикам (хоть стены оклеивать) и уехал.—Еще по одной версии, Елесья нашел 20 «червяков» и рублей на 50 советского серебра. Торжественно свез николаевские в Уисполком и там, после торжественной речи председателя, торжественно сожгли деньги. Автор помещает Елесью и Власа в институт Карла Маркса, а верную их спутницу Машу почему то обижает и дает ей только место на фабрике Москвашвей. Елесья стал усердным эсперантистом и выиграл в лотерею Авиохима кругосветный полет. Вот он уже над Москвой и летит в чужие края. Автор внушает Елесе заключительную радостную мысль, что он познакомится теперь со многими своими корреспондентами-эсперантистами. У автора, обладающего бойким пером, натянуто звучит не только это место. Вот еще: когда Елесья получил наследство, конечно, людской молвой сильно преувеличенное, «В Загс повалили толпы мамаш с дочками переомолаживать (?) имена невест в Евпраксии, Ен (в?) фросинии и т. д.» Это конечно, шарж, как шарж и нелепая речь председателя Уисполкома, как и реплика матери Маши: «Марька! Твои москвяки пришли». «Потаскуха, намосквячат они тебе дитятку. Куда денешься?!» Или есть такое решение: среди всяких займов досталась Елесе и облигация займа индустриализации в 25 р. На станции ж. д., он узнает, что на нее пал выигрыш в 10 000 руб. и счастливый едет дальше...

Б. Наследство победило и оказалось сильнее вычитанного в книгах и еще не претворенного в жизнь. Здесь также разнообразны решения. Мы помещаем типичные в нисходящем порядке.

И. К. картинно и продуманно описывает, как Елеса прятал деньги. Все наследство оказалось настоящим. (Здесь большая бытовая ошибка, обесценивающая и все дальнейшие построения.) «Полезное людям можно делать и тут, никуда не уезжая» — рассуждал Елеса. Женится на Маше, да денег Власу.

В. Н. Б. (Коломна) дает не плохую главу с описанием, как на Елесе повлияла находка двух пачек с советскими деньгами. Он стал подозрительно относиться к Кузьме, решил все таки уехать, а пока что — все наследство спрятал снова в тайник и задвинул комод. Целее будет! Товарищи звали в Москву, но Елеса уже боялся: вдруг ктонибудь найдет без него все, что пока негодно. И откладывал, откладывал отъезды, а потом незаметно, по примеру отца, стал прислушиваться к говору кумовьев: «сидят?»...

Внизу лестницы стоит совсем уж нелепое решение. Его бытовые несообразности так велики, что читатели сами легко отметят все несоответствия и нашей действительности, и возрасту, и развитию героя. Мы приводем содержание этой главы скорее, как курьез. Все наследство оказалось пригодным для использования. Из письма Елеси мы узнаем, что он провел «2 феерические года», транжирил деньги, тратил на кутежи с цыганками, за границей с шикарными женщинами, проигрался... Теперь у него осталась одна тысяча. Он счастлив. У него за плечами котомка и он готовится в политехникум. Из этого же письма видно, что он подарил Чертогонску трактор, и обыватели ссорятся из-за очереди пахать участки. Семье Машин он дал денег... — Увы, и этими двумя похвальными поступками автор не сделал своего героя живым человеком.

Но всетаки в этом решении есть какая то логика при неверных жизненных положениях. А вот глава, стоящая особняком. Здесь нет даже простого здравого смысла. В самом деле: Елеса нашел золото. Ему стало противно. Он бросил золото. Но молодые люди и не поехали, потому что Елеса уговорил их остаться и сначала поискать работу, накопить (?), а потом уехать. Что случилось с деньгами — неизвестно.

* * *

Таковы главнейшие типы решений, приведенные в систему по основным признакам их. Что касается литературной стороны, манеры изложения, на этот раз замечается недостаточная продуманность действующих лиц многими авторами. В почтовом ящике мы постоянно указываем на серьезный недочет большинства присылаемых в Редакцию рукописей: на книжный язык, которым авторы награждают своих героев. У каждого человека свой язык, — это прежде всего должны помнить выступающие на литературное поприще. И думает каждый по-своему, в зависимости не только от своих индивидуальных свойств, но и от степени развития, в пределах накопленных жизненным опытом форм и образов.

Иногда авторы положительно забывают, что действующие лица рассказа вовсе не они, авторы, а живут самостоятельной, своей жизнью, и не могут даже знать всего того, что известно их творцам-авторам. Вот у одного, — как показали предыдущие конкурсы, вдумчивого и литературного автора, — Елеса размышляет: «что это за перемежающаяся лихорадка?» Так Елеса не мог размышлять, потому что он и понятия не имеет об этом техническом термине. Или далее: Елеса ломал мебель и «в представлении Власа возник образ жадной разверстой пасти какого то чудовища». Книжно и неверно. — У другого автора вопрос, что делать с деньгами — «закачался перед Елесей, как дерзкий, размалеванный клоун в балагане». Это у Елеси

то, мальчика из Чертогоска! — Вот еще у некоего автора: молодые люди шутят, и Маша, не имеющая понятия о железных дорогах, никуда не выходящая из Чертогоска, замечает: «а может быть начальник станции даст бесплатные плацкарты в спальном вагоне». Плацкарты, конечно, знает автор, а не Маша. Это — не мелкий промах. В этом как будто маленьком примере — яркий образчик плохого плана работы автора, быть может неумевшая взяться за дело.

Далее. Язык литературный должен быть прост и ясен, сохраняя свою картинность и образность. Ну как разобратся в таком сочетании слов, едва ли понятном для самого автора, и совсем непонятном для читателя: «Косматые признаки (призраки?) тупого разочарования на мелькающие виды будущего»...

Говорит человек ладно, складно, а берется за перо — и начинает мудрить. Вот один автор написал: «Елеса вышел из забвения и обратился к связкам, с целью узнать их содержание». Совсем протокол милицейского квартального из юмористического журнала. Сделайте опыт, попробуйте эту нелепую фразу изложить просто. Она плоха не только конструктивно, но и по смыслу.

Эти случайно из многих отмеченные ошибки и недочеты работ мы не позволяем себе ставить авторам в вину и приводим их лишь с целью на живых примерах показать, как не нужно думать и не нужно писать. Но есть ошибки иного рода, свидетельствующие о плохом усвоении заданий, о невнимательности в работе. Тут уж никто и ничто не поможет автору, кроме его самого. В некоторых заключительных главах перевернаны имена действующих лиц, а в одной — автор ухитрился даже забыть место, где происходит рассказ — город Чертогонск, и пишет: найди наследство, Елеса обрадовался, потом ожаднел и стал мечтать: «Вернусь в село, на деревню приеду, богачем стану». Готовый трафарет в голове — и без размышления перенесен на бумагу.

Отметим, однако, и стремление многих обработать свою мысль, дать ей возможно законченную художественную форму. Некоторые авторы особенно потрудились над описанием картины разбросанных Елесей денег при разборке наследства. Место не позволяет привести все удачные места и литературные обороты. Вот, например: «кережки гармоникой растянулись, опустившись к полу. Тянулись аршинами и стлались, топорщась»...

Мы радуемся каждому проблеску литературных способностей, от нашего пристального и доброжелательного взгляда не ускользает ни одна мелочь в работе, указывающая, что автор идет вперед. И мы призываем читателей с возможным тщанием и добросовестностью относиться к конкурсным работам. В них самих, в творческом процессе, а не в премиях, действительно любящий литературу читатель должен видеть главный смысл своего интеллектуального труда.

В. В.

Премия в 100 рублей на конкурсе № 6 Систематического литературного конкурса «Мира Приключений» 1928 г., по присуждению Редакции, получает

ТИНА БЕРНАРДОВНА КОЛОКОЛЬЦОВА,

подписчица в г. Ростове на Дону, приславшая следующую, наиболее литературную по форме, интересную по композиции и сюжетно разработанную заключительную главу к рассказу —

== НАСЛЕДСТВО ==

«Вросанье в землю», отвращение ко всему, желание убежать—и в то же время подавляющая воля,—все это были предвестники болезни. Елеса заболел нервной горячкой. Лечила его ветхозаветная бабка Андрониха, пользовавшая всех чертогонцев. Среди медикаментов выделялись куриный помет, которым Андрониха мазала своего пациента «супротив сердца, и пилюли из бумажек с таинственными письменами, которые Елеса должен был проглатывать «от дилого глазу и гнетучки».

В бреду Елеса просил вытащить его из гробницы, кричал о червонцах, унесенных отцом в могилу, порывался бежать на кладбище, чтобы вырыть их. Его едва могли удержать Кузьма с Худенкиным.

Молодость вывезла. Несмотря на лечение Андронихи, Елеса стал поправляться. Худой, как скелет, с молодой порослью усов и бороды, с провалившимися глазами, взгляд которых жутко напоминал старика Опенкина, Елеса уже бродил по дому. Иногда он останавливался над неубранной кучей «библиотеки», бормоча: «наследство папаша оставил»... Безучастный ко всему, он по вечерам сидел на крылечке в старом отцовском халатике. Приходили чертогонцы поохать над Елесей, да выпытать чтонибудь насчет наследства. Елеса был неразговорчив. Скоро отстали. Влас стоской смотрел на него.

— Что же, Елеса? Неужто раздумал учиться? Видно, одному мне итти... Вон, и Маша остается. Мать не пускает.

— Большой я... Или один... я потом...

Елеса прятал глаза.

И Влас ушел.

Кузьма приставал тоже:

— Чего не ищешь? Что дальше то делать будешь? Говорю: ищи!

— Ведь нашел уж... вон они, миллионы-то.

— Должны быть большие капиталы... настоящие, которые всегда стоящие. Фекла к гадалке ходила. Сказала: «есть». — Искать надо. Куда им деться? Я сам их видал. Скупщики не все бумажками платили. Было и золото, и серебро. Помногу. Считаю—адакими, во, столбучечками ставили...

Елеса оживился. Даже руки у него затряслись от возбуждения...

— Я в огороде ночами ищу,—а ты в дому ищи. Не бойся, найду, все тебе отдам. Вот те крест, святая пятница! Кузьма сдержнул заячью шапку и закрестился на колокольню единственной чертогонской церкви.

Запущенный опенкинский домишко, где с самой революции и полы были не мыты—уже не нуждался в их мытье. Половицы стояли торчком, земля под ними была изрыта ямами. Елеса, грязный, лохматый, рылся, как крот, по ночам, а днем отсы-

пался. Попадались пустяковые находки:—под выпавшими кирпичами лежанки в горенке оказалась жестянка из под монпансье, полная серебряной мелочи. Даже три империяла оказались. Верно мать насобирала тайком от отца. Елеса всю ночь перебирал монеты, силясь поймать птицами разлетающиеся мысли. Точно дверка какая-то приоткрылась в его сознании, точно на миг вспыхнул там яркий свет... Но только на миг. Дверка захлопнулась.

От Кузьмы находку Елеса скрыл. За то каждое утро, впиваясь в старика буравчиками отцовских глаз, шипел:

— Нашел?

— Нетути, хозяин. Ты в дому ищи.

— Ты, Кузьма, Бога помни. Побожился ты...

Кузьме стало невмоготу. Собрав в мешок свое барахлишко, он простился с Елесей.

Елеса бегал по горенке, бормоча сквозь зубы:

— Нашел, нашел, подлед. Нашел деньги—потому и уходит... В милицию заявить.. А что милиция? Кузьма, чай, не малолеток—хитрей теленка: он клад то перепрыгал, ушел будто ни с чем, а потом придет и унесет.. придет и унесет..

Елеса всхлипывал, размазывая по грязному лицу слезы...

Холодно в полуразрушенном домишке Опенкина... Елеса, скорчившись в углу родительской кровати, кутается в лохмотья ватного одеяла. Он не мигая смотрит в огонек лампадки перед массивным, из старого кедра, кивотом... Смотрят на Елесю темные лики святых...

Елеса тихонько сполз с кровати... Хитро подмигивая святым, он крадется к кивоту, как кот к мыши... В потемках большого мозга вспыхнула картина: он, маленький, проснулся на широченной родительской кровати—и только что собрался зареветь, как увидел в предрассветных сумерках отца и мать. Они вынимают из кивота иконы, кладут их на стол... потом записывают в кивот мешочки и свертки... Много, много...

Лампадка с треском погасла. Елеса в темноте борется с дверцами кивота. С тихим звоном сыплются осколки стекла... В окно вползает тоскливый зимний рассвет. Елеса, воровски оглядываясь, таскает из тайника сзади вынутых образов глухо по звякающие мешочки и прячет их под перину. Их много... много...

О чем думает бедная голова Елеси? Может быть, распахнется давно захлопнувшаяся дверка и восторгом всколыхнется все существо? Ведь, вот же они, желанные деньги! Ученье... Москва...

Нет. Захлопнувшиеся дверки не открываются...

Измукширский нищий

БЫЛЬ

Рассказана БОРИСОМ ЧЕПРУНОВЫМ

Иллюстрирована ФОМОЮ РАЙЛЯНОМ

I.

Беспечно бросив удила на шею лошади, бежавшей в пустынной ночи, я курил папиросу за папиросой, стараясь заглушить давно мучивший меня голод. На самом повороте дороги к селению Измукшир, лошадь моя, испугавшись зашевелившейся в темноте серой кучи, внезапно сделала скачок в сторону и, не удержавшись в седле, я тяжело упал на землю. Проклиная пугливого иноходца, я хотел было встать, но страшная боль в левой ноге заставила меня невольно застонать. Ухватившись за свесившиеся удила коня, остановившегося около, я с большим трудом приподнялся и попытался влезть на него, но мучительная боль в ноге не позволила этого сделать, и я беспомощно остановился, не зная, что предпринять дальше. Вдруг лошадь испуганно захрапела и попятилась, едва не свалив меня вновь на землю. Я обернулся: куча лохмотьев, напугавшая коня, оказалась старым нищим. Опираясь на пазку, он медленно подходил ко мне. Я сердито окликнул:

— Эй, отец, я упал с лошади, которую ты напугал в темноте. Ты за это помоги мне сесть на нее.

Старик прижал левую руку к груди:

— Прости, таксырь¹⁾, я не нарочно. Наверное твоя лошадь очень пуглива, но все-таки и я виноват. Чем же я могу помочь тебе, я стар и слаб? Что у тебя с ногой?

— Не знаю, быть может вывих или перелом кости. Я не могу на нее наступить, но как нибудь мне нужно сесть в седло, чтобы доехать до Измукшира. Не могу же я остаться здесь.

Старик пожевал губами и молча покосился на мое безбородое и безусое лицо, сморщенное от боли.

— До Измукшира далеко, таксырь. Ты не доедешь, и только хуже повредишь ногу. Ко мне ближе. Обопрись о мое плечо, дойдем вон до той ложины, там с пригорка ты сядешь.

Опираясь одной рукой о плечо старика, а другой крепко держась за узду, я кое как проковылял до пригорка. При помощи старика, превозмогая боль, с большим трудом я взобрался в седло.

Старик взял лошадь под уздцы и, круто свернув с дороги, повел ее по еле заметной тропинке к видневшимся на фоне звездного неба развалинам. Это были развалины старинного города, неизвестного названия, погибшего много лет назад. Я не раз ходил между его громадными обломками, остатками диклопических стен, мечетей, минаретов, построенных из светло-зеленых каменных плит. Больше половины города было занесено передвижными песками, образовавшими огромные барханы на его развалинах.

¹⁾ Господин.

— Не бойся, таксырь, тебе будет у меня не хуже, чем в чайхане в Измукушире, и я осматрю твою ногу. — И старик продолжал тлнуть лошадь за узду.

Через час мучительной дороги мы достигли развалин и нищий круто повернул, оглядя западную часть города. Старик остановился около обломка стены и предложил мне слезть.

— Ты за лошадь не бойся, таксырь, я ее устрою, дам и овса, и клеверу. А теперь пойдем за мной.

Мы прошли с ним десятка полтора шагов между развалинами, ежеминутно спотыкаясь о мелкие обломки под ногами. Остановившись между двумя остатками высоких стен, нищий нырнул под одну из них и по невидимым для меня ступенькам начал спускаться вниз. Через две-три минуты в темной дыре загорелся слабый огонек чирака ¹⁾ и старик, появившись у входа, помог мне спуститься в какой-то подвал.

Я очутился в невысоком сухом помещении, посредине которого находился очаг с золой, в одном углу был врезан котел для варки пищи, около котла стоял ржавый туземный самовар. На полу около очага лежали две рваные кошмы. Все стены были сильно прокопчены дымом.

Пока я, тяжело опустившись на пол, оглядывался вокруг, старик проворно vyšел из нарку позаботиться о коне. Через некоторое время он передал мне хорджуна ²⁾, снятый с лошади, и начал разводять огонь в очаге. Вспыхнувшее пламя осветило нищего: это был старик на вид лет семидесяти—семидесяти пяти, лицо его было покрыто многочисленными морщинами; седая борода клочками торчала во все стороны.

Сбросив с себя рваный халат, нищий поставил в огонь думчу ³⁾ и помог снять сапог. Внимательно осмотрев и ощутив ногу, он обратил мое внимание на сильную опухоль около щиколотки:

— Ничего, таксырь. Все благополучно, ты растянул жилу, а кость не повредил. И тебе натру мазью ногу и утром ты не почувствуешь, что она болела.

Пошарив в старом сундуке, стоявшем в углу, нищий достал из него маленькую желтую горлянку ⁴⁾, полную насвая ⁵⁾, и постукал о дно ее над пилалой с разбиты краем. В высывавшийся из горлянки темно-зеленый порошок табака — насвая, кладущегося туземцами в рот, он добавил какого-то желтоватого порошка и налил теплой воды из думчи. Круглой костяшкой старик растер образовавшуюся смесь, приложил ее к моей ноге и туго забинтовал ее.

Вода в думче вскипела. Бормоча что-то под нос, нищий положил в чайник щепотку черного чая и подал мне пилалу густого, темно-коричневого напитка. Я вынул из хорджуна оплетеную бутылку с коньяком и выпил добрую порцию в чай. Нищий с

любопытством взглянул на меня и сделал нерешительное движение.

— Добавь таксырь, но только немного. Я наклонил горлышко бутылки и налил ему столько же, сколько и себе. Старик втянул в себя глоток и, слегка сморщившись, выпил весь чай. Не дожидаясь моего вторичного приглашения, он сам взял бутылку и разбавил свой чай доброй порцией коньяка. Я засмеялся:

— Правится? Верно; это очень хорошо помогает, чтобы забыть усталость, а если есть горе, то веселит сердце.

Слегка охмелевший нищий угрюмо насыпал брови:

— Или будит воспоминанья, таксырь. Не знаю, хорошо ли это? Лучше, если то, что давно прошло, не терзает душу. Ничего не вернешь, а если не вернешь, то зачем и вспоминать?

Я покачал головой:

— Неправда, отец, неверно ты говоришь. Вот, когда я вспоминаю, так я и переживаю то, что со мной было, и мне приятно это каждый раз.

— Потому и приятно, что ты еще молод, таксырь. А вот голодной собаке нечего вспоминать, кроме побоев хозяйна и голых костей, а бедняку — его горя. Разве это так приятно? Вот меня под старость все тоска гложет... Думаю, дай попробую того, что ты пьешь, может и легче на душе станет. Налей мне сам, если не жалеешь. Умирать мне пора, а смерть не приходит. Народ скупой стал, плохо подают, все стараются мимо пройти, или кусочком лепешки отделаться. Раньше Карим бишара ¹⁾ всем был нужен, не жалели не то, что пулу ²⁾, но и теньгу ³⁾ бросить.

Я быстро закончил чай; нищий, тлвавший коньяк, вовсе не развлекал меня. Подусонный, я с усилием поддерживал разговор. Но старик оживлялся все больше и больше, спирт как будто вошел в него новую силу, глаза его из под лохматых бровей блестели. Он никак не хотел замечать моих вежливых маневров и деликатных напмианий о сне, в виде мелких зевков, потягиваний, уборки хорджуна.

— Ты меня угостил, таксырь, а я ведь нищий, ничем не могу тебе отплатить, и за ногу не могу вознаградить. И я виноват, что ты упал.

— Брось, отец Карим. Мне хорошо у тебя. Ведь, ты говоришь, — завтра нога пройдет. Ну, тогда и будем в расчете.

Но старик, похожий на привидение в своей длинной матовой ⁴⁾, с красной оторочкой рубахе, под влиянием коньяка, казалось, потерял сон и беспокойно жестикулировал руками.

— Не хочешь ли попробовать, таксырь, моего лакомства. Только не наше оно, не из наших мест, а издалека. Был здесь давно — давно один благочестивый иране ⁵⁾,

¹⁾ Чирак — глиняная лампадка с маслом.

²⁾ Переметная сума.

³⁾ Сосуд для кипячения воды.

⁴⁾ Пустотелая тыква.

⁵⁾ Табак в порошок.

¹⁾ Бишара — нищий.

²⁾ Полкопейки.

³⁾ 20 коп.

⁴⁾ Мата — местная кустарная бязь

⁵⁾ Персианин.

искал своего плененного, еще до прихода русских, брата. Подарил мне коробочку с индусскими сластями.

Старик вынул из сундучка коричневую деревянную коробочку, тонкой резной работы, раскрыл ее и протянул мне. Я взял из вежливости один шарик, похожий на зеленое монпансье, и положил в рот.

— Вкусно, таксырь? Видишь, пахнет цветами полей.

Сладковатый ароматичный шарик сразу растаял во рту и как будто бы на мгновение прогнал мой сон. Я почувствовал, что у меня расширились глаза и светлее стало в конурке нищего Карима. Но это было одно воображение, и я уже без всяких деремоний развалился на кошке.

— Отец Карим, ты меня извини, но я с дороги устал и хочу спать.

Старик усмехнулся:

— Спать? Хорошо, но только не здесь, таксырь, здесь грязно. Я тебя отведу в другое место. Ты думаешь, Карим нищий, не сумеет тебя хорошо устроить—я ведь сказал, что тебе у меня будет не хуже, чем в чайхане в Измукшире. Ты со мной хорошо поступил, другой бы меня за ногу отгласал камчой¹⁾, а ты ничего не сделал. Сейчас, подожди.

Старик подошел к углу каморки и, отодвинув в сторону сундучек, ухватился обеими руками за каменный выступ в стене. Соседняя с выступом каменная плита легко ушла в стену, образовав широкое отверстие, в которое нищий проворно скрылся.

— Идем таксырь. Хорджун оставь, не бери. Я потом принесу его. Спускайся теперь. Ну, вот, ставь ногу на ступеньку. Ниже, ниже. Ну, теперь иди. Смотри голову зашибешь, наклони ее.

Ощупав в кармане браунинг, я ответил в сторону предохранителя и пошел за стариком. Мы спустились ступенек на 10—12 ниже первой конурки и пошли по узкому, сухому подземному корридолу, выложенному мелким четырехугольным камнем. Корридол был вероятно шагов около 35-ти. Он оканчивался тяжелой занавесью из длинного хивинского паласа²⁾. Поставив чирак на выступ в стене, старик отвернул в сторону палас и пропустил меня в большую комнату, освещенную яркой лампой.

Я застыл в изумлении при виде комнаты. Приключение становилось почти романтичным: лампа освещала широкое заго с четырьмя колоннами посредине. На полу лежали ковры, среди которых я заметил старинные текиские, с характерными, строгими геометрическими восьмиугольниками. Были и нежно голубые персидские, с затейливыми разноцветными рисунками. Около одной стены стояло с десяток ассуарий из светло-желтой глины с крышками. На стенах висели шесть ручных булав-батигов, старинный туркменский пистолет с широким дулом. К одной из колонн было приклонено древнее седло с острой лукой и

неудобным сиденьем, на луку были надеты деревянные стремена. Посредине комнаты стоял самаркандский сандал¹⁾, на котором были разложены лепешки, дыня и незатейливые местные лакомства. Старик наслаждался моим изумлением и любопытством.

— Правится, таксырь? Вот видишь, и Карим бешара может принять гостя не хуже бая из Измукшира. Давай я тебе полью из кунгана²⁾ на руки—нужно с дороги умыться. Там я ведь тебе не дал воды, да и сам не умылся.

Все еще не веря и боясь, что на меня действует его лакомство, в котором, возможно, был наркотик, я умылся, немилосердно поливая себе голову холодной водой. Сам старик кряхтя присел на корточки и долго мыл по мусульманскому ритуалу руки, лицо и ноги, тщательно промывая рот и усердно чистя зубы указательным пальцем.

— Садись, таксырь. Давай, пожалуйста, еще немного из твоей бутылки.

Мы присели около сандала и я, не удерживая долее своего любопытства, сразу засыпал его вопросами. Охмелевший старик лукаво поглядывал на меня из-под густых бровей:

— Рассказать, таксырь? Хорошо, все расскажу, но только ты завтра забудь и не вспоминай. Не накличь горя на старого Карима, которому жить-то осталось немного. Забудешь? Ну, хорошо, подвигайся ближе к сандалу, возьми в рот еще шарик, иначе ты заснешь. Под бок подложи подушку.. так, так, теперь тебе будет удобнее.

Помолчав несколько минут, как бы собираясь с мыслями, вдруг, к моему великому изумлению, старик заговорил по-русски. С трудом подбирая вначале фразы, часто вставляя в речь туземные слова, он с забавным русско-туземным акцентом начал рассказывать мне вовсе не ту историю, которую я думал от него услышать, т. е. про подземелье, ассуария, ковры, несовместимые с его нищенским видом.

II.

— Да, русский я, русский, не узбек, хоть и зовут меня дивона³⁾—Карим, а кто джинны⁴⁾ или бешарой⁵⁾ кличет. Только не джинны я, а бешара это верно, нищий, подбираюсь. А такой ли я был раньше? Нет, брат, не знаю как зовут тебя, не был я нищим, жил, как все люди живут, и помереть думал, как православные помирают, до внучков дожить. Вот дожидь теперь здесь. Няньчу свои думы, клянчу, когда тошно станет, незадачливую свою жизнь. Йо аллах⁶⁾...

Как зовут меня? Уж я и сам про то забывать стал—зови меня Карим бешара. Каримом давно меня кличут, годков с полсотни будет. Отвык я от своих русских и

¹⁾ Нагайка.
²⁾ Род ковра.

¹⁾ Низкий стол.
²⁾ Сосуд для воды.
³⁾ Юродивый.
⁴⁾ Сумасшедший.
⁵⁾ Нищий.
⁶⁾ Ох, боже.

как говорить-то еще не разучился. Моложе был, заберусь, бывало, сюда с вечера и пою, пою наши Волжские песни, да книжку почитываю, была у меня одна такая. Теперь вот лет двадцать глаза плохо видят, бросил книжку, а петь — голос совсем пропал, хрипеть стал. Давно пришел я сюда, в Хиву эту самую, давно...

Взяли мы Хиву летом 73 года, был я тогда фельдшером в 6-м батальоне, полковник Самарин командовал нами, а доктором был толстый такой немец Штирц — вдвоем мы с ним и работали. Воевать скоро закончили, замирили хана и перешли на лагерное положение. Поехал тогда наш доктор домой, в Россию, и меня с собой брал, но не захотел я. В деревне то нашей не больно

ее за казенный счет. Доехала она до Самары на чугунке, а оттуда — где на перекладных, где на верблюдах, месяца четыре до меня добиралась. Н. долго мы простояли в лагерях, беспокойно еще было, калтаманы¹⁾ в песках бродили, нападали на караваны и население грабили. Приказал генерал от каждого батальона по роте в большие кишлаки посылать. Наш батальон тоже роту посылал, в Нуха-кишлак. Большой был кишлак²⁾, длинный, одним краем в тугай³⁾ входил, а другим в пески упирался. Роты-то посылать не стоило, а меня в кишлаке постоянно держали, не сменяли.

Поместились солдаты в большой сакле, в которой прежде ханские нукера стояли, а я с женой и сынишкой в другом конце кишлака, ближе к тугаю, снял сад с сак-

— Русский я, русский. Взяли мы Хиву летом 73 года, был я тогда фельдшером в 6-м батальоне.

сладко жилось. Писал отец, три года сряду неурожай был, раззорились вконец, побираться в пору, что ж было ехать? Ну и задумал я пожить здесь в новом краю, накопить денегенок, да и обратно поехать — жена у меня в деревне с сыном была. Кончилась кампания, стала жена ко мне проситься, голодала там с отцом вместе, а я писал, как здесь тепло и дешево, не в пример России. Конечно, и мне тошно одному было. Стал я просить через доктора у нашего генерала бесплатный проезд жене от деревни до лагеря; ласково было генералу новый край заселить и велел он привести

лей у одного бая⁴⁾. Там вместе с ребятами приспособил эту саклю под жилье: прорубил три окна, печку сложил теплую. Всю зиму колотился около своего жилья, все получше подлаживал, думал — никак не меньше годков четырех прожить, а там — и на родину. А тут еще и узбеки узнали, что таиб⁵⁾ я, и пошли все ко мне — надо, не надо лекарство просят, в диковинку им

¹⁾ Грабители.

²⁾ Деревня.

³⁾ Лес.

⁴⁾ Богатый человек.

⁵⁾ Врач.

было у русского табиба полечиться, Помог я тогда спервачка двум трем от лихорадки, а одному ногу выправил, и с той поры засыпали меня подарками. Ни в чем не нуждался, что лишнее было — в отряд отдавал.

Говорить то по ихнему скоро научился. С Волги я, а у нас татары рядом, я и по-татарски раньше понимал. В отряде лечить некого было, около песков никаких болезней, а кто болен, тот больше, чтобы на главную квартиру поехать. На главной квартире казна, да купцы город строили — все веселее было.

Когда делать нечего было, уходил я в тугай с солдатами, кабанов, в нем водилось видимо-невидимо. вся рота наша свинойю пользовалась. Так и тянулась наша жизнь, болтать по-узбекски я к осени, как на родной, научился, все муллу просил буквы показать, только не хотел мулла. Раза два ходил с товарищами вот и на эти развалины — занятны были. Спрашивали кто здесь жил, да когда, какие люди... Коротали время. Жить бы да жить потихоньку. Уж меня к главной квартире причислить обещали, только случая ждали, но не понашему все вышло, не как думал я... Яо аллах.

... Сидел я раз с женой и с товарищем — унтер-офицер у нас был Степаненко, земляк мой, из одной деревни. Сынишка уже спал. Прибежал ко мне сарт, сосед мой, и здороваться не стал, тащит к себе в саклю, с женой, говорит, плохо. Не хотел я идти, поздно было, уже верно к полночи. Ну так просил бай, что даже плакать начал. Уговорил меня Степаненко и жена — иди, да иди. Степаненко проводить взялся. Накинул я шинельку, захватил инструмент и вошел с ними.

Около сакли байской, помню, народ толпился. И только шагнул я через порог — оттуда сразу вой, плач поднялся, ревут бабы голося, снаружи кто стоял, тоже подхватили. Ну, значит, в доме улюк ¹⁾ был или помирать кто собрался. Ничего не мог разобрать я, что мне толковать сарт, что со мной пришел, вижу — не пускает только. Оттолкнул я его и вошел в саклю, а следом за мной Степаненко. Около огня, что посреди михман-ханы ²⁾ горел, на кошмы смотрю, жена хозяина лежит. Пробрался я к ней сквозь бабью толпу и наклонился, хотел было осмотреть, а муж толкает — нечего смотреть, умерла уже. Ну, нет, думаю, и смотрю за одно, кто знает, с чего это Саба померла, может оспа, тогда падо всему батальону прививать. Подошел поближе, взял за руку, а она на четыре части согнулась, в двух местах перебита была. Думаю: убили, что ли? Взял другую руку — целая. Посмотрел на лицо — во рту кровь застыла и на рубашку стекла, а голова вся замусолена, залезвана, будто — бура ³⁾ заплывала. Пошушал тело, а там — труха, и

ребра поломаны, и кости грудные вдребезги. Вышел я из сакли, позвал хозяина и говорю: рассказывай, отчего жена померла? Не может говорить хозяин, жалко, видно, бабу было, никак от слез не удерживается. Расскажи, говорю я ему, — верблюд, что ли, бешеный ее раздавил, или арбой переехал? Ничего не сказал хозяин, только все головой качал да слезы вытирал; подивились мы с Степаненкой и пошли домой.

Стал я на другой день расспрашивать; никто ничего не знает; умерла, говорят, верно, а отчего — мы не знаем, думаем, тут без шайтана дело не обошлось. Принесли ее с опушки тугая — ушла она туда уже в полдень, а вечером, когда на арбе привезли, она и язык потеряла. На счет бешеного верблюда никто не слышал.

Дня через три пропал у моего хозяина сынишка, мальченка лет трех так, Юсупка; позвал меня хозяин с собой ра выскивать его. Расспросили весь кишлак: не видал ли кто. Говорят: с неделю назад пропал такой же мальченка и у озанчи ¹⁾ деревенского, а Юсупку видели на опушке тугая. Пошли мы с народом в тугай, только вошли в него, бросился отец Юсупки под куст, схватил тюбетейку и плачет сам: это, говорит, Юсупкина, в ней он вышел из дому. А тюбетейка горно приметная была: — натыкала в нее жена хозяина перьев кулак-куша ²⁾ и молитву пришила на верхушку — один сынишка и был у них.

Ходили мы до вечера по тугаю, верстов на пять обшарили, ничего не нашли, никакого следу. Только в одном месте показал я Юсупкину отду ключья слоны — не иначе как бура бешеный бродил в тугае. Испугался народ, перестал близко ходить к тугаю и пастухи не стали скот в него гонять, потому ягнят стали не досчитываться.

Никогда в нашем кишлаке воровства не было, а тут то куры, то собаки со двора стали пропадать. Сказал я асакалу ³⁾, а асакал к командиру послал — ничего, говорит, не знаю. До вас никогда у нас такого не было. Доложил я ротному Чукину: «Так мол и так, ваше высокоблагородие, в кишлаке у нас неблагополучно. Женщина померла раздавленная, два мальчонка пропали, ягнят и кур кто-то ворует». Засмеялся майор: «ты, говорит, за год все происшествия рассказал, кишлак большой, мало ли что бывает. Только вот кур не наши ли ребята таскают». На случай велел послать охотников в тугай побродить. Бродили, бродили они, ничего не нашли, ни с чем воротились.

А дней через десять так пропал мой Ванюша, сынишка мой ласковый... золотая головушка... Жена волосы рвет, причитает, как джинны сделалась, клянет меня, что в этот проклятый край поехала. Бросился я искать его, весь кишлак на ноги поднял, до вечера искали, ничего не нашли. Поздно уже вечером оседла я коня, поскакал к командиру помощи просить. Не отказал майор

¹⁾ Мертвец.

²⁾ Чистая половина (буквально: гостинная).

³⁾ Русское местное название верблюда самца, ревушего (бурлящего) в период весенней течки.

¹⁾ Муэдзин — созывающий правоверных на молитву.

²⁾ Фидан.

³⁾ Старшина.

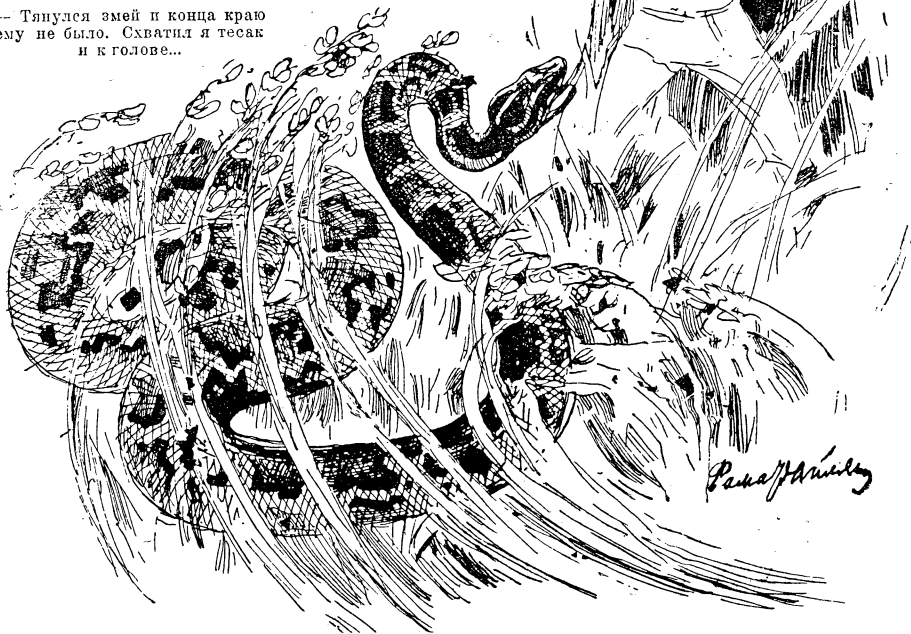
в моем горе — приказал хоть двадцать человек с собой взять, обыскать с фонарями и пески, и тугай. Долго солдаты копались: искали лошадей, фонари готовили, и выехали мы в самую полночь, я вперед через поля домой поскакал, чтоб жену посмотреть, а они по дороге поехали. Морозец с вечера был, не чувствовала я его, весь день раздетый ездил. Прискакал я к дому — дверь настежь. Неладное, думаю, с женой. Покричал ее с лошади — не выходит; подошел хозяин мой: «ушла, говорит, давно к тугаю. Уговаривали мы ее не ходить, только не послушалась нас».

Повернул я лошадь навстречу солдатам, рассказал им. Хватили мы тогда полной рысью к тугаю, приехали лошадей и с фонарями пошли цепью через тугай. Идем, друг друга окликаем, да временами Марьюшку кличем. Шли, верно, до рассвета, звезды уже стали пропадать, а потом обратно повернули — ни жены, ни сына, ничего не нашли. Тоска меня взяла, иду сам не свой, вот-вот упаду. Только слышу кричит что-то Степаненко, а он пятый от меня в цепи. Сердце оборвалось, бросился я к нему на голос, прямо через лес, без дороги. Рвет с меня жидка, ¹⁾ да жантак ²⁾ рубаху; занозил все руки, в кровь расцарапал лицо, разбил фонарь. Добрался до Степаненки, а около него почти все собралось.

— Зашевелилось, что в кустах вот этих, — говорит Степаненко, — забелело, а лезть не знаю как. — Взял я у него фонарь, схватил его в зубы и полез на четвереньках, кабаньей тропкой, в гущину самую. Гляжу издали — жена лежит на прогалинке. Крикнул я не своим голосом ребят, взялись они кто ножом, кто тесаком, ход прорубать к пей, а я держу в зубах фонарь и ни взад, ни вперед двинуться не могу. Столбняк на меня напал. Подхватил меня Степаненко: — чего ты, говорит, сомдел? И отвел меня к коням, недопустил до жены, а жену

^{1, 2)} Дерево, трава, колючка.

— Тянулся змей и конца краю ему не было. Схватил я тесаком и голову...

мигом подняли, вынесли, взял кто то лошадь и поскакали до дому.

Приехал я, бросился в комнату к жене, а она лежит и грудь не колышется. Схватил я за руку, не бьется кровь в жилах, не нащупал. Разорвал я на ней ворот, чтоб у груди пощупать, не бьется ли сердце, и закричал не своим голосом. У Марьюшки-то, у голубушки, желанной моей, грудочка как у того бая жены, вся раздавлена — ребро от ребра отделилось, чуть дышет. Влил я ей в рот спирту — только глянула, родная моя, полилась у ней изо рта кровь и дышать перестала.

Упал я тогда... Что было — не помню. Очнулся, встал... Степаненко и все солдатики спят на полу. Не помню, что я решил тогда, только прихватил ружье, да тесак с поясом, что у Степаненко был, и пошел куда глаза глядят. Встречались мне по дороге узбеки, все сторонились, только один, помню, закричал и головой покачал: чаа, чаа, ¹⁾ говорит. Шел я долго. Когда очнулся, вижу в тугаю опять попал и пошел я тогда прогалинку разыскивать, где жену нашли. Полдня бродил, никак найти не могу, не припомнил прогалинки. Только начал я в одном месте густым ту-

¹⁾ Седой старик.

рангилом ¹⁾ в овраг спускаться, споткнулся через бревно ровное, да гладкое такое. Оперся о него рукой, чтобы встать, а оно под рукой поддалось...—Глянул я и обомлел. Алла Рахим! Каттакон вяли иды! Аждар! ²⁾ Змей ведь это была! Ограмадина проклятая; в сказках слышал я,—Змей Горыныч это был, он, проклятый! Тянулся и конца краю ему не было, обмерз проклятый, на солнышке отогревался, не шевелился. Обезумел я, бросил ружье, схватил тесак и к голове. Ударил я его по шее—скользком удар пришелся. Мотнул проклятый Горыныч хвостом, ударил меня башкой и отлетел я в кусты. Во всем кровь загорелась во мне, пропадай я здесь совсем, а кончу проклятого дажала за жену, за сынишку моего родного. Схватила тесак, опять к нему—загорелись его глаза, посмотрел он на меня, проклятый, направил свою башку, выше меня ростом поднялся, разинул пасть—смадом валит от нее, пена падает, а от шеи кровь каплет. Перекрестился я тут в последний раз, подбежал поближе, ударил Горыныча по пасти раз, другой, третий—сыпал в него тесаком. Зашипел проклятый, завертел хвостом, ударил меня еще раз, что было мочи, повалился я опять в кусты и обмер...

...Что было потом—не помню, ничего не помню, как жил, где жил, не знаю, никогда про то вспомнить не мог. Жил, видно, диваной ³⁾ в Сулюке ⁴⁾ одном. Только шел раз тугайчиком—от Сулюка, что ли, куда пробирался. Смотрю—змея ползет проклятая, закружилась голова, что сделалось со мною—не знаю, в голове помутнело. Паг я на нее, схватил голыми руками и зубами разорвал, и тогда вдруг вспомнил я Марьюшку, сынишку своего Ванюшу, золотую головушку, в сердце все вскипело, плохо мне сделалось, отдышаться не мог. Что же это я ушел, бросил свою Марьюшку без похорон? Сколько я это здесь дней бегал, похоронили, видно, без меня ее. Пойду, думаю, спрошу Стенаненку, где жену-то мою, Марьюшку, закопали, красавицу мою, на могилку хоть посмотреть. Встал я, глянул на себя—вижу: оборван весь: ноги голые, да черные, в грязи. Вшей на мне не оберешь, волосы длинные, лохматые, седые, борода седая, колпак на голове высокий, а с боку горлянка желтая висит.

Ничего не пойму!—Пошел в кишлак, он недалеко виднелся, а там все ребятишки кричат: Карим-дивана, Карим-башара, Карим-джинь, кто как. Что-ж это такое, думаю, невозможное вышло, господа! Что со мною, кто это меня нищим обрядил, кто надсмеялся? Подошел к чайхане, спрашиваю, как в Нусха-кишлак пройти, где отряд стоит. Смеется чайханщик:

— Не беспокойся,—говорит.—Карим-дивана. Отряд на месте стоит. Как найдешь

Нусха-кишлак, так и солдат там увидишь. Вот знай чаю выпей.

Оттолкнул я его с пиазой, пошел к другому—все как сговорились, смеются:—Карим, говорят, новое что-то выдумывает. Свой кишлак да солдат разыскивает.—Обезумел я тогда, как зверь сделался, в голове помутнело, бросился бежать из кишлака. Бежал без устали, ноги сами несли, принесли вот сюда, видно здесь я и жил. Нашел здесь, в Кубра, вот эту лампу, посмотрелся в нее и испугался—вчера еще совсем молодой я был, а зд'сь—старик смотрит. Всю ночь не спал, все думал, что случилось со мною, как это так я стариком, не поживши, стал? Утром встал, почистился как мог, вымыл ноги, бросил колпак и горлянку, что у пояса была, и пошел в Нусха-кишлак свою роту отыскивать. Только зря ходил, не нашел; сначала смеялись все, когда дорогу спрашивал, а потом встретил дивану одного, такого же как я. Посмеялся он надо мной; не смеши,—говорит,—Карим, народ. Ведь Нусха-кишлак давно уж песками занесло и народ разбежался оттуда, и солдаты теперь в городе стоят.—Пошел я тогда по большой дороге к главной квартире, где лагерь был. Весь народ дорогой с лаской встречал, никто без хлеба не отпускал. Каждый поровил у себя ночевать оставить, а у меня в душе не то: дай, думаю, до своих добраться, чтож это, господа!

Дошел я до лагеря—вижу—город, а не лагерь, не укрепление. Дома... Все как следует. Вовсе закружилось в моей голове; креплюсь, не упасть бы, не закричать на вес мир, дойти до конца. Остановился у края города, где базар был; напоили меня, накормили, одеяло дали поспать, указали как к генералу пройти. Генерал на краю города, недалеко жил. Пошел я к нему—не пустил меня переводчик. Заговорил я по-русски и сказал, что важное имею слово к генералу. Пропустили меня к нему. Не ходи дальше порога,—закричал генерал,—что тебе нужно? Объясняю ему по-русски, слова насилию подбираю: так мол и так, ваше превосходительство, имею честь явиться, фельдшер батальона такого-то, фамилия такая-то. Стоял в Нусха-кишлак, прошу роту указать, куда вернуться. Засмеялся генерал, даже свистнул: батальон этот здесь еще при завоевании стоял, тридцать лет назад.—Ты, говорит, старик что-то врешь.

Долго я ему рассказывал про поход, про Нусха-кишлак, про жену, да сынишку, про змея проклятого. Все начисто выложил, ни словом не перебил меня генерал, все слушал, только в конце спросил, как звали полковника батальона и закричал адъютанту навести справки обо мне, а мне велел притти через неделю.

Пришел я через неделю, а мне переводчик и говорит: велел тебе генерал передать, что ты врешь. Твое имя Карим-дивана. Сорок лет, как тебя все знают, ты еще здесь и до прихода русских был. Родом ты из Нусха-кишлак, который

¹⁾ Род особого дерева, растущего в низовьях Аму-Дарьи.

²⁾ Боже милостивый! Громадный змей была! Дракон!

³⁾ Юродивый.

⁴⁾ Дервишский орден.

теперь песками занесло; вчера о тебе акакал справку с печатями от Ташаузского бека¹⁾ привез. Раньше ты и у нас в городе жил, побирался, наверное, по-русски здесь научился болтать. Был ли раньше полковник Самарин—никто про то не знает, да и про змею ты, верно, врешь, иди себе, старик, пока генерал не рассердился.

Чтож мне было делать? Пошел я обратно в Измукишир. Даша моя горела, молодая была, а тело то уж старое. Отжил не поживши. Плакал я долго, ночами как шакал на звезды

выл, руки наложить хотел, только духу не хватило. Ничем не поможешь. Что делать? Куда пойти? В России меня вовсе не признали бы. Отец и мать, верно, давно померли, года то не малые прошли, старш й брат помер, как я еще на службе был, а здесь с кем ни поговорю—русский ли, узбек ли,—смеются все. Поселился я здесь в развалинах, видеть не хотел никого. Долго жил в подземелье—народ то меня уважал, уж хазретом²⁾ звать начал, да только скучно стало, все равно помирать, тут ли, на людях ли,—и стал я тогда опять по кишлакам бродить, все месеее. Встретил раз одного старика родом из Нуха-кишлак. Рассказал он мне, будто много лет назад, когда русские еще Хиву не брали, ездили по Хиве индусы—балаганщики, возили с собой змея. Большой был змей, сажень на пять длины; по ягненку годовалому живьем глотал. В год, как стали русские Хиву брать, убежал змей у индусов из клетки около Нуха-кишлак, стали было его индусы искать,

— Не ходи дальше порога, — закричал генерал, — что тебе нужно?

да испугались русских, бросили свой балаган и убежали из Хивы, а змей то поселился в тугае, около кишлака, и стал людей есть. Забрался раз он к русскому табибу в комнату, съел его жену да ребенкa. Прибежал тогда русский табиб и стал с ним драться—три дня дрались они, убил все-таки табиб змея, отрубил ему голову и увез ее с собой в Россию.

А голова вовсе здесь, вон она на колышке висит! Видно отрубил, я ее тогда и с собой сюда принес.

А кубра-то эту я нечаянно нашел, хотела врезаться котел в землю, соскочила теша³⁾

1) Начальник города.

2) Благочестивый.

3) Топорик для колки дров.

с рукоятки ударил я рукояткой о выступ, чтобы покрепче надеть, а выступ подался—потянул к себе, а он эту дыру и открыл. Тут только вот эти глиняные сундучки для костей мертвых лежали, а больше ничего не было. Ковры это я из другого места принес.

Старик резко перешел на узбекский язык:

— Ешь, таксырь, дыню, она сладкая. Не хочешь? тогда возьми еще шарик, последний.

Я отнекивался, но старик с сердитой настойчивостью уговорил меня взять его. Я взял и поморщился; он не-был сладким, как предыдущие.

— Теперь спи, таксырь. Завтра я тебя рано разбуду. Нога твоя пройдет и ты поедешь куда тебе нужно. Только ты все забудь, не помни.

Устроившись по-удобнее на мягких одеялах старика, я через мгновенье крепко уснул.

III.

Солнце стояло высоко на небе, когда я, проснувшись, с удивлением взглянул на песчаный бархан, на котором лежал. Голова моя пылала от жестокого солнцепека, но события предыдущей ночи настолько сильно врезались в память, что я никак не мог понять, каким образом я очутился здесь, на бархане, когда накануне

Объясняю я ему по-русски...

не лег спать в подземелье диваны Карима?

Конь мой, отлично вычищенный и оседланный, смирно стоял около меня, привязанный поводками за передние ноги. Я миглом вскочил с горячего песка и с удовольствием почувствовал, что нога моя не болит. Сесть на седло было делом секунды и через минуту я рыскал между развалинами, тщетно разыскивая признаки вчерашней конурки. Четыре полных часа я потерял среди руин древнего города и, не достигнув ничего, поехал в Измукишир, надеясь подробно расспросить о странном диване Кариме.

При въезде в Измукишир мне бросилась в глаза фигура Карима, который священной травой окуривал товары купца.

— Карим,—окликнул я его, но он, не обращая внимания, продолжал свою дере-

монно и, окончив ее, хотел удалиться. Я преградил ему путь. — Карим протянул руку:

— Худай юлуга садака ¹⁾ жалобно зашел он.

Я схватил его за руку, пытаясь вступить в разговор, но он визгливо закричал

¹⁾ Просьба о милостыне: Милостыню ищущему дорогу божею!

о помощи. Раздалось несколько угрожающих восклицаний со стороны религиозных торговцев, предложивших мне оставить в покое святого дивону, и я вынужден был отступить.

Разбирая дома хорджун, я с удивлением вытаскил из него, очевидно положенный Каримом, громадный череп гигантского пифона, полный страшных зубов.

Нет, это не было сновидением.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 4.

Участвовало в конкурсе 43 подписчика; кроме двух—все дали решения всех задач. В зачет получили: 4 чел.—по 11 очков, 10 чел.—по 10 очков, 11 чел.—по 9 очков, 5 чел.—по 8 очков и остальные—менее 8 очков (в этой оценке большинство получило по 1 доп. очку за „выполнение“ решений).

Премии распределены так:

1-я премия, „Жизнь растений“ — Кернера (ценность—15 руб.)—Кириллов-Губецкий (Детское Село).—2-я премия, „Натан Мудрый“—худож. изд. (ценность—10 руб.)—Б. В. Смирнов (Одесса).—3-я премия, „Фауст“—Гете и „Художественная

Керамика“—Н. Роопа—Ю. Г. Каттербах (г. Торжок).—4-я премия, „Гений и творчество“—проф. С. О. Грузенберга—В. Н. Тацневский (Евпатория).—5-я—10-я премии. Книжки из числа указанных в условии конкурса: 5) М. А. Борковский (п. о. Маньковка); А. Е. Лебедева (ст. Эмба); 7) С. С. Батуев (Серпухов); 8) В. А. Коломенский (Клин); 9) В. В. Замбрыцкий (Ленинград); 10) Е. И. Кияшко (Харьков).

В жеребьевке на последние премии принимали участие еще следующие лица: 11) Ф. Федоров (Минск); 12) С. И. Соколов (Москва); 13) В. И. Лапкин (Новгород); 14) Х. Файфман (Киев).

РЕШЕНИЯ.

Задача № 13.

В напечатанном рисунке следует отметить, как „необычайное“, следующие обстоятельства: 1) движение по левой стороне улиц, а не по правой; 2) стойка одного автомобиля (второй слева) частично на тротуаре; 3) отсутствие „постового“; 4) отсутствие проводов (телеф., телегр.), фонарей, реклам, вывесок, тумб и водосточных труб у зданий; 5) сильное авто-

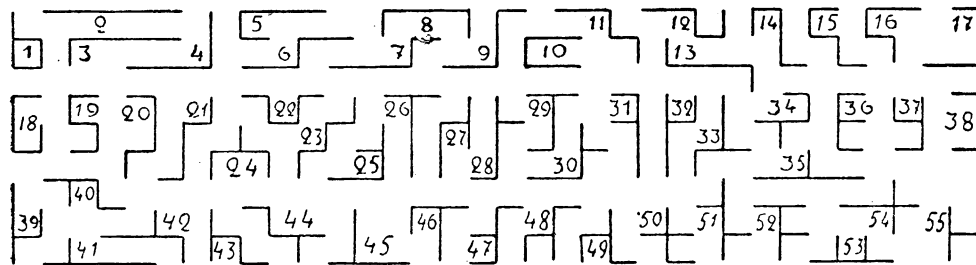
мобильное движение при крайне слабом пешеходном; 6) распределение света (на здании слева) и теней (от машины и пешехода справа).—Если некоторые из этих обстоятельств вполне уместны в отношении к некоторым заграничным странам, то все-же совокупность их в одной картине представляет явление не только необычайное, но и неправдоподобное.

Комбинации из 5 спичек.

Задача № 14.

Все требуемые комбинации (выкладки) изображены на схеме, классифицированные по числу концов; 1—с одним концом (1), 22—с 2 концами (2—23), 26—с 3 концами (24—49) и 6—с 4 концами (50—55). Подбор по этому признаку, признаваемый нами на-

габарита (Кияшко). Менее удачны системы с признаками по числу перегибов в местах соприкосновений (Виноградов), по „сторонностям“ (Файфман), по симметричности или сходству (Тацневский). Правильный по математическому приему подход решения

более простым, предложен лишь одним подписчиком (Соколов). Вполне годны и др. классификации: по числу прямых углов в фигурах (Смирнов, Каттербах и др.), по числу элементов (спичек), составляющих одну прямую линию (Федоров, Коломенский, Лапкин и др.), по площади прямоугольного

от всех комбинаций с меньшим числом элементов (с 2, 3 и 4 спичками) здесь оказывается сложное другое так как дает очень много повторений, трудно схватываемых анализом (так решали Кириллов-Губецкий, Лебедева).

(Продолжение см. на 68 стр.)

Рассказ В. ФОН-ЛЕНГЕРКЕ

С немецкого пер. Н. ВОЙТИНСКОЙ

Иллюстрации А. СЕРГЕЕВА

В Чайнатоуэ, — мрачном уголке Нью-Йорка, среди бесконечных сплетений улиц и переулков, вдали от больших, сверкающих огнями бульваров, точно морями и материками отделенном от жестких, упирающихся в небо домов, в действительности — столь близком, что нескольких шагов достаточно, чтобы из его узких улочек попасть на залитые светом улицы Сити — ютится порок. Оскал его выдвигается в бесчисленных окошечках, освещенных яркими, раскачивающимися фонариками, которые услужливо указывают пришельцу вход в подвалы, путь к наслаждениям.

Не окрашенные жевщины, не продажная любовь притягивают людей в эти закоулки. Этим Нью-Йорк — пресыщен. Его можно найти в любой части города. Здесь же, где китайцы с длинными косами, в мягких войлочных туфлях, как тени скользят вдоль стен домов, где замысловато переплетающиеся пероглифы светятся с вывесок, здесь лик порока иной: изнуренный, расслабленный, с впалыми, горящими глазами, едва держащий улыбку на своих сухих, потрескавшихся губами.

Пестрые яркие фонарики с причудливыми изображениями драконов качаются в легком ветерке перед зияющей пастью дверей, которые будто ведут в пустыню.

Бывает, что из темноты в полосу света показывается внезапно кукольное личико, миловидная детская фигурка с тяжело нависшими на глаза веками и цветущим ротиком, покажется, загадочно улыбаясь... Это д-вушки Чайнатоуна; на их азиатских личиках лежит печать застывшего сладострастия. Они и в Токио, — в Йошиваре — и в Шанхае, на протяжении всей непонятной Азии сводят с ума привыкшего к лихорадочной жизни европейца.

Но Нью-Йорк холоден, Нью-Йорк не любит цветов, не любит драгих, учтивых бесед, непрактичной одежды. Нью-Йорк любит лишь доллар.

Но этот холодный, здравый, практичный Нью-Йорк, обладающий стальными нервами, ищет тех своеобразных ощущений, которые можно здесь купить за доллары — он, как божеству, служит опиуму.

Одним из многих, поддавшихся этому пороку был и Джэк Сеймур, не могший уже более обходиться без этого одурманивающего яда. Он был всецело во власти опиума,

проводя дни и ночи в одном из маленьких тайных притонов Чайнатоуна. Он едва ли помнил, что некогда в этом же городе он жил, как живут изо дня в день тысячи молодых людей.

Безучастный, он лежал на узком чюфяке в слабо освещенной комнате. В сладковатом, остывшем дыме свет лился прозрачными сказочными лучами. Владелец этого притона, старый, толстый китаец Янг, в войлочных туфлях ходил взад и вперед по комнате вдоль стен, на которых, как полки, одна над другой были расположены койки; порой он, точно обращаясь к больным, нащелтывал что-то на своем своеобразном английском языке.

И, в самом деле, лежавшие на узких, усталых грязных пестрых шелковых подушках, койках были больными людьми: ослабленные, лихорадящие глаза их от яда загорались, сверкали, затем потухали, как только проходило опьянение. За сном наступало пробуждение, а с ним власть и глухая усталость.

И наступил день, когда всем существом своим он жаждал яда, но нужных для этого долларов он не имел. Выразительным движением азиат протянул свою желтую руку с похожими на когти выхолощенными ногтями.

— Деньги, сэр?

— Завтра.

— Так ничего не будет, сэр, — сказал Янг и покачал головой. — Если нет денег, ничего не будет, сэр.

— Ты получишь их завтра. Я забыл захватить.

Китаец хитро засмеялся.

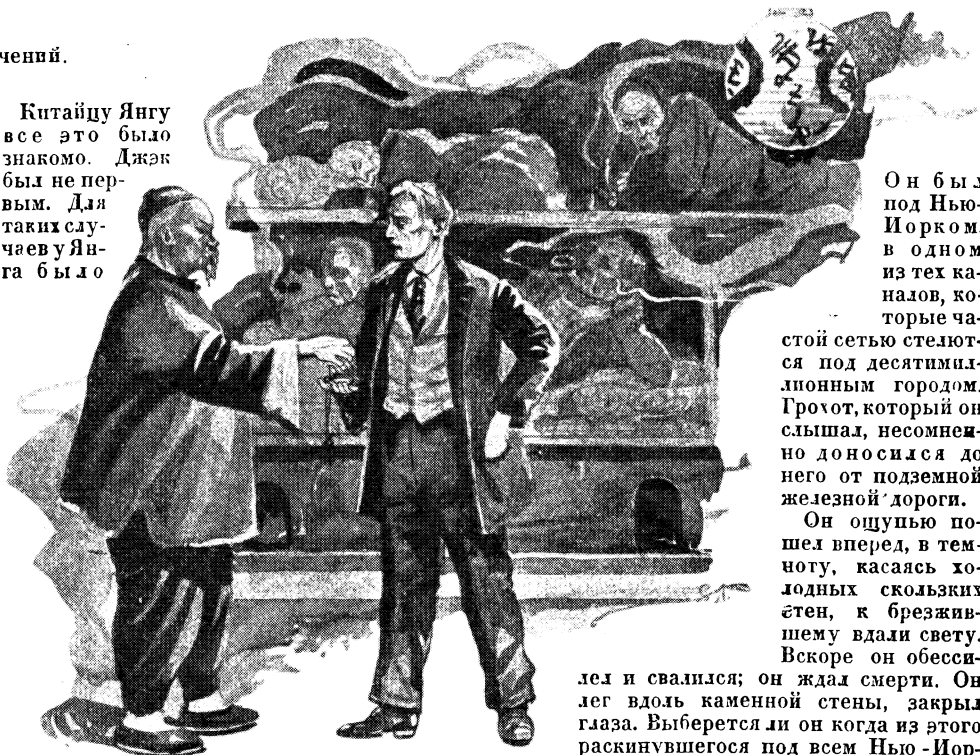
— Так говорят все, сэр.

Джэк взглянул на одутловатое гладкое лицо с косым разрезом маленьких глаз. Он понял, что всецело зависит от этого желтого дьявола, он чувствовал, как тело его, привыкшее к опиуму, всеми фибрами своими жаждет яда.

Он молча положил свои золотые часы в протянутую руку.

Наступил день, когда Джэк уже не в силах был покинуть маленький грязный притон. Он больше ничего не помнил, он все забыл! Молчаливо и неподвижно лежал он на своей койке, устремив мутный взгляд в слабо освещенную комнату. Его лихорадило; неотступная мысль сверлила его мозг: как бы раздобыть хоть немного того яда, который он так жаждал.

Китайцу Янгу все это было знакомо. Джэк был не первым. Для таких случаев у Янга было

Он был под Нью-Йорком, в одном из тех каналов, которые ча-

стой сетью стелются под десятиллионным городом. Грохот, который он слышал, несомненно доносился до него от подземной железной дороги.

Он ошущью пошел вперед, в темноту, касаясь холодных скользких стен, к брезжившему вдали свету.

Вскоре он обессилел и свалился; он ждал смерти. Он лег вдоль каменной стены, закрыл глаза. Выберется ли он когда из этого раскинувшегося под всем Нью-Йорком лабиринта бесконечных каналов, туннелей, переходов? Он считал, что спасенья нет.

Где-то там, над ним, тянулись улицы, высились мощные, бьющие бодрим пульсом жизни здания, был свет. Его охватило безумное желание вновь узреть эту жизнь, слиться с бесконечной толпой, которая широким потоком заливала улицы и дома. Во рту у него пересохло, язык набух, дыхание с болезненным шумом вырывалось из груди.

Бесконечно долго, казалось, — делую вечность! — роши он вдоль этих холодных, сырых, каменных стен, вспугивая каких-то отвратительных животных, прислушиваясь к наводившему на него ужас глухому отзвуку собственных шагов: ему казалось, точно за ним следует невидимая, враждебная сила.

Он напряг все силы и побежал; споткнулся, упал, снова встал и пошелся вперед, все вперед к то загоравшемуся, то потухавшему огоньку, светящемуся точно глаз в непроглядной темноте.

Там он набрел на отвесный проход, ведущий к подземной железной дороге. Из зияющего отверстия на него пахнуло ледяным воздухом, принесшим с собой своеобразный запах железа и дегтя. Насколько он только мог, он склонился над отверстием и смотрел вниз на поезда, которые с грохотом приближались, скользили мимо, как призрачные, светящиеся змеи и, громыхая, терялись вдали. Собрав последние силы, он ухватился за гладкий камень и стал спускаться. Он видел, как два сверкающих глаза неслись на него, слышал приближающийся оглушительный шум, почувствовал давление волны воздуха... Он обессидел.

Визгливо затучали тормоза. Моторный вагон отбросил в сторону безжизненное тело Джэка.

испытанное средство; он знал, как легко можно, без излишних хлопот и неприятностей, освободиться от гостя.

Внезапно он стал приветлив и, как бы сочувствуя мукам несчастного, подарил ему яду. Тот жадно закурил, всей грудью втягивая в себя одурманивающие пары, и вскоре его ослабленное тело погрузилось в глубокий, как смерть, сон.

Тогда Янг тихо открыл тяжелый железный люк в полу, взвалил спящего на свои широкие плечи и стал спускаться по ступеням длинной лестницы. Когда он, через некоторое время, вновь появился, на лице его играла довольная улыбка.

Когда Джэк Сеймур очнулся, он ощутил запах плесени и затхлой сырости. Непонятно завывающий — грохочущий шум, ежеминутно повторяющийся, то приближался, то удалялся. Голова отчаянно болела: все тело было точно разбито. Он медленно, неуверенно, раскрыл глаза. Все вокруг было темно. Где он? Что случилось с ним?

И снова подкатилось это шумящее, гремящее нечто, разрослось в оглушающий шум и затихло, разбившись в тысячекратном, злобно насмешливом эхо. В тот самый момент, когда гул раскатисто отразился от каменных стен, непонятным образом окружавших Джэка, сверкнул в темноте и угас красный огонек.

Джэк медленно поднялся. Что то холодное, скользкое, задело его руку; послышалось шуршанье. Затем на секунду наступила тишина, такая полная, что она угрожала прорвать барабанную перепонку. Охваченный страхом, Джэк застонал. Сердце у него колотилось в груди, точно ударили по ней.

Снова сверкнул красный свет вдали и снова раздался гул. Джэк понял, где он.

ДЕВСТВЕННЫЙ УГОЛОК ПОД МОСКВОЙ

«ПОЛЕСЬЕ»—В 100 ВЕРСТАХ ОТ МОСКВЫ.—ЧУДЕСА ДЕВСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ.—ИЗУМРУДНЫЕ ШАРЫ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА.—ДЕРЕВНЯ НА ОСТРОВЕ.—ВЫЕЗД НА «МАТЕРИК».—ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ В ОСТРОВНОЙ ДЕРЕВНЕ.—ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК.

Очерк Вл. В. ЖДАНОВА

Фотографии и рисунок с натуры

Любящие природу, несомненно, с большим интересом прочитают очерк В. В. Жданова, описывающий „Московское Полесье“. Постройка гати, о которой говорит автор, закончена, осушение же Дубенского болота продолжается. Экскаватор, регулирующий русло реки Дубны, в этом строительном сезоне как раз подходит к д. Замостье и закончит свою работу не ранее, как через 2—3 года.

Но девственному уголку, каким-то чудом сохранившему изумительный и единственный в СССР вид водоросли ледникового периода, *Cladophora Sauteri*, грозит сейчас гибель, в виду того, что в связи с мелиорацией р. Дубны неожиданно намечен спуск Заболотского озера, где эта водоросль растет,

Обращаем на это внимание наших ученых ботаников. Наука в СССР заслуженно пользуется большим уважением и, быть может, своевременное вмешательство компетентных лиц спасет чудо природы от исчезновения и не помешает в то же время приобщению девственного уголка к культурному бытию.

РЕДАКЦИЯ.

Каким было лицо Московской губернии два-три столетия назад? Сплошные густые леса покрывали почти всю ее площадь. В них и в особенности близ больших водоемов озер, прудов, болот—разных животных, разной дичи водилось видимо-невидимо. Хозяйничал неуклюжий, неповоротливый мишка. Стадами паслись лоси. Волки и лисы частенько забегали даже на окраины городов. Птица носилась тучей. Человек жил редкими небольшими поселениями, ютясь вдоль водных и трактовых дорог, кипой радиусов разбежавшихся из Москвы к краям государства.

А теперь... Поселений бездна. Число жителей приближается к четырём милл. омам. Но... Лесов всего 39%. Лоси исчезли. Медведей нет. Птицы стало меньше. Время берет свое. Только кое-где отдельными островками, очень редкими, затерялись на фоне сегодняшнего картина вчерашнего.

* * *

Если вам показать одну из этих картин, предварительно приведя вас туда с закрытыми глазами, и сказать, что вы в Московской губернии, вы возразите:

— Позвольте, какая же это Московская губерния? Это — несомненное Полесье.

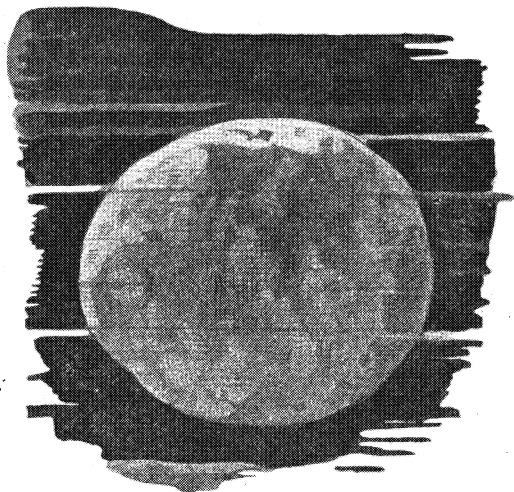
Вы будете и правы, и неправы. Это — уголок Полесья в Московской губернии. Таких уголков там — раз-два и сбился.

Хотите посмотреть один из них?

Отправляйтесь на Ярославский вокзал и берите билет до ст. Сергиево. Меньше чем через два часа поезд доводит вас до исторического, теперь уездного, городка с лаврой-музеем. Хотите вы, или не хотите, но ваш взгляд непременно прикует к себе

устремленная в высь легкой, ажурной архитектуры колокольня, на целую сажень выше Ивана Великого, кучка церквей с громадными золотыми и серебряными луковичками, крепостная стена с приземистыми башнями, некогда выдержавшая осаду поляков. Из этого городка, основанного еще в XIV веке отшельником Сергием, по древнему Угличскому тракту, тряской, неспокойной дорогой, сорок верст, через длинный ряд хребтов и низменностей —отроги Клинского-Дмитровской гряды — вас доставят в уголок Полесья.

Называется он Дубенским болотом.

Водоросль *Cladophora Sauteri*—редчайший остаток растительности ледникового периода,—живущая в Московской губ. Это изумительно красивый нежно изумрудный, бархатистый шар, размером минимум с апельсин, максимум—с голову грудного ребенка, растущий без стебля и корня. Черный рисунок, конечно, не может передать исключительной красоты и предели этого вымирающего растения.

Естественные причины—рельеф и водонепроницаемая почва—в союзе с хищничеством человека, из года в год упрямо и методично ставившего препятствия правому притоку Волги—реке Дубне—в виде рыбных заколов на всю ширину русла, противопоставили свою силу прогресса и тем сохранили в его девственности этот интересный уголок. А уголок этот не мал и с каждым годом растет. Он занимает по делому углу Сергиевского и Ленинского уездов, простирается дальше во Владимирскую губернию и белым мхом грозитя прилегающим возвышенностям и островам. В пределах одной только Московской губернии болото расплодилось на 40.000 десятин. Есть места совершенно непроходимые.

Там еще живы лоси, медведи. Следы лосей зимой вы увидите в десятке шагов от деревни. Волков и лисц—хоть отбавляй. Птиц—прежние тучи. Недаром целые армии охотников из ближних мест, уезда, Москвы и даже далее—стекаются сюда ради легкой, обильной охоты. И все же убыль дичи почти незаметна.

* * *

Первое, что вам надо посмотреть, это—Заболотское озеро. Площадью в восемь квадратных верст покоится оно в зыбкой раме прибрежного ольшаника и местами заросло тростником. Ютятся там тысячи уток, гусей, а ближе к берегам—длинноногие журавли, красные лебеди, чувствующие себя дома в этих недоступных для человеческой ноги местах, ибо ни за что не пройти туда пешком и никак не пробраться на лодке. В воздухе слышатся необыкновенные шумы и крики то от шестаста массы крыльев пролетевшей стаи уток, то ухахне и вздохн выпли—крики девственной жизни и вздохн природы. Все это сразу, в первые же мгновения окувет вас с головой в дедри Полесья, и вы ни за что не поверите себе самому, что вы только в ста верстах от Москвы и что еще только сегодня утром вы выехали оттуда, из этого города автобусов и леса мачт радио.

По озеру вы поедете в долбленной лодке—«душегубке». Это вам не Москва-река и не дачная речка с удобными лодочками со скамеечками; вам придется сесть прямо на дно, куда предварительно бросят охапку сухого, грязноватого тростника, и пробыть во все время путешествия в несомем удобном, напряженном положении. К тому же, взглянув на борта лодки, вы не будете в восторге: вода от бортов всего на вершок-полтора, а малейшее движение—вытянуть затекшую ногу или переместиться самому в ту или другую сторону, грозит вам перекувырнуть вас прямо в озеро. Если это случится,—вы пропали: берега на полверсты и более непроходимы. Лучше вам сидеть смирно и отвлекать мысли от опасности и неловкости положения красочными видами. Будет спокойней и ваш провозжатый. Стоя на корме лодки и гребя, и управляя одним веслом, он повезет вас в нужном направлении.

Попросите его показать вам «шары». Он вывезет вас на широкое, чистое от зарослей пространство, по которому в ветер разгуливают «белые барашки», подвезет вас к берегу, в версте от села Заболотья, и ковырнет веслом за кормой. Затем спустит рыбачий сачок и достанет вам несколько красивых, изумрудного цвета, круглых водорослей, насквозь, как губки, пропитанных водою. Вряд ли вы видели когда-либо такую прелесть... Эти бархатистые шары, два-три вершка в диаметре, ни что иное, как водоросль ледникового периода *Cladophora Sauteri*.

Кроме Заболотского озера, в СССР вы ее нигде не встретите, ибо во всей Европе есть только два места, где сохранился этот остаток предшествовавшей нам эпохи: Заболотское озеро и одно из озер севера Германии.

Водоросль свободно плавает в воде, около берега, находясь обычно во взвешенном состоянии на один метр выше дна, и только в спокойные, теплые летние дни всплывает на поверхность. К сожалению, сберегать это редкое растение очень копотно: оно требует частой смены воды; на воздухе же теряет свою красивую окраску, приобретает серовато-грязный цвет, а в спирту темнеет.

Налюбовавшись простором озера, можно проехать на Дубну—мать болот. Прямо с озера вы введете в густые заросли тростника, осоки, черной ольхи, белой и желтой кувшинки с целым рядом то узких, то широких проливов. Эти проливы и есть Дубна. Часто по пути вам будут попадаться сплошные плетни с узким проездом для лодки. Это—заколы, задерживающие рыбу и заодно течение воды. Рыбы здесь много, и рыбная ловля здесь—подсобный промысел на ряду с охотой. Уловы иногда выражаются в десятках пудов. Но как всегда было и как, вероятно, всегда будет, старики вспоминают прежние «добрые» времена и приведут вам ужасающие уловы и непомерные размеры рыб старого времени и с сокрушением расскажут о несостоятельности современных уловов.

* * *

Через часа полтора-два, вспугнув по пути добрый десяток выводков дичи, вы доедете до деревни Замостье. В этом уголке все—редкость, но деревня Замостье—редкость среди редкостей. Она помещается на острове. Со всех сторон она окружена болотами. На острове только избы и половина наделной земли. Другая половина наделов расположена в разных кусках на материке, к Заболотью, в версте-двух от острова. Часть сараев и часть сельско-хозяйственного инвентаря на острове, в деревне, часть—на материке. Из деревни только две дороги: на восток в Федордовскую волость и на запад, через Дубну, в Константиновскую. По обеим дорогам нормальное сообщение только зимой, по санному пути. В остальное же время, если нужно идти к Федордову или к Заболотью, то приходится целую версту перебираться по мосткам, ширину в одну-две доски, положенным на вбитые в болото сваи. Отсюда название деревни Замостье—

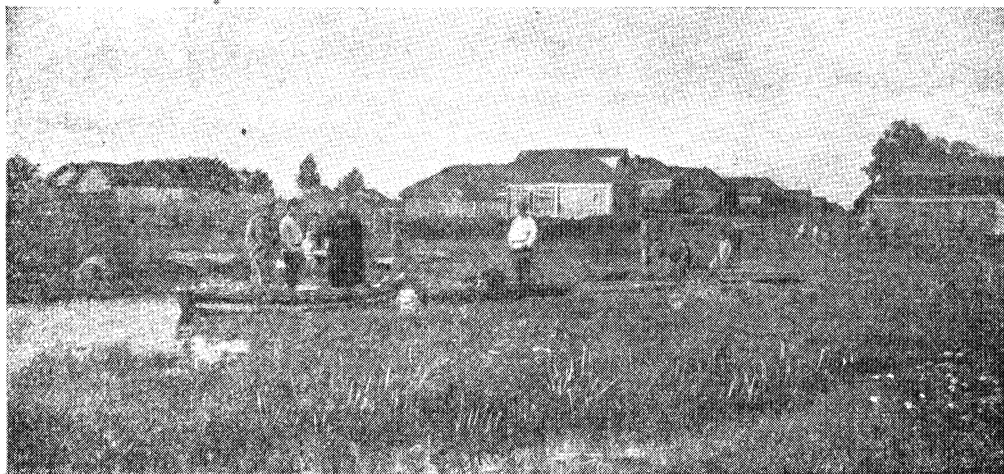
за мостками. Доски лежат непрочны, качаются, трещат, нередко ломаются, соскальзывают. Чинить эти «мостки» укрестьян не доходят руки. Да они и привыкли к эквилибристике. Но непривычный человек без случайностей по мосткам не пройдет. Нечего и думать безопасно итти с ношей. Обычно кладь перевозят в лодках по специально вырытой рядом с «мостками» канаве или, как ее называют «борозде».

Выезд обставляется таким образом: лошадь еще с вечера переправляется на материк по «борозде» вилавь. Это ровно версту. Ночь ей предоставляется для отдыха. Утром следующего дня на лодке по той же «борозде» перевозится сбруя, трава для подкорма и груз, предназначенный к отправке. Отдохнувшая и вполне оправившаяся от верстовой ванны лошадь запрягается в «материковую» телегу (есть еще телега сне-

ной силой: поднимал и бросал груженные воза в канаву, впрягался на маслянице в возок с людьми и не отставал от лошадей.

* * *

Сюда то, в деревню Замостье, к одному из этих стариков, дедушке Егору, жизнь забросила меня чуть ли не на целый год прямо со школьной скамьи, со свежим дипломом инженера-мелиоратора в кармане. Мне выпала миссия ликвидировать этот остров, соединив его постоянной дорогой с материком со стороны Заболотья. Проект дороги, предусматривающий постройку восьми мостов над протоками и обычного типа болотную гать, был составлен еще в 1918 году. Стоимость исчислялась в червонных рублях; тем не менее три тысячи рублей было отпущено казенных, а осталь-

Деревня Замостье, не имеющая колесного пути в другие селения.

диально для островов), и с этого момента начинается нормальное, как и у всех прочих людей, передвижение. Выезда на запад, через Дубну, не зимой нет: Дубна на целых полторы версты заболотила свою пойму, через нее можно лишь проехать на лодке.

Сама деревня расположена на сухом, супесчаном холме. Даже после сильного дождя, спустя час, на улице бывает сухо. Улицы всего одна с двумя параллельными слободами. Всех домов 25, общий вид их довольно опрятный. Большинство их с большим мастерством покрыто соломой, меньшинство — дранью и только один железом. Около двух домов прикурнули два жалких палисадника, один даже с кустом сирени. Кроме этой скудной зелени, на задворках не менее скудно зеленеют три фруктовых сада — предметы зависти и осеннего вожделения молодежи.

В деревне живут два восьмидесятилетних старика, помнящих то время, когда вся деревня состояла из четырех домов, и когда рыба ловилась чуть ли не голыми руками. Один старик обладал в молодости лошади-

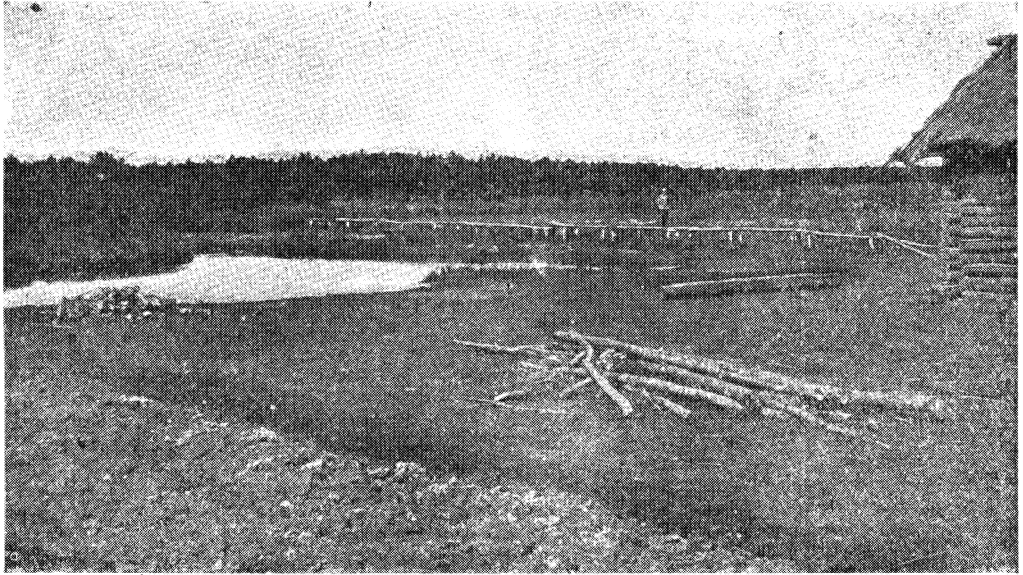
ные предполагалось взять в виде трудновинности с заинтересованного населения, от которого на то были получены протоколы.

Начальство учло, что одному мне в этом медвежьем углу не выжить, да и в опытности моей сомневалось. Поэтому ко мне прикомандировали уже пожилого, стывшего на этом деле нескольких собак техника.

Организационную работу мы с Иваном Савельичем — так звали моего техника — провели летом, наездами, а на постоянной жиле со всеми инструментами прикатили в начале зимы, по первой пороше.

Летом, да в наездах, было великолепно. Природа и ее девственность восхищали. Мы отдыхали от Москвы, толпы, трамваев, сутолоки. Но зимой, на постоянном житье, было совсем не то.

День в работе проходил, правда, незаметно. Весело таяли плотничьи топоры, обнажая белое душистое тело свежесрубленных сосен, придавая им вид то брусьев с фасками, то прямых ровных свай точь-вточь таких, какими я привык их видеть в разных учебниках строительного искусства.

Способ передвижения в дер. Замостье—„клади“

А рядом с канавой, бивовницей нашего приезда, мужидкой трудопвнностью вырубалась широченная прямая просека, через которую Замостье смогло, наконец, через тьму и топи, его окружающие, увидеть огонек близ находящейся маленькой фабрики. Намечая с нивеллиром и рулеткой мосты так, чтобы все они были в одну линию и на одной высоте, слушая перекликающиеся голоса рабочих, гулкий стук топора, визг пилы, треск валявшегося ольшанника и улюлюканье зайца или лисы, с недоумением остановившихся и глядевших на невиданное в этом углу зрелище, мы с Иваном Савельичем радовались непередаваемой радостью и за себя, отнимавших этот остров от болота, и за крестьян, приобщавшихся к тому, чего уже успели понахватать их более счастливые соседи.

Одним словом, днем было более чем сносно. Зато вечером даже двое мы не находили себе места. Вся деревня укладывалась рано; в 7—8 часов уже везде было темно. Идешь по улице, и в каждой избе через зимние рамы слышишь хрип. Самый разнообразный, самый разнохарактерный, хоть труд об этом пиши, как Тургенев о соловьях; где с присвистом, где с придыханием, где со «скрежетом зубовым». И всюду сверчки и скрип люльки, подвешенной на длинном, качающемся у потолка шесте, и плач младенцев. То же — и дома. От всей этой симфонии не знаешь куда деваться, что делать. Читать не тянуло, да и нечего было, — привезенные книги проглотили в первые же вечера, из газет приходила одна уездная раз в неделю, да и ту приходилось брать из Заболотья; когда-то туда кто соберется.

Вставали рано. Умывались из глиняного носатого горшка, висевшего над кадкой, из которой воняло детской мочей. Тут же, у

кадки, в огороженном углу, зимовала овца с двумя ягнятами. Когда мы умывались, она с любопытством, склонив голову на бок, глядела на наши руки, на мыло, старалась лизнуть его, и тоже воняла. Посмотрим на нее с Иваном Савельичем, переглянемся, плюнем и крешко выругаемся. Хозяева услышат, бегут скорей с водой, думают — всю вылили.

Дни с дождями, грязью, с мокрыми ногами, не прошли для нас даром. По очереди, сначала Иван Савельич, а затем я, по нескольку дней пролежали в постели с жаром, бредом и метаньем. Как будто что-то было серьезное, а между тем оправились мы довольно быстро. Спас нас хинин, несколько подмокший, пролежавший у кого-то с незапамятных времен. После этого зима «вошла в свои права», и жизнь наша потекла без всяких осложнений.

* * *

Работа подвигалась успешно. Мосты рождались один за другим, все в одну линию, все белые, стройные, возбуждающие восхищение у крестьян и гордость у нас с Иваном Савельичем и плотников. Все шире и шире становилась просека, и все более и более выросли кучи хвороста около намеченной оси дороги.

И мы сами, вероятно, в силу человеческой приспособляемости, так освоились с своим положением, что стали считать его вполне нормальным, как будто бы именно так, а никак иначе и должно быть. Москва, семья, служба, родные улицы, театры казались далекими, как Индия или Китай, в которых никогда мы не бывали, но которые довольно хорошо знали по литературе. Мы перестали бриться, обросли и, не видя со дня отъезда бани, пропахли потом; лезть же «париться» в русскую печь, как это де-

дали крестьяне, мы не решались. Как-то в одной из деревень я попробовал это, но у меня ничего не вышло; дали мне одну шайку воды и говорят:—мойтесь на здоровье,—а я в Москве ни много ни мало, все шаек десять на себя вылью, да еще под душем минут пять постою. А тут тебе на—удовлетворишься одной шайкой.

Может быть, наш малогиgienичный обиход, отнявший у нас внешнюю разницу с крестьянами, может быть все изменяющее время, а может быть та же самая приспособляемость, что переродила нас, привели к тому, что крестьяне стали считать нас своими.

Каждый вечер то тот, то другой, а чаще целой компанией, заходили они к нам, как они выражались, «побеседовать». Жаловались на жите-бытие свое, на скудную землю, на раздоры с соседями, рассказывали про охоту, про повадки рыбы, про то, как вчера ночью по дворам ходила лисица, намереваясь полакомиться курятиной. Не хотели слушать ни про клевер, ни про многополье, считая, что их почва ни при каких обстоятельствах,—даже при мелиорации не может дать хороших результатов, но зато с упоением, с разинутыми ртами, с дымкой задумчивости в глазах, слушали наши рассказы про теперешнюю Москву, про заграницу и чудеса техники.

Кое к кому захаживали и мы с Иваном Савельичем. К кому с делом—насчет рыбы, молока, творога, мяса, рабочих,—а то и так, навестить. От этих посещений у меня осталась память—небольшое стихотворение, вылившееся в конце обхода:

В какую избу ни войди,
Везде одно и то же:
Большая печь, иконы впереди,
В углу из грязных тряпок ложе,
Заплеванный дощатый пол,
Скамейка, стул скрипучий,
Залитый щами шаткий стол
И медный самовар певучий.

Окно едва выпускает свет,
Тревожа тараканов.
Над ними Ленина портрет,
А рядом Николай Романов.

К крыльцу ползет туман с болот,
На горизонте экскаватор.—
Вот обстановка, где живет,
Работает мелиоратор.

* * *

Так прошла зима. С началом весны, когда снег потемнел и как-то приземился, а реки приготовились к разливу, грозя отрезать нас на несколько недель от материка и обречь на бездействие, мы с Иваном Савельичем решили на месяц прервать нашу работу и закатиться в Москву.

Как раз накануне нашего отъезда прилетела дичь. Что это был за праздник! Прилету радовались все, даже старики и женщины, даже малые дети. Никогда не забуду этого дня.

Мы с Иваном Савельичем завтракали. Как вдруг к нам вбегает внук деда Егора—мальчишка лет 5-6, обычно молчаливый и нас всегда дичившийся, вбегает с озаренным какой-то лучезарной радостью лицом, на котором мы на этот раз не заметили постоянной грязи и зеленого сгустка жидкости под носом.

— Дичь прилетела, дичь прилетела, во!—кричал он неистово.

О том, что дичь должна прилететь со дня на день, мы слышали, и поэтому сразу поняли смысл возгласа мальчишки, но перемене, в нем совершившейся, невозможно было не удивиться.

Мы бросили завтракать, оделись и вышли на улицу. Был яркий, ослепляющий солнечный день. Капало с крыш. Улица, обычно пустая и тоскливая, жила и праздновала. Из домов на солнце, на весну, на пьянящий озон высыпало все Замостье и, заслонив рукой глаза от палящих лучей, смотрело по направлению к Дубне. Там что-то чернело

Ворода* у деревни Замостье.

на фоне голубого, с брызгами блестящих, резавших глаза искр, неба и что-то перекивалось в верхушках чахлах болотных соенок и густою с проседью ольшаника.

Все взрослые были сосредоточенно серьезны, это действовало и на ребят. Собаки, и те притихли, точно проходило нечто священное и торжественное. По какой-то ассоциация в этот момент припоминалась древняя русская история и опера «Снегурочка».

К нам обратились с улыбками:

— Вот когда у нас жизнь-то начинается. А вы уезжаете. Оставайтесь. Теперь скучать не будете.

Будто на праздник оставляли.

* * *

Через месяц с небольшим, после того, как вода стала приближаться к межи, а болото покрылось пышной, мясистой растительностью, мы с Иваном Савельичем снова вернулись к прерванной работе.

По сравнению с зимой жизнь наша была дачей. Мы были избавлены от душной, вонючей избы, ночу на прошлогоднем, прекрасно сохранившемся и не потерявшем душистости сене, а столовались и зашипались в саду под яблонями. Мокрые ноги в теплом воздухе не были опасны, да и мокрыми они были не часто.

Мосты были закончены, основание гати положено, мы могли ходить по проложенным по нему доскам. Делались въезды, подкладывалось добавочное основание, навозилась насыпь, рылись кюветы,—плотников сменили землекопы. Работа подвигалась успешно. Время летело быстро и незаметно. Рабочий день был долог и утомителен. Вечером, после двенадцатичасового почти непрерывного движения и объемистого ужина, в клеточках мозга почти недержалось ни одной мысли, и над всем телом тяготело единственное желание—бухнуть на сено и забыть о всем мире, о самом себе.

* * *

Однажды неожиданно к нам приехали гости—инженеры, поглядеть нашу работу. Вот была-то радость.

Через полчаса три лодки по узким протокам направились к Дубне и далее к озеру. Зацелись песня, но скоро оборвались. Было не до песен. Даже разговоры, сначала возбужденные, сами собой прекратились.

Дикая природа заставила умолкнуть и созерцать. Только один несопокойный голос то и дело спрашивал:

— Товарищи, где мы? Неужели это—Московская губерния? Неужели тут нет индейцев? Когда же будет конец этим уткам, цаплям? А это что за птица? А это? А это?

Выехали на озеро. Было тихо. Легкий, еле улавливаемый разгоряченными щеками, ветерок чуть-чуть рябил воду. Все же на середину озера гребцы не повезли нас, да никто и не подумал проситься туда: больно уж лодки были опасны... Поехали в нескольких десятках саженей от берега по направлению к Заболотью.

Больше часа ловили мы знаменитую *Cladophora Sauteri*. Экземпляры попадались разные по величине, то с апельсин, то с голову ребенка, но все они были одинаково прелестны своей свежестью и изумрудной окраской. Сначала мы делили их, вскрикивая:

— Это мой. Это мой. Этот никому не уступлю.

Затем, по мере того, как лодки наполнялись, и откладываемые «шары» смешались в общие кучи, дележ сам собой прекратился, восторженные же возгласы продолжались. Первым пришел в себя уездный агроном:

— Ну, братцы, довольно. Во-первых, нужно кое-что оставить будущим поколениям, а, во-вторых, у нас тары не хватит. Улов в одном мешке не поместится.

Действительно, в мешок, в который влезают три пуда картофеля, вошло меньше половины нашего улова, остальное же пришлось с великим сожалением выбросить обратно, и как раз то, что сначала делилось. Пока завязывали мешок, обратили внимание и на время. Приближались сумерки. Все заспешили домой. Мы с Иваном Савельичем решили провожать гостей до Заболотья и вернуться домой через мостки.

Пристали к берегу. Растительность показывала заболоченность. Тем, кто был в штиблетах, пришлось разуться. Мешок с водорослями решили нести в очередь по двое.

Высадились. Что за чудо! Как только мы встали на берег, почва, как плавающее в воде тело, опустилась на целый аршин вниз, а перед нами и позади нас поднялась стеной. Мы сделали шаг вперед, высоко подняв ноги, и почва под ногой снова опустилась, а сзади и впереди опять выросла стеной. Кто-то попробовал побежать, но после двух-трех шагов растянулся во весь рост. Особенно плохо было тем, кто нес мешок: почва под ними опускалась много ниже, чем под остальными, соответственно же выше выросли две стены сзади и спереди. Один инженер неловко принял мешок от другого и нечаянно уронил свой конед. Водоросли быстро напитались болотной водой и груз стал значительно тяжелее. Двое подняли его с трудом, а нести уж пришлось четверым.

Таким образом мы прошли около полуверсты. В Заболотье мы расстались.

* * *

Удивительно благотворно на работу и на наше самочувствие подействовал этот наезд гостей! Он осветил наши мозги, дал новые силы нашим телам. Конед работы был выполнен легко, с огромным удовлетворением. На приемку мы снова ожидали гостей, разослали всем телефонограммы, но никто не отзывался на них. Празднество вышло очень и очень скромным, были лишь местные волостные оргавизации.

И только уж после нашего отъезда на гати проезжал кто-то из Уисполкома. Проезжал, и прямо на автомобиле, по новым мостам, по свежей насыпи, проехал в Замостье.

Автомобиль в Замостье? Можно ли было это подумать год назад?

Рассказ ПЬЕРА МИЛЬ

С французского перевода Т. НЕЧАЕВОЙ

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

— Не вам, северянам, судить о жаре, — бросил сенор Гонзалез Пульчар-и-Наварретт по адресу алжирцев, принимавших участие в беседе, — пожалуйста не говорите мне о жарком лете Сахеля, о сирокко Сахары, о жгучих лучах солнца, под которыми коробятся ваши папиросы, и о знойных пустынях, где путешественникам приходится по очереди забираться друг под друга, чтобы освежиться! Чорт возьми! Все это ничто по сравнению с жарой нашей Республики Зачатия! благорастворенне воздух! невинная улыбка природы! Вы даже и не представляете себе, что такое настоящий экваториальный зной, влажный зной, который превращает пары воды в какой-то пятый элемент, погружает вас и днем, и ночью в ванну из собственного вашего пота. Но вся беда в том, что, по моему глубококому убеждению, потеешь не только наружу, но и во внутрь: ваши мозги постепенно превращаются в бумажную массу, кашку, жидкость; сосредоточиться нет никакой возможности. Минутами испытываешь подъем, осеняешься гениальной идеей — никто не оспаривает нашей гениальности, — а затем — провал, все куда-то испаряется... Что вы хотите? Жара! Остается одно: заниматься политикой!

— Политикой? — удивился господин Мюнетт, юрист по профессии.

— Ну да, ведь политика не требует умственного напряжения, — пояснил свои мысли сенор Гонзалез Пульчар. — Несчастье с водолазом — следствие той же причины. Бедняга водолаз! Я до сих пор

не могу думать о нем спокойно. А между тем в основе самая идея о водолазе была гениальной идеей, это мое твердое убеждение! Один из моих друзей, полковник Ариац Перец, — собственник жемчужной тони. Жемчуг — очень выгодная статья; не знаю куда деваются все жемчуга, извлекаемые со дна морского чуть ли не с сотворения мира, особенно, если принять во внимание, что хоронят в жемчугах только в виде исключения! Между тем от скупщиков нет отбоя! И все евреи, честное слово! Впрочем возможно, что под их видом орудуют и туземцы, с очками на носу для отвода глаз! Двадцать лет назад в Республике Зачатия жемчуг продавался не иначе, как на вес золота: камни на одну чашку, дублоны — на другую. И мы были уверены, что делаем очень выгодную аферу, хотя в действительности нас обкрадывали самым бессовестным образом: есть жемчужины, которые стоят в сто, двести, даже пятьсот раз дороже своего золотого веса. Когда Ариац Перец узнал об этом, он немедленно поднял цены и разбогател в мгновение ока. Обзавелся драгоценностями и даже шелковыми кальсонами. Сенсориты Каракаса не давали ему прохода в городском собрании: «Сенор Ариац, засучите ваши панталоны и покажите ваше белье!» Он всегда засучивал, и они буквально падали на колени перед воздушными, то розовыми, то голубыми тканями. Но однажды, перелистывая иллюстрированный журнал, я огорошил моего друга неожиданным вопросом:

— Ариад, чем ловишь ты жемчуг?

— Что за вопрос!—ответил он,—черпалкой, конечно. Индейцы не умеют нырять, а ни один гидальго не пойдет на это.

— Ариад,—продолжал я,—ты оскорбляешь науку; тебе необходимо обзавестись водолазом.

— Водолазом?

— Ну да, водолажным аппаратом, внушительной броней из меди и кожи с свинцовыми подошвами, сверкающей каской и хрустальными глазницами, защищенными латунной сеткой. Вот таким, как этот. Взгляни только.

И я показал ему фотографию в иллюстрированном журнале; он пришел в неопишуемый восторг.

— Великолещно,—твердил он,—великолепно! я прославлю родину и правительство, во главе которого стоит мой друг, генерал Альфонсо Гаррибей!

Не теряя ни минуты, мы затребовали из Лондона водолажный аппарат новейшей конструкции. Надо отдать справедливость фирме Вилкок, Мортон и К^о: она выполнила заказ в течение каких-нибудь трех месяцев. Диего Цурита, Педро де-Карупано и я удостоились чести присутствовать при вскрытии ящика.

Ну и броня, сеноры! импонирующая, грандиозная! Ариад Перед воздел руки к небу.

— Возрождаются времена конквистадоров,—воскликнул он,—рыцарь Кортес воскресает из мертвых! Пизарро и Бернал Диад, корражидор Новой Кастилии встают из гроба!

— А вот и брошюра, дающая разъяснения на нескольких языках,—сказал Диего Цурита.

И действительно брошюра разъясняла все: как входить в аппарат, как стягивать ремни, чтобы вода не просачивалась, сколько теплых одежд полагается для предохранения вас от глубинного холода, как действовать воздушным насосом, как сигнализировать веревкой: воздуху! спуск! подъем!—одним словом—все.

Но меня все-таки взяло сомнение.

— А кто же спустится?—спросил я.

На тех, которые работали с черпалкой, не приходилось рассчитывать: водолаз отнимал у них кусок хлеба. Цурита решил попробовать, и я старательно накачивал ему воздух. Он уверял нас по выходе, что чувствовал себя великолепно, дышал совершенно легко и казался самому себе как-то морским чудовищем.

— Значит ты спускаешься?

— С какой стати? Какое мне дело до чужого жемчуга? И кроме того я гидальго.

— Но ведь вооружение совсем рыцарское,—попытался соблазнить его Перед. Цурита даже не захотел слушать, и все наши поиски среди местного населения оказались тщетными: никто не соглашался залезть в аппарат, они говорили, что не желают искушать провидение.

— Надо обратиться к итальянцам,—посоветовал я.

Дело в том, что итальянды за деньги готовы на все. Эти эмигранты всегда ищут работы. Правда, у нас их гораздо меньше, чем в Бразилии, но в конце концов все-таки удалось сговориться с одним из них по четыре пиастра за спуск. При этом он все время твердил:

— Позвольте мне нырять нагишом, аппарат не внушает мне доверия.

Белика штука нырять нагишом! А аппарат? А наука? Вы понимаете? Он дал себя убедить при помощи четырех пиастров.

Наконец, знаменательный день наступил. Мы выехали в море, влезая на борту насос, броню и все необходимое. Итальянец залез в аппарат. Как бились наши сердца! Но он чего-то меллил.

— Чего вы ждете?—крикнул ему Ариад Перед.

Он знаками дал понять, что ничего не слышит и потребовал, чтобы с него сняли каску.

— Нет лестницы,—заявил он, когда мы развязали ремни!

Мы упустили это из виду. Из-за жары, конечно, вы понимаете? Мы уже битый час болтались в лодке, и я давно бросил утирать пот. Послали за лестницей. Она не пожелала погрузиться в воду, а преспокойно поплыла рядом с нами. Нам не пришлось в голову, что нужен груз. Итальянец пожал плечами и привязал к нижней перекладине два камня, которые служили балластом лодке. Лестница, наконец, опустилась.

— Разрешите мне лучше нырнуть нагишом,—сказал он опять в последнюю минуту.

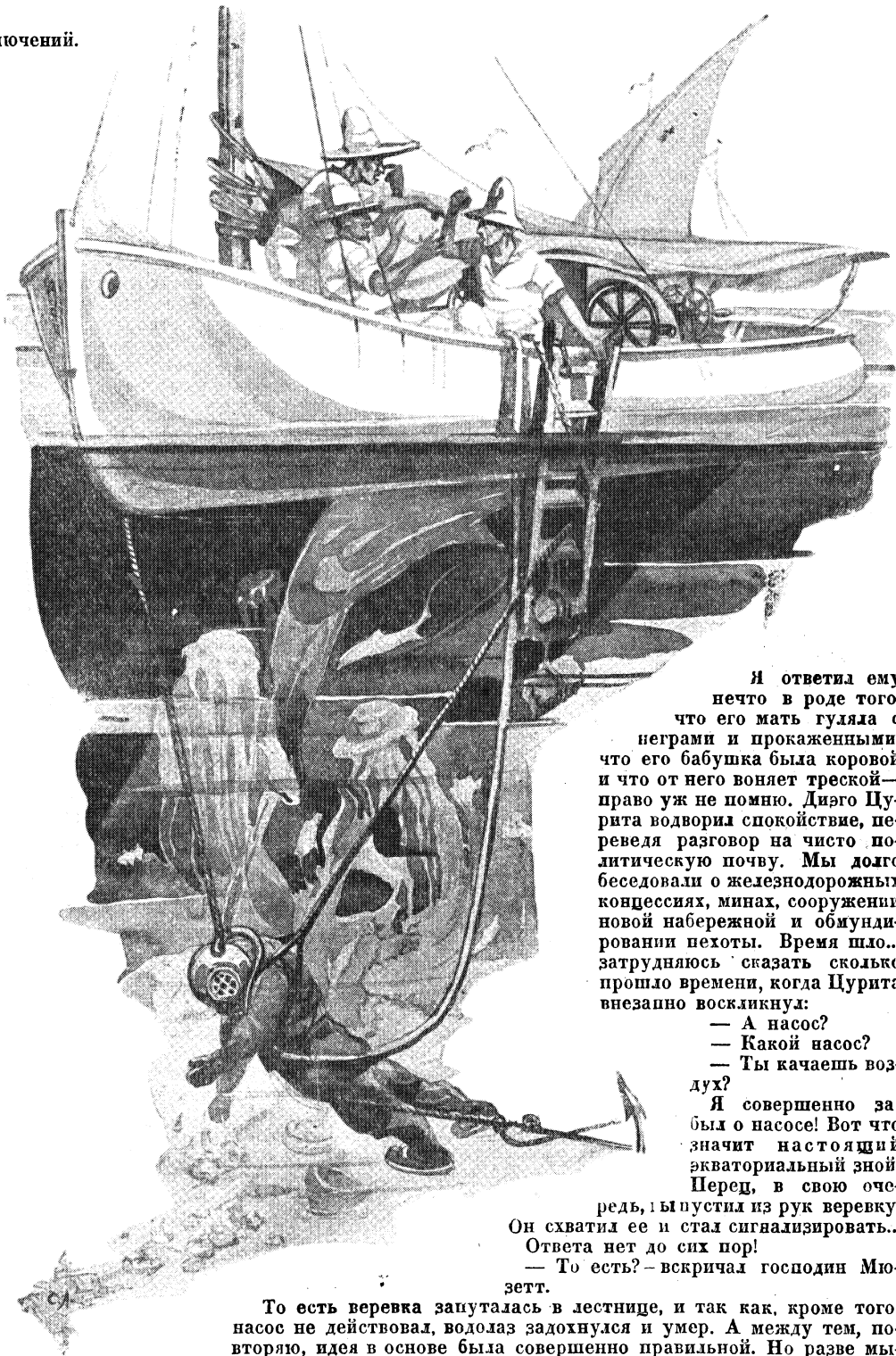
Само собой разумеется, что мы даже не обратили внимания на его слова, и он спустился на своих свинцовых подошвах. Я взялся накачивать воздух, в то время, как Цурита и Перед беседовали о выборах и генерале Альфонсо Гаррибее. Я никогда не доверял этому Гаррибею: он отказал мне в концессии на каучук. Между тем солнце скрылось в каком-то молочном тумане, что не мешало его отраженным лучам невыносимо резать нам глаза. Нервы мои были напряжены, я чувствовал себя отвратительно и мокро, главным образом мокро, как губка. Мне казалось, что мои мысли где-то рядом со мной, не то направо, не то налево! И вдруг мне живо представился Гаррибей с сигарой во рту, который даже не угостил меня тогда лимонадом, не предложил даже одного единственного бокала этого живительного напитка, дарующего блаженство. Свинья! Я не удержался.

— Твой Гаррибей свинья! свинья и больше ничего!

— Повтори-ка еще раз,—возопил Перед.—Я отправлю тебя к рыбам ударом куда следует! Ублюдок! Кровосмеситель! Негодиант!

У него глаза вылезли на лоб от злости, и он так потел, что у его ног образовалась лужица, в которой отражалось солнце, честное слово!

И ответил ему нечто в роде того, что его мать гуляла с неграми и прокаженными, что его бабушка была коровой и что от него воняет треской— право уж не помню. Диэго Цурита водворил спокойствие, перевел разговор на чисто политическую почву. Мы долго беседовали о железнодорожных концессиях, минах, сооружении новой набережной и обмундировании пехоты. Время шло... затрудняюсь сказать сколько прошло времени, когда Цурита внезапно воскликнул:

— А насос?

— Какой насос?

— Ты качаешь воздух?

Я совершенно забыл о насосе! Вот что значит настоящий экваториальный зной!

Перед, в свою очередь, ты пустил из рук веревку.

Он схватил ее и стал сигнализировать...

Ответа нет до сих пор!

— То есть? — вскричал господин Мюзетт.

То есть веревка запуталась в лестнице, и так как, кроме того, насос не действовал, водолаз задохнулся и умер. А между тем, повторяю, идея в основе была совершенно правильной. Но разве мыслимо систематически проводить идею при такой температуре!

РАССКАЗ О ЛЬВЕ

Мальчики вскарабкались на прилавок, за которым стоял Эльберт. Расскажите ему о льве. Он еще не слышал!..

Рассказ Р. КРОМПТОНА

Иллюстрации С. АЛОЙДА

Рассказ Эльберта Чиверса о льве был забавой всей деревни. Никто не знал истинное ли происшествие служило основой этого рассказа. Чиверс жил когда-то в Южной Африке, в качестве слуги, и мог почерпнуть этот рассказ из какого-нибудь приключения своего хозяина или его друзей. Не было и намеков, что с самим Эльбертом могло бы произойти чтонибудь хоть отдаленно напоминавшее его рассказ. Он был самым презренным трусихой, какого когда либо знали в деревне. Он не смел даже проходить через двор Фомы Таггса, потому что боялся собак. Он не смел проходить по полям, потому что боялся коров. Он жил в вечной боязни индийских петухов и гусakov. Как то раз овчарка Гроута гнала его через всю деревню.

Но именно эта то доказанная трусость сделала восхитительным его рассказ о льве. Ничто так не могло развеять деревню, как рассказ Эльберта о встрече один на один со львом в сердце африканских джунглей, когда только накануне он на глазах у всех бежал от встретившегося ему на дороге гусака.

Он был с виду неказистый, маленький человек, с жидкими волосами, торчащими во все стороны усами, с водянистыми глазами за огромными стеклами очков, и со слабовольным подбородком. Он служил в маленькой лавочке на краю деревни.

Никто не знал, верит ли он сам в свой рассказ о льве. Предполагается, что когда вы расскажете какуюнибудь выдумку несколько раз, вы сами начинаете верить

— Расскажите нам про льва, Эльберт!

И он каждый раз рассказывал им, так увлекался, что даже не слышал, как они насмешливо прерывали его.

И он рассказывал это не только слушателям. Он рассказывал это самому себе. По вечерам, сидя один в своей кухне, он все снова и снова повторял один и тот же рассказ, иногда вскакивая со стула для ожесточенной схватки со львом посреди кухни.

Наедине с собой он влетал в свой рассказ еще более невероятные узоры, какие не решился бы преподнести слушателям. Они, наверно, умерли бы со смеха при виде маленького человечка в клетчатой кепке, мечущегося по кухне и рассказывающего себе свой знаменитый рассказ.

А теперь мы дошли до клетчатой кепки. Эта кепка принадлежала к рассказу о льве, хотя никто и не видел ее в деревне. Не то, чтобы Эльберт воображал, будто на нем была эта клетчатая кепка, когда он бился со львом. Клетчатая кепка, просто на просто, как и рассказ о льве, была тайным идеалом его души, идеалом, не находившим другого воплощения.

По внешнему виду Эльберт был пуглив и нерешителен, кратко говоря, — трус. Но далеко, в глубине сердца, жил смелый сорви-голова, которого знал только он один. Этот сорви-голова и был героем рассказа о льве. Этот человек носил клетчатую кепку.

Эльберт, конечно, покупал кепку не для того, чтобы прятать ее. Он покупал ее, чтобы носить в деревне. Когда он примерял ее в магазине и посмотрел на себя в зеркало, все существо его затрепетало от гордости и удовольствия. Именно такую кепку ему хотелось всегда. Именно такую кепку должен был носить отважный герой, тайно живший в его сердце и поборовший льва.

в истинность ее. Как бы там ни было, но Эльберт был всегда готов повторить свой рассказ и не обращал внимания на улыбки и грубоватые выходки, не заметив которые он, конечно, не мог. Незнакомые люди проходили миля расстояния, чтобы услышать его рассказ.

— Расскажите нам про льва, которого вы убили в Африке, Эльберт!

И каждый раз он придавал своему рассказу все более драматический оттенок. Деревню особенно веселило, когда он вставлял какую-нибудь совсем невозможную подробность. Иногда он сам понимал нелепость этой новой подробности и выпускал ее в следующий раз.

Конечно, хуже всего были мальчики. Они никогда не уставали слушать рассказ. Они приводили с собой всякого нового мальчугана, появившегося в деревне. Они усаживались на прилавок и проницески подбадривали рассказчика:

— Расскажите нам опять про льва, Эльберт.

— Не забудьте, как вы перепрыгнули через него, когда он хотел броситься на вас.

— Не забудьте, как вы с ним боролись.

— Не забудьте, как он под конец бежал от вас.

Откровенно говоря, это была ужасная кепка, невероятно большая и сделанная из отвратительной материи в чересчур крупную клетку. Только вернувшись со своей покупкой домой, Эльберт понял, что никогда не решится надеть ее в деревне. Не то, чтобы она перестала восхищать его. Он продолжал любоваться ею и ему очень хотелось ее носить. Но он отказался от мысли надевать ее, выходя на улицу. Он носил ее только в своей кухне, когда по вечерам повторял себе свой рассказ о льве.

Я уже сказал, что для школьников было самым обыкновенным делом приводить с собой в лавку к Эльберту новичков. Новый мальчик только что приехал в деревню на житье со своей матерью, и знал про Эльберта только то, что ему рассказывали другие мальчики.

Они, как всегда, вошли в лавку делой гурьбой и вскарабкались на прилавок, за которым стоял Эльберт с высоко и туго подвязанным под мышками передником.

— Расскажите Дикю про льва, Эльберт, — сказал самый бойкий мальчик, — пожалуйста, Эльберт. Дик только что приехал. Он никогда не слышал вашего рассказа.

Говоря это, мальчик сделал знак товарищам. Поднялся ужаснейший шум.

— Не забудьте, как он...

— Расскажите ему, как вы...

Нисколько не смущаясь, начал Эльберт свой рассказ. Ему бы показалось совершенно естественным, если бы новый мальчик принимал участие в смешках и жестах своих товарищей. Он не просил судьбу дать ему внимательных слушателей. Он только желал иметь каких бы то ни было слушателей для собственного удовлетворения.

Он обратил внимание на нового мальчика, только когда уже рассказал половину своего рассказа и тут удивление его было так велико, что он чуть не замолчал. Новый мальчик был весь поглощен рассказом, его взволнованно блестящие глаза были жадно устремлены на Эльберта, рот открыт.

Ничего подобного не случилось с Эльбертом за всю его жизнь. В первый раз поверили его рассказу. Это вывело его из равновесия. Он смутился, стал заикаться, но потом с трудом взял себя в руки и продолжал. Но ему не хватило того увлечения, с которым он всегда рассказывал. Он едва дотянул рассказ до конца.

Мальчики выбежали толпой из лавки, весело вспоминая рассказ и то, что было в нем нового и что было выпущено в версии этого дня. Они знали в главных чертах рассказ наизусть.

Эльберт стал заставлять ставни, было время закрывать лавку. Вдруг он с удивлением заметил, что он не один. Новый мальчик не ушел со своими товарищами. Это был маленький мальчик и как раз доставал до прилавка. Через прилавок глаза его, полные обожания, были устремлены на Эльберта.

— Мистер Чиверс, — сказал он тихим голосом, из благоговения доходящим до шопота, — он вам совсем ничего не сделал?

Вопрос застал Эльберта врасплох, потом он собрался с мыслями.

— Несколько дарапин, — сказал он небрежно, — даже говорить не о чем. Совершенно не о чем говорить.

— Ах, какой вы, должно быть, храбрый, — прошептал мальчик.

— Да, что ж, — все еще не придя в себя от удивления сказал Эльберт, — когда дело касается диких зверей, я всегда... я хочу сказать, что тогда нет времени раздумывать. Увлекаешься...

Мальчик серьезно кивнул головой.

— Мистер Чиверс, — сказал он, — вы... вы расскажете мне еще когданибудь? Я так хотел бы еще раз услышать...

Эльберт подумал.

— Что ж, — сказал он, — завтра лавка закрывается рано. Попросите маму, чтобы она отпустила вас ко мне пить чай и я расскажу вам все снова. Я с удовольствием расскажу вам. Я кое что выпустил сегодня в рассказе.

В этот вечер Эльберт один в своей кухне, надев клетчатую кепку, повторял одну из самых реалистических версий своего рассказа о льве.

Он репетировал для завтрашней аудитории.

— И вдруг вы увидели, что идет лев? — сказал, взволнованно дыша, мальчик.

Они кончили пить чай, но все еще сидели за столом друг против друга.

Да, — сказал Эльберт, — я увидел, как он идет ко мне. Я был один, не считая горсти туземцев и, как вы помните, был безоружен в сердце джунглей.

Мальчик кивнул головой.

— Да, я помню. Продолжайте.

— Один и безоружный в сердце джунглей, — повторил Эльберт, — не считая горсти туземцев, и вдруг увидел, что он приближается... увидел его глаза, сверкающие как... как автомобильные огни во мраке джунглей. В джунглях темно из-за всех этих деревьев, вы знаете? Я не хочу сказать, что это было ночью. Ну, я бросился бежать, не из страха, понимаете?

— Конечно, нет, — сказал мальчик, которому эта мысль казалась даже смешной.

— Я просто хотел отвлечь его от туземцев. Я знаю, что он будет меня преследовать, если я побегу, и я хотел спасти их от него.

— Ах! — сказал мальчик, — вы могли еще об этом думать! Я уверен, что сам не подумал бы об этом.

— О, я уверен, что подумали бы, — снисходительно сказал Эльберт. — Ну, так когда я отвлек его от них, я повернулся и стал на него смотреть. Он присел, чтобы прыгнуть...

Эльберт принял позу льва, готового к прыжку. Мальчик с напруженным лицом и горящими, как звезды, глазами, бессознательно тоже повторил жест.

— Он присел... — трагически произнес Эльберт и вдруг замолчал.

Не было никакого смысла. Он не мог этого сделать так, как следует, без клетчатой кепки. Он не мог перевоплотиться в отчаянного смельчака без этой кепки. Он встал, вынул из шкафа кепку и надел ее.

— Я надену ее, — с преувеличенной небрежностью сказал он мальчику, — потому что немножко сквозит.

Глаза мальчика были устремлены на кепку. Выражение обожания не исчезло в них.

Ах! — воскликнул он, — какая прекрасная кепка!

Чувства Эльберта к мальчику стали еще теплее.

— Не плохая, — сказал он небрежно, — во всяком случае защищает от сквозняков.

— Продолжайте, — просил мальчик, — пожалуйста. Вы дошли, как он присел...

— Ах, да, — сказал Эльберт. Клетчатая кепка придавала ему уверенности в себе. — Он присел. Вот он присел, а я вот ждал его прыжка. Когда он прыгнул, я тоже прыгнул под него, потом повернулся и снова посмотрел на него... Опять произошло то же самое... Тогда... Я уставился на него глазами, вот так...

Эльберт с надвинутой на глаза кепкой оперся на стол и уставился на мальчика своими кроткими голубыми глазами, прикрытыми большими очками.

— Да, да, — взволнованно сказал мальчик, — продолжайте.

— Лев задрожал и медленно попятился... вот так...

Эльберт встал и медленно попятился по кухонному полу, изображая льва.

— Я преследовал его. Вот так...

Он зашагал по кухне, выставив подбородок, своими слабыми глазами смотря вперед в подражание отважному охотнику.

Лидо мальчика горело.

— Он все отступал и отступал перед моим взглядом. Потом вдруг присел, и, не успев я опомниться, снова прыгнул. Но я схватил его за горло руками и отшвырнул назад. Вот так!

Эльберт поймал воображаемого льва своими тощими, совсем невнушительными руками.

— Да, да, — шептал мальчик.

— И отбросил его. Вот так. Он снова кинулся на меня. Мы боролись. — Эльберт, с заломленной назад кепкой, боролся посреди кухни со львом. — В конце концов я его пересилил — он стал биться в моих руках. Потом он вырвался и в ужасе бежал от меня назад в джунгли.

Эльберт вернулся на свое место, оперся локтями на стол и задумчиво произнес.

— Я рад, что не убил этого льва. Это было благородное существо.

Выражение: «этого льва» — снова восхищение мальчика. Оно вызвало представление о других львах, сотнях львов, которых так смело победил его герой. Он не замечал ничего несообразного в жадной внешности Эльберта. Клетчатая кепка была в его гла-

зах таким же подходящим герою головным убором, как и шлем викинга.

— Знаете, — сказал он, точно сообщая что то необычайно смешное, — другие мальчики... не верят вам.

— Я знаю, — ответил Эльберт, точно понимая шутку, — это забавно, не правда ли, они всю жизнь проводят в такой вот деревеньке и, так сказать, не могут себе этого представить. Их воображение не достаточно сильно, чтобы... чтобы охватить это.

— Да, это так и есть, — серьезно сказал мальчик, — конечно.

Эльберт продолжал задумчиво улыбаться.

— Я часто подшучивал здесь над ними, — сказал он. — Притворялся, что боюсь коров, убегал от гусakov.

Это, конечно, было восхитительной шуткой. Мальчик смеялся от всего сердца.

— Вы! — восклицал он и Эльберт подхватывал тоненьким голоском:

— Да, я!

Потом мальчик снова стал серьезным.

— Вам было бы трудно рассказать мне опять все сначала? — просительно сказал он. — Кое что я забыл, а кое про что хотел бы услышать побольше.

Эльберт с удовольствием повторил бы рассказ, но он вдруг заметил, что уже поздно и мальчику пора домой.

— Завтра ярмарка, — сказал Эльберт. — Может быть я вас там увижу. Во всяком случае приходите пить чай в тот день, когда лавка рано закроется. Я вам снова расскажу.

Эльберт сидел один в кухне после ухода мальчика. Глаза его были устремлены в пространство, щеки горели. Судьба послала ему человека, вернеего в его рассказ. Это было больше, чем он смел мечтать.

Ярмарка в полном разгаре. Это была очень маленькая и бедная ярмарка, но Эльберту она доставляла удовольствие. Он закрыл лавку, чтобы развлечься на деревенском празднике. Ярмарка должна была продолжаться два дня. Главным развлечением второго дня должен был быть зверинец. Он только что прибыл и расположился на соседнем поле. Эльберт стрелял в тире, но ни во что не попал, потом покатался на карусели. Потом ходил по лавочкам и купил глиняную трубку и подушку для булавки.

Во время, как он платил за свои покупки, кругом поднялся какой то странный шум. Раздалась крики и площадь стала пустеть, как по волшебству. Народ залезал на крыши, прятался под прилавки, карабкался по столбам карусели и по деревьям.

Эльберт был очень близорук и не сразу разглядел причину всего этого смятения. Он очутился совершенно один посреди площади, и только тогда заметил совсем близко от себя льва, который оглядывался по сторонам, помахивая хвостом.

Эльберт бросился с криком ужаса к гумну, стоявшему в дальнем конце площади, и захлопнул за собой дверь. Потом

Эльберт оправил шляпу и пальто и с небрежным:

— Конечно, на этот раз может и... не выйти. Львы различаются друг от

он осторожно подошел к маленькому окну и, бледнее от ужаса, посмотрел в него. Ужасные подозрения Эльберта оправдались. Лев преследовал его в его отчаянном бегстве через площадь. Зверь стоял теперь вблизи двери, которую Эльберт захлопнул, поджидая его и размашивая из стороны в сторону хвостом. Эльберт вынул платок и вытер со лба пот.

Потом он заметил, что не один на гумне. Маленький мальчик, его восторженный слушатель, сидел тут же. Лицо его было оживлено ожиданием.

— Я знал, что вы так и сделаете, — сказал он, — потому то я и прибежал сюда вместе с вами.

— А? Что? — пробормотал Эльберт. Зубы его стучали.

— Вы побежали в другую сторону, чтобы отвлечь льва от людей. Потом вы выйдете, оставитесь на него и поборете, как и того льва.

Глаза, горевшие обожанием, были устремлены на Эльберта.

Эльберт втянул в себя воздух и с отчаянием оглянулся кругом. Потом ему вдруг стало ясно, что он будет делать. В его рассказе о льве не было ни слова правды, и он в глубине души отлично это сознавал. Но он умрет теперь только для того, чтобы единственный человек, веривший в этот рассказ, не потерял своей веры. Он выйдет из гумна, чтобы его живьем съело это кровожадное животное только ради того, чтобы мальчик продолжал верить его рассказу о льве.

друга совсем, как люди, — вышел из гумна, прикрывая за собой дверь.

Он стоял со львом лицом к лицу на открытой площади. Это был его последний час, вернее, — последняя минута, — вернее, — последняя секунда.

Его возбужденному воображению представлялось, что лев уже готовился к прыжку. Тогда к нему пришло мужество отчаяния. Ему вспомнились отрывки из его рассказа о льве.

Он устоял своими слабыми, бледными глазами на льва, выдвинув вперед безвольный подбородок, и сделал шаг вперед. Лев отступил на шаг назад. Ободренный Эльберт сделал еще шаг вперед. Лев снова отступил на шаг назад.

На самом деле льву было очень не по себе. Он выскочил из клетки, подчиняясь порыву, и уже раскаивался в этом. Он всю жизнь провел в неволе и был, вообще, очень мирного характера. Он не был голоден, но

даже если бы и был, Эльберт едва ли соблазнил бы его. Ничто в Эльберте не обещало хорошей трапезы. Кроме того, укротитель льва случайно был таким же маленьким человеком с торчащими усами. Лев испытывал большое почтение к маленьким мужчинам с торчащими усами и, когда

нишний день. Через ярмарочную площадь очень — очень медленно, шаг за шагом, отступал лев. Через ярмарочную площадь очень — очень медленно, шаг за шагом, наступал на льва Эльберт, выставив вперед подбородок, уставившись на льва близорукими глазами.

Зрители, вскарабкавшиеся на крыши балаганов и на карусель, следили безмолвно и напряженно. Когда Эльберт и лев дошли до изгороди в конце площади, прибежали содер-

Эльберт устался на льва слабыми глазами и сделал шаг вперед. Лев сделал шаг назад.

они делали шаг вперед, он делал шаг назад.

И вот произошло удивительное, то, о чем деревня говорит по сегодняш-

жатели зверинца. Они пошли выпить в деревню и, вернувшись, увидели, что лев убежал. Они освободили Эльберта от взятых им на себя обязанностей, и лев, все еще помахивая хвостом, величественно, но втайне очень довольный, вернулся в свою клетку.

Тут на крышах балаганов, на верхушках деревьев, на столбах карусели поднялся оглушительный крик.

Маленький мальчик первый побежал к Эльберту.

— Вот это было замечательно! — взволнованно кричал он. — Вам даже не пришлось бороться с этим львом.

Был полдень следующего дня. По деревенской улице шел Эльберт в сопровождении маленького мальчика. Он шел развязной походкой. В сердце его было восхитительное сознание, что все до единого человека в деревне будут теперь до самого его смертного часа верить его рассказу о льве. На голове его, на конец открыто и без стеснения, как эмблема достоинства, красовалась клетчатая кепка.

ЯНТАРНАЯ СТРАНА

Рассказ С. ГОРБАТОВА

Иллюстрации А. ПОЗЕНА

Когда я вспомнил о Грэндрейне, то вижу, что обиденная жизнь и время не вытеснили из памяти его образ и многое из этой единственной чудесной страницы моего существования.

Тем, кто прочтет мои записки, интересно знать, как встретился я с ним. Для них я опишу нашу первую встречу. Однажды, объезжая окрестности западно-африканского городка, я остановил вороного коня на вершине каменной гряды. И здесь, в этом желтом просторе песков, меня не оставляли мысли о тайнах, погребенных в недрах земли, о новейших открытиях в истории человечества, перебросивших мостки между древними цивилизациями Америки и Африки. Все ли известно пылливому человеческому уму, или ему предстоят еще новые и новые открытия в истории мира?

Мой черный друг внезапно заржал. Я огляделся, но ничего не увидел. Тогда я взглянул в полевой бинокль: он выхватил из ландшафта кусок песчаных дюн, ребра коричневых скал и всадника на белом лошади. Через седло его было перекинута точно трипичное, безжизненное тело. Над желтым морем конь казался блестящим. Всадник-женщина приблизилась.

— Город! Далеко ли город?

— За этими холмами!

Белый конь рухнул, уткнувшись розовыми ноздрями в песок. Ноша глухо ударилась о землю, Всадница успела во время соскочить со своего коня; она едва держалась на ногах.

— Он жив?—спросила женщина и нагнулась над безчувственным телом, лежащим подле лошади.

Я взял руку незнакомца; пульс едва бился.

— Он жив, но кто это?

— Не знаю, не знаю, — пробормотала всадница. Я нашла его в песках. Он умер от голода, жажды и усталости. Он пес сокровище. Раскройте его мешок,

Я раскрыл. В мешке лежали громадные шлифованные куски янтара желтого, зеленого, красного, огненно-оранжевого цвета. Со дна я достал последний кусок необычайной чистоты и прозрачности, зеленый янтарь, граненый в форме куба. Грани вбирали солнечный свет и излучали его на странную птицу, замурованную в янтаре. Красногрудая, с голубыми крыльями, она повернула на бок чернозеленую головку и глядела на меня из камня, словно готовясь взлететь. Чья-то искусная рука мгновенно

остановила жизнь, окружив птицу зеленой, светящейся массой. Чудо природы или мастерства было в моих руках? И я невольно связал этот кусок янтара с мыслями о тайнах, погребенных в пустыне.

Я забыл время, проведенное около постели незнакомца, и помню лишь ночь, когда я, спасенный — его звали Грэндрейн, — всадница на белом коне — Марион — выехали с караваном в пустыню.

Мы ничего не знали о неведомой стране, куда вел нас Грэндрейн, но нас влекло к нему; мы пошли не задумываясь, охваченные безудержной страстью приключений.

Он ехал впереди, не справляясь ни с компасом, ни с картой. Мне кажется, что он намеренно кружил, сбивая со следа, чтобы ни я, ни Марион, ни надсмотрщик за неграми-рабочими Астон, ни негр-дагомеед Гонагоя — никто не мог бы найти вторично этого пути. Я не вел счета дням. Безбрежные пески изо дня в день окружали нас. Но однажды перед караваном встали из-за горизонта слугуы гор. Огромные скалы, выветренные, складчатые утесы, словно встали на дыбы, схватившись друг с другом в жарком рукопашном бою, а рядом зияли бездонные провалы, пожравшие низвергнутых каменных гигантов. Скалы справа, слева, спереди и сзади. Негры испуганно смотрели на угрюмые отвесы черных скал. Четыре томи-

тельных дня мы кружили среди каменного хаоса. И вот, после самого утомительного перехода по трещинам иссиня-черной скалы, мы выехали в удивительный диrk Янтарной страны. Горная завеса прорвалась. Перед нами лежало темно-голубое озеро, окаймленное густой зеленой чащей, а кругом него уходили в поднебесье черные скалы, отрезая этот диrk от внешнего мира.

Гонагойя протянул длинную руку горпылы к озеру и пересохшими губами повторил:

— Мираж! Мираж!—

Марлон разочарованно спросил:

— Неужели это только мираж?

— Нет, это действительность, — произнес уверенный голос.

Грандрейн дрожал от волнения и тяжело дышал.

— Да, действительность! Это моя страна, отныне—моя родина—Янтарная страна кудимайев.—И дав шпоры лошади, он ринулся вниз к лазурным водам.

Солнце быстро скрылось за горными стенами. От озера веяло прохладой. Все мы, разбитые путешествием, лежали подле костра у палаток. Но Грандрейн скрылся, не сказав ни слова. Куда он ушел, почему он за все время не объяснил нам, что влекло его к этим местам. Я знал, что он хочет добывать янтар, но цель его напряженной жизни и работы оставалась неизвестной. Мое раздумье прервала Марлон.

— Герберт! Куда ушел Грандрейн? Почему он в таком волнении?

Я взглянул на вопрошавшую. Языки пламени плясали ответами на ее похудевшем лице.

— Не знаю, Марлон, какое нам дело?

— Нет, Герберт, я хочу знать где он. Он устал больше нас и все-таки ушел в темноту, в горы, где каждый миг грозит гибелью. Герберт, я боюсь за него, где он?!

Я ничего не ответил. Меня удвигла ее горячность, глубокая печаль и волнение в голосе. Что с Марлон, веселой амазонкой, женщиной авантюристкой, бесстрашной и независимой? И вдруг воздух вздрогнул от адского взрыва. Второй, третий. За каждым из них следовал грохот падающих скал, повторенный многоголосым эхом. Лошади тревожно ржали и бились. Марлон судорожно сжала мою руку.

— Слышите, Грандрейн! так вот зачем ему динамит!

Еще три раската динамитного грома потрясли воздух, а затем все стало тихо. Ни ветра, ни шелеста, никаких звуков. Только где-то запоздало трещали катящиеся к озеру камни, сорванные взрывом.

— Герберт, я боюсь. Мне страшно думать о том, что будет. Но я чувствую, что нам

грозит несчастье. Я не хочу, чтобы оно было с Грандрейном. Не хочу!

Я с трудом успокоил Марлон. И потом долго, сидя около спящей, думал о взрывах, о беспричинных страхах Марлон, о Грандрейне, о дирке янтарной страны, пока сон не принес мне покоя.

Рано утром негры под руководством Астона занялись янтаром у подножья гор. Я выбрался к потоку, каскадами падавшему с гор. Водяная пыль серебряным туманом

Марлон лежал у костра...

стояла над водопадом на фоне розовых гранитов и черных базальтов. Я долго любовался игрой солнца, как вдруг раздался мощный взрыв: где-то работал Грандрейн. Но где? Передо мной стояла стена непроходимых скал. Нет ли пролома в гранитной толще, не высечена ли каменная лестница или подземный ход под этими горными массивами? Ведь нет же у Грандрейна летательного аппарата.

Исследуя каменную преграду, я не нашел ни малейшего следа прохода, подкопа или лестницы. Не было ни пещер, ни расщелин. А между тем Грандрейн проник туда. Мне казалось, что именно за этими стенами можно найти разгадку действий Грандрейна. В досаде на свое бессилие, я повернул коня назад и вскоре приблизился к лагерю.

Старик Тимрари занимался стряпней, а юный Унаа ловил рыбу у ног отдыхающей Марлон. Увидев меня, он недовольно отошел и издал крикнул:

— Прощай, госпожа. Унаа печален: он уходит от госпожи. Унаа любит госпожу больше, чем солнце.—Он ткнул пальцем в пышущий жаром золотой диск.

Марлон рассмеялась.

— Вот, милый Герберт, как вам нравится влюбленный Унаа? Я предпочитаю его Астону.

— Астону? Разве он вам говорил что-нибудь?

По лицу Марлон пробежала легкая тень.

— Я ненавижу его, он весь какой-то изъеденный, как его мундштук из скверного янтара. Скот, алчный и подлый. Мне противен взгляд его красных похотливых глаз.

Негры весело загадели. Из-за леса показались всадники: Грандрейн с добычей янтара заехал за нами, чтобы отвезти янтар в свой склад.

Через трещину в скале мы попали в каменную трубу, которая прикрывалась голубым куском неба. Тридцать, сорок мешков с камнями, ящики с патронами, ружьями и динамитом—вот что было здесь.

— Восемь лет, — сказал Грандрейн, — я скитался по свету и два года назад открыл Янтарную страну. Четыре раза, рискуя жизнью, я ездил отсюда в город. Последний

раз вы видели меня в конце путешествия.— Он взглянул на Марион, в голосе его зазвучали теплые нотки.—Только благодаря вам я остался жив. Спасительница моя Марион, я в вас люблю память о моей возлюбленной.

Грэндрейн вынул из мешка янтарный шар. Марион вскрикнула от изумления. Астон застыл, побелев под загаром. Голубой шар разбрызгал на нас бирюзу морских вод. Внутри его извивалась большая ящерица с чернозеленым гребнем. Правая лапа и голова с двумя рогами были приподняты. Вышуклые, черные бусинки глаз сверкали словно живые.

— Всмотритесь в глаза. Несколько тысячелетий пролетели над миром, тысячу раз стерев память о бытием. Но они прошли мимо животного, заключенного в янтаре. Этот шар—дело рук человеческих. Им любовалась принцесса народа кудимайев—ваш двойник, Марион. Вот почему я дарю этот шар вам.

Но Марион не протянула руки к шару. Она глядела отсутствующим взглядом на Грэндрейна, закусив губу так, что красные капельки медленно ползли в уголку рта. Затем она резко повернулась и скользнула в темную щель. Грэндрейн проводил ее страшным взглядом и тоже молча шагнул к выходу. В недоумении мы последовали за ним.

Вечером ко мне подошел Астон. Зверь по отношению к рабочим, со мной он усвоил гнусный, заискивающий тон.

— Я все хотел спросить вас, сэр, каким образом получается цветной янтарь? Я думал, что янтарь бывает только желтый. Может быть, это не янтарь?

— Это тайна Грэндрейна, Астон,— ответил я. Теоретически цветной янтарь возможен. Вы знаете, как создается янтарь. Это смола, застывшая много веков тому назад. До сих пор я видел только желтый янтарь, но возможно, что в ту пору существовали особые породы деревьев, которые источали цветную смолу, а, может быть, смола окрашена

— А как попали в янтарь животные?

— Ну, это просто. В янтаре часто находят листья, кору и жучков. Правда, Грэндрейн сказал, что ящерицу в янтаре замуровал человек. Очевидно, у него был большой запас смолы, и он залил ее смолой внезапно. Спросите Грэндрейна.—Астон хихикнул.

— Ах, сэр, Грэндрейн занят мертведами. Ему не до нас.

— Мертвецами? Что за вздор!

— Не верите?! Голос Астона понизился до ссылюкающего шопота.—Я знаю, где он проводит дни. Среди мертвецов и золота. Золото!..—Астон сжал до боли мои руки.—Сэр, хотите быть богатым? Несметные богатства лежат у него под боком. А он нянчится с трупом. Сэр, поделим драгоценности. Бросим его среди мертвецов. Живое—живым. Дайте руку!

Я оттолкнул его и вышел из палатки к берегу.

Все это ошеломило и взволновало. Свежий воздух успокоил меня, но нервы были натянуты, и я невольно вздрогнул, когда

услыхал хруст песка. Возвращался Грэндрейн. Лицо его горело нечеловеческим упоением, он шел как лунатик, не глядя и не видя ничего, ноги машинально переступали, направляя его к лагерю. Как тень, он скользнул мимо, задев меня рукавом, не мигая и не шевельнувшись даже от толчка. Следом за ним я дошел до его палатки и слышал конец затихающего бормотания:

— Ты будешь жить, а я его убью навеки. Будь ты проклят!

Это было все, что донеслось до моего напряженного слуха. Я почувствовал страшное утомление и пошел к себе. Моя палатка была рядом с палаткой Марион. Едва я вошел, как из-за стенки Марион спросила:

— Герберт, Грэндрейн вернулся?

В ее голосе звучали тревога и слезы. Я промолчал. Еще неожиданность: Марион плакала. Отчего? И мне захотелось внезапно вернуться из Янтарной страны назад, в песчаный простор, вырваться из кратера, где человеческие страсти бурлят от тесноты.

А страсти начали действительно кипеть. Я проснулся от сознания, что кто-то стоит надо мной. Марион трясла меня за рукав.

— Вставайте скорее, несчастье!

— Что случилось?

— Астон взбунтовал негров. Они бросились грабить хранилище и хотят уехать домой.

Так вот почему Астон затеял со мной разговор!

— Где Грэндрейн?

— Не знаю. Ах, если б бежать отсюда.

Видно и ею владели те же мысли, что и мной.

— Подумайте, Герберт. Мальчик Унаа лепетал вчера вечером о подстрекательстве и бунте, а я не поверила и смеялась.

Мы вышли из палатки. Марион впилась в мою руку.

— Унаа, Унаа!

На песке лежал поваренок с расколотым черепом. А вдали, по уступам базальтов, карабкался на лошади Астон. Я крикнул изо всех сил:

— Астон, остановитесь!

Но он продолжал путь. Я погнался за ним. Достигнув скалистой гряды, он спешился и заскользил вдоль черного хребта. Вдруг он точно провалился. Задышав от бега и волнения, я подбежал к месту провала и увидел черную яму. Брошенный камень тотчас же ударился о дно. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я прыгнул; сбоку в стене блеснул свет. Несколько шагов,—и я замер от удивления.

Слева возносились к знойному небу отвесная скала, отрезавшая меня от дírка и Янтарной страны. А направо амфитеатром развирывался второй дírк—другая чудесная страна.

Я стар и скоро умру, но никогда не забуду этого первого впечатления. Оглушенный падением, полуслепленный, задыхающийся, я стоял у входа в этот неведомый мир. Никогда—ни раньше, ни

позже, — я не испытал той радости бытия, как в тот момент, когда мне открылся во всей полуденной красоте дивок оранжевого дворца властителя Янтарной страны.

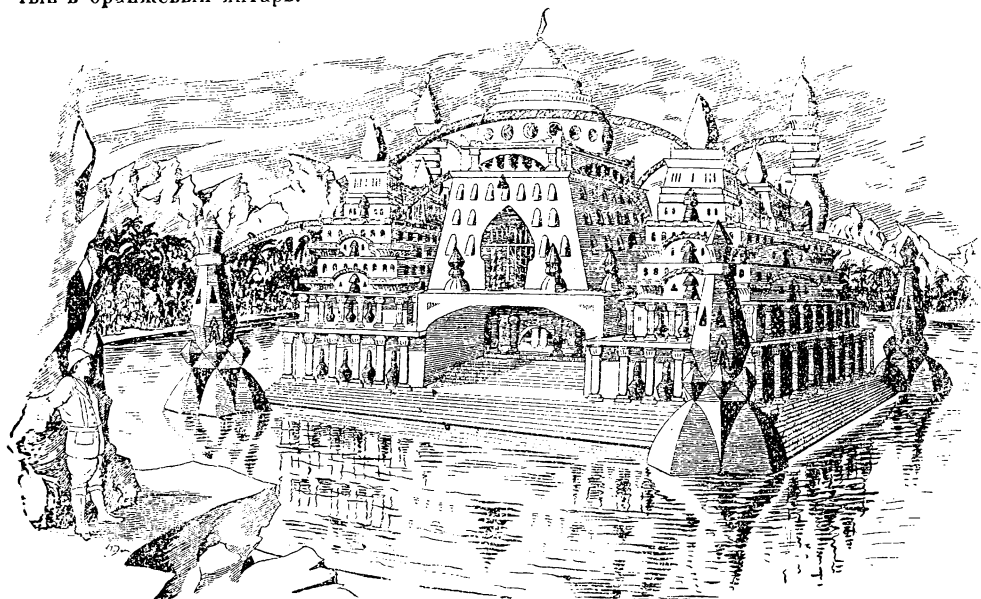
И этот дивок был кратером потухшего вулкана, диаметром не более трех километров. Верхняя половина кратера падала отвесно каменным безжизненным кольцом, нижняя — представляла собой цветущий сад, террасами спускающийся к голубому озеру, затянутому дном вулкана.

Здесь и там на цветущих склонах каналы бежали зеленые террасы, свергаясь водопадами с одной террасы на другую. В четырех углах квадратного озера поднимались стройные обелиски башен невиданной архитектуры, а в центре озера из воды выросла многоэтажный дворец, одетый в оранжевый янтарь.

сходством были воплощены в этом древнем портрете. Пришла на память слова Грандрейна в хранилище, когда он передавал Марион подарок, но мысль, вытесняя мозаичный образ, была уже взята в плен отделкой вестиялю.

На потолке, расцвеченном цветными янтарными плитками, причудливо пестрели фигуры, растения и письмена, а на мозаичном полу играл свет, падающий из двенадцатигранного окна на потолке.

По галерее, уставленной статуями, я прошел в комнату, полную тяжелого, кровавого сияния. Это светился рубиновый янтарь, вправленный в частую металлическую сеть, как багряный мед в серебряных сотах. На позированных пьедесталах замерли статуи двух девушек в коротких

Из голубого озера выросла чудесный дворец, весь одетый в оранжевый янтарь...

Я стал опускаться с террасы на террасу к озеру. Дворец рос, захватывая меня все больше и больше своей архитектурой; странной красотой арок, высоко взлетающих воздушных мостов, многообразных балконов и красочных, многогранных колонн.

Шагов за пятьдесят до входа в башню начиналась крутая колонада, крытая развешенной черепицей, сквозь которую свет играл радужным дымом. По гранитным ступеням, позированным словно розовые зеркала, я поднялся на крыльцо. Над полураспахнутыми широкими дверями в стену башни был вделан мозаичный портрет красивой женщины. Глаза невольно приковывались к нему.

Мне показалось, что я грежу. Из мозаики глядела на меня Марион. Синие глаза, тонкий нос с нервными ноздрями, иссиня черные волосы, гладко облегающие голову — черты Марион с разительным

туниками. Нагими руками, розовеющими от рубинового воздуха, они указывали на лестницу, уходящую вниз. Я повиновался и стал спускаться. Каждый шаг вызывал тихий, убаюкивающий звон. Лестница кончилась, и я увидел спиральный туннель. Чудо техники древних строителей, он соединял береговую башню с оранжевым дворцом посреди озера. Туннель из голубого прозрачного янтара буравил толщу воды, выводя на балюстраду оранжевого дворца. От озера веяло свежестью, и она возвратила меня к действительности. Я вспомнил об Астоне. Где он? Где Грандрейн? Что стало с Марион за это время? Мое внимание привлекла раскрытая книга на подоконнике. И тут я необычайно остро почувствовал тоску одиночества. Где люди, люди, населявшие эти дворцы, толпившиеся, высекшие эти статуи, повелевавшие, где они?! Только вещи оста-

— Каарис, любимая, очнись...

лись, вещи, которые стали мне ненавистны без хозяев, мертвые, ничьи и ценужные.

В комнате, где лежала книга, никого не было. Я схватил ее, ища разгадку тайны народа и замер над титульным листом. Это был «Фауст» Гете в подлиннике. Так значит Грандрейн здесь, а эта комната—его рабочий кабинет. На столе лежали рукописи. Дрожащей от волнения рукой я стал перелистывать страницы. Только страх не давал мне возможности сосредоточиться, но все же я лихорадочно глотал страницу за страницей, из которых по воле Грандрейна вставали отрывки картин истории Янтарной страны.

Три дирка Янтарного озера, Оранжевого дворца и Янтарного города (там негры производили раскопки) были населены племенем кудимайев. Кто они—неизвестно! Но письменность их хранит память о паническом бегстве от берегов великого моря, которое много лет гнало их на восток, похоронив в своих недрах большое царство. В трех дирках остатки народа нашли пристанище. Ни одна весть не приходила извне и, несмотря на это, кудимайи подняли культуру очень высоко. Любимым материалом для изделий, построек, украшений был янтари. Они добывали его искусственным путем, как каучук, из растительных смол, культивируя вымершие породы деревьев. Янтари служил им для погребения, в него замуровывали умерших, смола оказалась наилучшим средством для бальзамирования.

И вдруг пришел конец. Он нигде не записан, никто не запечатлел для потомства истории гибели страны. Я читал, как объясняет гибель Грандрейн. Он утверждал, что начало конца положила любовь властителя кудимайев к дочери простого янтарного мастера... Он не добился ее любви и отомстил, замуровав ее заживо в янтаре. Народ восстал и осадил дирк Оранжевого дворца. Народ не знал тайн—проходов че-

рез горы—и потому осада длилась много месяцев.

Победа пришла вместе с изменой. Слуги тирана убили его, набальзамировав янтарем. И все умерли, весь народ погиб. Как? Грандрейн говорит, что тиран отравил воду горных ручьев. Он находил тысячи скелетов в позах, говоривших о мучительной, неожиданной смерти. Быть может, он прав.

Шелест прервал чтение. Ветер бегал по страницам книг. Я закрыл окно и встретился взглядом с изображением Марион в стекле. Несомненно, это была она или женщина, поразительно похожая на Марион. Кто это? Зачем ее изображение повсюду?

Чьи-то шаги гулко прозвучали в корридоре. Крадучись, я вышел из комнаты и услышал стук запираемой двери и голос Грандрейна. Я припал к стеклу в двери.

Грандрейн, сидя в кресле, не сводил глаз с лазурной янтарной призмы в человеческий рост. А из нее смотрела на Грандрейна Марион. Нет, конечно, это была только двойник Марион: та молодая женщина, чьи изображениями были усеяны стены дворца. Ни одна мелочь не говорила о тленности. В легкой открытой тунике, стянутой на талии серебряным поясом с красной янтарной застежкой, она, казалось, дышала: кровь окрашивала щеки румянцем, и свежий рот был полураскрыт от глубокого вздоха.

— Каарис, Каарис,—бормотал Грандрейн.

Ах, так вот кто—эта женщина. Во славу ее тиран и создал эти бесчисленные изображения на стенах. Марион-Каарис! Какая удивительная игра судьбы и природы. Но было не до размышлений. Грандрейн стоял и плакал, обвиняя камень. Значит Астон бывал здесь: об этих мертведах он то и говорил вечером накануне бунта. Я отвел взгляд в сторону и столкнулся глазами с черноволосым мужчиной в пестрой мантии. Меня потряс блеск его глаз, злобных и жестоких, пронизывавших лиловую янтарную массу призмы.

Спина Грандрейна загородила от меня лиловую призму мужчины. Голос его (какой голос—почти вой) звучал ненавистью и отчаянием:

— Будь ты проклят, Гласс, будь проклят!

Подсматривать дальше мне было стыдно, и я бросился бежать по корридору. А за мной гнались бурные потоки слов:

— Каарис, любимая, очнись! Я оживлю тебя, ты ведь только спишь.

Мне послышались какие-то звуки в другой стороне. Прислушался: откуда-то снизу раздавался смех. Люди—это несомненно. Но какие? Блеснула догадка: Астон.

Я поборол невольную дрожь и снял с колонны большую вазу. Защита ненадежная, но другого оружия нет. С вазой наготове я обходил комнату за комнатой. Астона не было. В подутье я задел сапогом какой-то предмет, который громко прозвенел. Я поднял его. На ладони лежала монета, но не круглая, а шестигранная с изображением

Каарис. Под ногой поддалась плита; я нагнулся и увидел кучу золотых шестигранников. Астон был здесь и в этой невзрачной комнате он нашел золотой фонд Янтарной страны. Астон обокрал Грэндрейна.

Наложив монетами вазу, я побежал назад.

— Грэндрейн! Астон открыл клад!

В руке Грэндрейна блеснул револьвер.

— Вы следили за мной или за Астоном? — хрипло спросил он.

— За Астоном.

— Благодарю. Сейчас время действовать. Вперед!

Он вел меня через лабиринт комнат и зал. Динамика взлетающих колонн, слезающихся сводов начала меня утомлять. Я на ходу рассказывал Грэндрейну о кладовой, о бунте, мы бежали уже вдоль балюстрады, о которую бились волны озера. Грэндрейн вскрикнул. Вдали, по лестнице, ведущей с террасы на террасу, поднимался Астон. Он нес мешок с большим грузом, об этом говорили его медленные и напряженные движения. Догнать его было немислимо. Мы только еще вышли на берег, как фигурка словно прошла через стену и тотчас же раздался взрыв. Негодяй взорвал проход в цирк Янтарного озера, где расположился караван.

— Военные действия открыты, — улыбнулся Грэндрейн. — Ничего, мы пойдем через мой склад янтара.

Узкая щель привела нас к отверстию. На прилегающих к нему скалах были следы недавнего взрыва. Астон пороботал и тут. Ползком мы с трудом пролезли под глыбой, завалившей дыру, и услышали голоса.

— Астон и негры в складе, — шепнул Грэндрейн.

— Грэндрейн, — раздался голос Астона, — нас 21 человек. Предлагаю зайти ко мне и мирно побеседовать. Гарантией мира будет служить 18 черномазых. Шлю их вам.

Массивная дверь приоткрылась и в узкую щель Гонагойя выбросил негров.

Отступать было некуда. Мы выбрали наступление. Грэндрейн вошел первым, я последовал за ним и упал под ударом Гонагойи. Падая, я увидел лежащего Грэндрейна и Марьян, опутанных веревками. Астон с винтовкой в руках невозмутимо курил. Дверь скрипела и в нее время от времени высовывались черные физиономии, бормоча:

— А деньги платить? Мы хотим домой к жена. Деньги давать!

— Вон, — в бешенстве заорал Астон. Негры заупрямились, но в ту же минуту были выброшены за дверь пинком ноги.

Астон положил винтовку на дверь и стал методически расстреливать негров, считая... — Один, два, три, четыре, пять, шесть...

Я увидел Гонагойю, поднявшегося высоко по стене пещеры. Черное тело его слилось с черным камнем. Руки и ноги его все время скользили и скатывались, не находя опоры, но он всем телом цеплялся за камень и

все полз и полз, вгрызаясь руками, зубами в выступы камня.

— Семь... Восемь... Девять... Десять... Одиннадцать...

Астон сделал перерыв, Гонагойя лез все выше и выше. До края стены оставался метр. Еще несколько усилий — и он спасен. Всеми чувствами пленника я страстно жаждал его спасения.

— Двенадцать... Тринадцать... Четырнадцать... Пятнадцать...

Стрельба возобновилась. Гонагойя был уже у самого края. Его правая рука оторвалась, левая метнулась беспомощно в пространство; я с ужасом приготовился увидеть его падение, но он втиснулся коленом в камень, ушел головой в скалу и удержался.

— Шестнадцать... Семнадцать... Восемнадцать... А где девятнадцатый?

Гонагойя схватился за край стены. Оттуда посыпались камни. От неожиданности Астон выронил трубку.

— Ага, вот где!

Гранул выстрел, и в оляном фуге от головы Гонагойи брызнул фонтан осколков. Второй — из ноги Гонагойи полилась кровь. Последним усилием он подтянулся, вскарабкался на край и скрылся за гребнем.

Астон устал опуститься на ящик.

— Отдохнуть надо. Восемнадцать... — легкая работа.

В стороне стояла желтая янтарная призма с замурованным вошном. Стройный черно-волосый юноша выдвинул на полшага ногу и вытянул вперед руку с туго натянутым луком. В тетиву упиралась длинная стрела с острым металлическим наконечником. Глаза воина пристально смотрели вдаль, как будто он готовился пустить певучую стрелу в невидимого врага.

Я подумал о том, что скоро буду мертв, как этот воин, и закрыл глаза. Звуки скрипучего голоса Астона открыли мои веки.

Ну-с, дорогой Грэндрейн! Вы любите лобызаться с мертвыми камнями, я же предпочитаю реальные радости. Деньги у меня есть, укажите, как выбраться из этой трущобы. Награда — жизнь. Продолжайте бро-

... Я увидел падающего навзничь Астона с стрелой в груди...

дить среди мертвецов и декламировать любовные стихи, а я уеду с вашей помощью. Итак, слово за вами. Дайте карту и укажите маршрут.

Молчание было ему ответом. От гнева на лбу Грандрейна вздулись жилы.

— Вы сердитесь? Напрасно. Советую одуматься. Эх, простак, простак! Удивительно, что вы заметили сходство между Марион и дохлой принцессой. А что в вас Марион влюблена, как кошка, не заметили? Так вот что. Если не скажете маршрута, я расколю вашу янтарную бабешку, вас пристрелю, а живого двойника, Марион, прихватчу с собой, показав вам перед смертью, какая разница между ласками янтарной куклы и живой красавицы.

Он залихватно рассмеялся и двинулся к Марион.

Внезапно раздался грохот и словно сквозь сон я увидел падающего навзничь Астона с трепещущей стрелой в сердце. Огненные круги завертелись предо мною, и я лишился сознания.

Только значительно позже я понял случившееся. Гонагойя столкнул глыбу, она рухнула на замурованного воина и расколола призму так, что тело как-бы выскочило из нее; пальцы воина разжались, и стрела убила Астона.

Только трое ушли из Янтарной страны. Грандрейн вез на верблюде призму с замурованной Каарис. Часами он обнимал холод-

ный камень и спал около него, пробуждаясь для бессвязных бредовых излияний. Рассудок угасал в нем. Лишь однажды на привале в безумных глазах мелькнули искорки разума. Он сказал Марион:

— Милая Марион, я вас люблю, но...— свет угас и нетвердым, вялым голосом он закончил, — я женат на Каарис и не могу с ней расстаться.

Часами он твердил о том, что оживит Каарис, что врач может спасти ее в момент, когда янтарь будет расколот. Он ждал приезда в город и вечерами долго глядел на восток, где должны были замаячить городские огни. И вот, не дождавшись, во время одного из привалов, он расколол лазурную призму.

И мы стали свидетелями чуда: прекрасные руки Каарис ответили на объятия. Они медленно сошлись на спине Грандрейна, тесно охватив его шею. Дикий крик вырвался из груди Грандрейна, и он повалился на землю, не выпуская тела возлюбленной.

Он был мертв. Мы долго пытались разжать холодные руки прекрасной Каарис, но безуспешно. В глубокую могилу мы опустили эти два тела, слившиеся в смертельном объятии. Музыкой погребальной пели золотые шестигранники, дождем осыпавшие мертвые тела.

И вдвоем с Марион мы продолжали путь на восток по песчаному океану, оставляя позади себя мертвую красоту цирков Янтарной страны и могилу последних властителей ее.—Грандрейна и Каарис.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 4.

РЕШЕНИЯ.

Найдите число.

Задача № 15.

Алгебраически задача решается с помощью трех уравнений (с 3 неизвестными), формулирующих три заданных условия. При таком решении, совершенно просто алгебраически, из третьего заданного условия вытекает одно из свойств трехзначных обратных (вернее «обращенных») чисел: разность между ними, поделенная на 99, дает в частном разность между их крайними цифрами (в данном случае $594 : 99 = 6$); вными словами, последняя разность (между крайними цифрами) составляет дополнение до 10 к последней цифре в разности между самими рассматриваемыми числами: в данном случае $6 = 10 - 4$ (4—цифра единиц в 594).

Это свойство, легко доказуемое на примере и арифметически, является ключом к одному из арифметических решений. При разности между первой и последней цифрой искомого числа в 6 единиц, можно иметь для них выбор лишь в 4 возможностях: 9 и 3, 8 и 2, 7 и

1, 6 и 0. Но из второго условия задачи известно, что обе крайние цифры не могут быть нечетными, т. е. удвоенное произведение их должно делиться на 4 без остатка; значит из 4 возможностей остаются лишь две: 8 и 2, 6 и 0. Этим случаям отвечают числа 862 и 620 (средние цифры находятся извлечением квадратного корня из $4 +$ произведение крайних цифр). Вопрос решается окончательно в пользу первого числа—862—примеркой к первому условию задачи: $(8 \times 8) + (6 \times 6) + (2 \times 2) = 104$.

Можно еще решить арифметически, исходя именно из первого условия, т. е. из последней приведенной формулы. Нетрудно убедиться, что число 104 нельзя разбить ни на какие пные 3 или 2 квадрата чисел (меньших 10 каждое), кроме приведенных выше цифр 8, 6 и 2. Расстановка этих трех цифр в искомое число легко делается при сопоставлении с 2-м и 4-м условиями задачи.

В оценке этой задачи, за всестороннее освещение ее, некоторым участникам конкурса было зачтено вместо 3 очков по 4.

(Продолжение см. на стр. 72).

В ГЛУБИНЕ ЛЕСОВ

Рассказ ВЕР СТРЭПМУЛЬ

С англ. пер. М. ВАСИЛЬЕВА

Это приключение рассказал мне старик Мияхир Кэпльман, известный ботаник, отдавший всю свою жизнь изучению растений в, главным образом, семейства лилейных.

— Вне всякого сомнения, — сказал он, — что в доисторические времена существовали растения не менее чудовищные, чем животные, о которых мы можем судить по найденным костям, отпечаткам и т. д. Но, к сожалению, растения легко разру-

шаются, таких ценных остатков, какие нам дали животные, в нашем распоряжении не имеется. Тем не менее, многие представители растительного царства еще и сейчас дают представление о своих прародителях и привлекают внимание не только ботаников, но и геологов.

В результате многолетних исследований растений я лично пришел к тому заключению, что на нашей планете когда-то суще-

ствовали растения с очень большой способностью двигаться, что дает основание предполагать у них наличие сознательной деятельности. Разумеется, движения у растений исходили не от корней, а из стволов, ветвей и листьев.

Вопреки существующей сейчас теории, отрицающей какую либо разумную деятельность у растений, у меня есть предположение, что в былые времена между животнобразными растениями и животными происходила жестокая борьба. Таким животнобразным растениям, лишь в очень отдаленной степени дающим представление о растениях-гигантах, хищниках древнего мира, является в настоящее время «Мухоловка», как известно, приспособленная для ловли мух. Животные-растения в результате вековой борьбы оказались слабее животных, были побеждены и уничтожены.

Мое предположение кажется фантастическим, однако, что может быть чудеснее, чем сама жизнь? Это было в 1884 году, когда я впервые ознакомился с флорой верхнего течения Амазонки.

Я путешествовал, собирая образцы растений и делая заметки о еще неисследованных местах с богатыми возможностями для добычи каучука. Джавари, вы знаете, разделяет Перу от Бразилии. Место, где я находился, расположено приблизительно в 2.000 миль от устья Амазонки, и вся эта громадная площадь лесов в то время была почти неизвестна и неисследована. Ужасные ливни буквально заливают леса и делают их непроходимыми. В сухое же время года ни одно человеческое существо не может устоять против заболеваний вроде страшной бери-бери и малярии. Не менее ужасны громадные змеи и земноводные. Нищи, годной для человека,—нет, и все должно быть привозным. Лишь на некоторых, особенно возвышенных местах, живут небольшие племена индейцев.

Со мной был Луи Тейк, храбрый охотник и испытанный исследователь, но, к сожалению, к ботанике он питал неприязнь. Нас сопровождал человек шесть индейцев, нанятых на одной из плантаций.

Мы поднялись вверх по реке на лодке и через шесть дней достигли устья притока Курусу, откуда собирались начать исследование леса. Двое индейцев остались в лодке. Через несколько минут темная завеса леса упала позади нас, и мы были отрезаны от всего цивилизованного мира.

Взлив направление к северу, мы вскоре достигли небольшого возвышения и здесь остановились, чтобы сделать кой-какие измерения леса, затем отправились далее. На третий день к вечеру мы натолкнулись на индейское поселение. Индейцы приняли нас дружелюбно и делали все, чтоб нам угодить. Мы воспользовались этим и решили использовать поселение, как базу для наших операций не только потому, что индейцы могли бы нам приносить редкие, интересующие нас, экземпляры, но и потому, что здесь была возможность получать пищу в обмен за мелкие вещи.

Через несколько дней мы обратили внимание на особенно частые посещения нашего лагеря одной молодой индианкой. Это была здоровая, сильная девушка, по имени Эрря. Стройная и грациозная, Эрря была совершенно нагая, если не считать нескольких красивых перьев неизвестной нам птицы. Эрря своеобразно кокетничала со мной и быстро ко мне привязалась. Она не отходила от меня ни на шаг. Во время коротких путешествий она с радостью носила мои коробки для коллекций, а в лагере готовила пищу.

Интересно заметить, что женщины у индейских племен пользуются такой свободой, какая совершенно не была известна нам, европейцам. Они первые начинают ухаживать за мужчиной и делают свой выбор свободно. Мужчины являются лишь охотниками и не вмешиваются в домашнее хозяйство. Очевидно, Эрря хотела видеть во мне мужа, хотя ничего супружеского между нами не было.

Однажды Тейк ушел на запад и вернулся в состоянии большого возбуждения. Мне показалось, что он был слегка пьян. За ужином он почти не говорил, и только после, когда мы уселся, покуривал, у огня, Тейк нарушил молчание и начал:

— Сегодня я нашел что-то... Я нашел поразительную вещь. Весь мир будет завидовать нам... Моя находка—невероятна.

Полагая, что Тейк нашел какое-нибудь место, богатое каучуковыми деревьями, я отнесся к его словам довольно спокойно, зная слишком увлекающуюся натуру Тейка.

— Вы не можете себе представить,—продолжал он. Это растение, но какое растение! Это растение приносит плоды и дарит их тем, кто осторожно ест их, неосторожность же влечет смерть.

Слушая Тейка я подумал, что он заболел, но делал вид, что слушаю его с интересом. Он предлагал мне завтра же отправиться с ним, и я согласился в надежде, что ночной сон рассеет странные мысли моего спутника. Однако на следующее утро он был таким же и при дневном свете. Я видел, что он совершенно здоров. Признаться, я тоже был охвачен любопытством и предложил отправиться немедленно.

За два часа до захода солнца мы тронулись, пробивая себе дорогу через густые заросли. Пройдя немного, я услышал за собою шест и треск сучьев. Это была Эрря, которая, узнав о моем уходе, догнала нас и хотела идти со мною. Пусть идет,—сказал Тейк.—может быть будет полезна.

Мы пошли дальше. Эрря шла сзади с ружьем и длинным острым ножом, привязанным за рукоятку к поясу. В некоторых местах заросли были настолько густы, что приходилось пробивать себе дорогу ножом, разрезая лианы и кустарники. Становилось темно, когда Тейк сказал:

— Мы уже близко от места. Вот шалаш, который я поставил в прошлый раз. Здесь мы можем переночевать, а завтра утром вы увидите...

И, действительно, я увидел... С восходом солнца мы поднялись и прошли пальмовую рошу. По сравнению с густым, беспорядочно растущим лесом, в котором мы находились ранее, пальмовые аллеи казались как бы искусственно распланированными, настолько ряды деревьев были ровны и правильны. Впереди виднелось открытое, несколько возвышенное место, без всякой растительности.

Почва была твердой, как застывший цемент, и усеяна какими-то желтыми кусками. Тейк вынул нож и, поковыряв землю, поднял что-то. Кусок был величиною с мускатный орех, тяжелый, как свинец, и желтый. Золото! Очевидно, мы пришли к высокому руслу какой-то реки, несшей когда-то своим течением золото, и дно которой засохло, как цемент. Золотые округленные шарики торчали, как сливы в пудлинге или миндаля на пирожных, только сильно отличались друг от друга величиною. Одни были не более гороха, а некоторые достигали величины апельсина.

Золото меня не прельщало и, после первого удивления, я стоял разочарованный.

— И это все, что вы хотели показать? — обратился я к Тейку насмешливо.

— А что может быть лучше? — сухо возразил Тейк. — Я выдумал про дерево, так как, если бы я рассказал вам о находке золота, вы бы никогда не пошли со мною. Разве вы можете что-нибудь понимать? — прибавил Тейк злобно. — Вместо сердца у вас, наверно, репа, а вместо головы — капуста. Ботаник!..

В результате произошла ссора, и Тейк после горячих упреков по моему адресу повернулся и ушел.

Эрэя, которая все время сидела тихо на камне, казалось, была довольна уходом Тейка и улыбнулась. Усталый и недомогательный я сел рядом с девушкой. Хотелось и злить свое разочарование, хотелось говорить. Эрэя меня не понимала и только ближе прижималась ко мне, охватив рукою.

Минхир Кэпальман вздохнул и, казалось, ушел взглядом куда-то вдаль, в отдаленное прошлое.

— Да, да, — сказал он после некоторой паузы,

— мужчина слаб и особенно, когда он молод. Женщина это понимает. Мы не спешили возвращаться и отправились только на следующее утро, не взяв даже кусочка золота. Мои мысли были сейчас заняты девушкой, так доверчиво привязавшейся ко мне. Сила женщины здесь, в лесах, остается такой же, как и там, в Европе. Я был влюблен.

Мы шли весело и совершенно незаметно заблудились. Пробираясь через густой кустарник, мы, наконец, вышли на открытое место, где деревья стояли на значительном расстоянии друг от друга. Мое внимание привлекла груда костей под одним из больших деревьев. Дерево было очень высоким, раскидистым; с ветвей спускались на землю громадные, гибкие, как веревки, усы.

Я стоял, пораженный странным зрелищем, как вдруг что-то большое и тяжелое упало с дерева и скрылось среди груды костей. Я решил, что это одна из проделок обезьян, и взглянул вверх. Обезьян не было, и странно, вообще, в этом месте не чувствовалось лесной жизни.

Полная тишина. Эрэя дрожала и пристально смотрела, когда же я сделал шаг по направлению к дереву, Эрэя попыталась задержать меня, лобача что-то на своем языке, чего я совершенно не понимал.

Она бросилась вперед, загородив мне путь, но я грубо оттолкнул ее и шел, как сумасшедший.

Минхир Кэпальман прервал рассказ и, вынув из кармана носовой платок, нервно смял его в руках.

— Когда, — продолжал старик, — я был уже в нескольких футах от упавшего с дерева

предмета, один из висевших усов схватил меня за руку выше локтя и стал поднимать.

Я почувствовал сильное сжатие и затем... падение. Эрэя, подпрыгнув, разрежала ус своим ножом.

Я упал на колени и когда поднялся, девушки не было. Она висела на высоте не менее 20 футов, перевитая усами страшного дерева, неподвижная, без звука, очевидно, раздавленная или задущенная. Я сообразил, что как только подымусь, сейчас

же буду схвачен живыми веревками, развешивающимися в разные стороны, подобно волосам Медузы. Однако ни один из древесных усов не мог достать меня, если бы я лежал. Силы медленно возвращались ко мне и я начал ползти в сторону от дерева.

Потом, бессильный помочь Эрэе, я медленно отправился по направлению к поселению. Дорогою я решил вернуться и изрубить дерево обстоятельно. В лагерь я вернулся ночью.

Оказалось, что индейцы знали о существовании таких деревьев и уничтожали их.

На следующий день утром я ушел в лес снова с индейцами—мужчинами, женщинами и даже детьми.

Топка несла чучело, сделанное из коры и раскрашенное яркими красками. Приблизаясь к месту, мы заметили, что тело Эрэи было уже сброшено на землю.

Атака началась немедленно. Часть людей с жестокостью резаха извивающиеся ветви,

другие взбирались по стволу и срезали верхние части.

Я взял одну из ветвей и стал рассматривать. Как мне удалось заметить, движения происходили от сжатия и расширения отдельных ячеек, размер которых был от одного до трех дюймов в диаметре. На каждом суставе находились чашкообразные присоски, откуда сочился сок, смешанный с пузырьками воздуха.

Взять что-нибудь от уничтоженного дерева я не мог, так как все без исключения должно было быть сожжено на костре.

Я рассказал все это для того, чтобы дать вам понятие, какие жестокое и хищные растения могли быть в первые дни жизни Земли.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — вы сделали доклад о своей находке?

— Нет, я думал было, но когда увидел этих ученых людей, их практические лица и выпуклые очки, решил, что лучше не надо!..

Я пытался начать разговор еще об Эрэе, но старик не отвечал.

Редактирует ЗАГАДАИ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 6.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 24, 25 и 26. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще подсчет может быть прибавлено дополнительно за тщательность и аккуратность в выполнении решений, — при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

1-я премия. „Лис Патрикеевич“—Гете, большой том с 36 эстампами на меди и 24 гравюрами (ценность—15 руб.).

2-я премия. Бесплатное получение в течение 1928 года журнала „Вестник Знания“.

3-я премия. Грез—художественное издание с красочными иллюстрациями.

4-я премия. „Гений и творчество“—проф. Грузенберга—основы теории и психологии творчества.

5-я—10 премии. По выбору премированных одно из след. изданий: „Наука в вопросах и ответах“, „Общественная медицина и социальная гигиена“—проф. З. Г. Френкель, „Пылающие бездны“—фантаст. роман Н. Мухоморова или шесть №№ „Мир Приключений“ за 1926 или 1927 г. г.

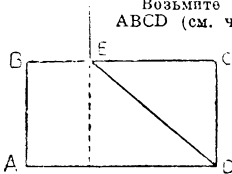
Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте нужно делать надпись „В отдел задач“.

Срок присылки решений—25 октября с. г.

Трапеция с секретом.

Задача № 24.—до 4 очков.

Возьмите любой прямоугольник, напр., ABCD (см. чертеж) и отрезьте от него уголок CED так, что бы при подвеске оставшейся фигуры (трапеции ABED) на ниточке за точку E основания этой трапеции AD и BE остались бы перпендикулярными к отвесной нити. Второй вопрос: как изменится решение задачи, если взятый прямоугольник вытянуть или сжать по высоте его, сохранив прежнее основание BC

Можно ли угадать?

Задача № 25.—2 очка.

Вам говорят, что задуманное число при делении на некоторый целый делитель дает частное А, а при

делении на какой-то другой делитель дает частное В. Можно ли и в каких именно случаях узнать задуманное число, если вам назовут оба частных А и В?

Юбилейный акrostих.

Задача № 26.—до 3 очков.

Подберите семь таких слов, которые при написании их столбцом одно под другим (буква под буквой) дадут прочесть в двух буквенных вертикалях, — с одной сверху вниз, а в другой снизу вверх, — фамилии двух классических русских писателей, юбилей коих мы справляем в этом году. Подбираемые слова должны быть именами существительными нарицательными (в единств. числе, именн. падеже) и по возможности из одинакового числа букв.

(Продолжение см. на стр. 76).

Современный человек
Каменного века

В ГОСТЯХ У ПИГМЕЕВ

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПЛЕМЕНИ.— ЧЕРНОКОЖИЕ ЛИЛИПУТЫ НОВОЙ ГВИНЕИ.— РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.— КАМЕННЫЙ ВЕК В НАШИ ДНИ.

Очерк проф. СТИРЛИНГА, хранителя Национального Музея Соединенных Штатов

Страна пигмеев находится в голландской Новой Гвинее среди уединения Нассауских гор и совершенно изолирована от цивилизованного мира. Тысячи этих маленьких людей, рост которых в среднем не более четырех футов, живут в глуши скалистых гор, вершины которых поднимаются на тысячи футов к тропическому небу. Они живут еще до сих пор в Каменном Веке и до нашего появления не имели понятия о металле или предметах производства цивилизованного человека.

Первоначальной родиной пигмеев, очевидно, была Африка. С этого материка они распространились по островам. Позднее эмиграция более сильных и воинственных народов почти истребила их, и в наши дни их находят сравнительно небольшими группами в очень уединенных и далеко находящихся одна от другой частях земли.

Наиболее значительные группы обитают в тропической Африке, на Андаманских островах, на Малайском архипелаге, на Филиппинских островах и в Новой Гвинее. Эта последняя группа самая большая и наиболее уединенно живущая, поэтому она и сохранила древние обычаи и язык. Факт этот делает пигмеев особенно интересными для научных исследований.

По соседству с пигмеями обитают папуасы, но они почти не общаются между собой и разделены друг от друга пустынными горами. Маленький народец живет сегодня так же, как тысячу лет назад жили его предки, и наглядно представляет ту ступень культуры, которую наши собственные предки прошли уже тысячи лет назад.

Антропологи давно предполагали, что на большом Нассауском хребте живут пигмеи. Первая экспедиция в 1910 г. встретила у подножия Нассауского хребта только небольшую группу пигмеев, которую и назвала племенем "тапиро". Но трудности, вставшие на пути этой экспедиции, не дали ей возможности познакомиться по-

ближе с новым племенем и заставили ее вернуться. В 1920 г. военная голландская экспедиция много поработала в восточной части хребта, но западная часть оставалась совершенно неисследованной.

Вот эта-то часть Новой Гвинее и явилась целью нашей экспедиции, состоявшей из четырехсот человек, включая 130 туземцев острова Борнео.

Пришлось раскинуть пять больших лагерей, от реки Мамберано, в девяносто миль от берега моря, до подножия Нассауского хребта. Линия, соединявшая лагери, была в 400 миль длиной и по этому пути мы получали провиант, когда находились в горах. Наши способы передвижения были самые разнообразные, начиная от аэроплана и кончая грубо выдолбленным местным челноком. Мы шесть месяцев пробирались во внутрь страны. Приходилось преодолевать и бешеные горные потоки, и отравленные малярией низменности, и каннибалов-папуасов прежде, чем подойти к стране пигмеев. Последнюю, очень тяжелую часть пути, мы сделали пешком, так как у подножия гор реки были слишком быстры даже для наших опытных спутников с Борнео. Мы шли по покрытым джунглями горам, где не было следов не только человеческого жилья, но даже почти не было никакой животной жизни. Это был убийственный труд. Нам приходилось прочищать тропу, следуя по течению реки. После недели такого пути мы повстречались с первыми признаками человеческого присутствия.

Призывки эти были—тропы и грубо сделанный навес, прислоненный к горе. Дальше в глубь страны стали чаще попадаться следы людского существования. Мы видели брошенные через реки огромные деревья. Судя по бесчисленным следам каменных топоров на этих деревьях, людям стоило большого труда повалить их.

Наконец, мы дошли до местности, где река входила в скалистое ущелье с отвесными стенами. Над рекой был перекинут висячий мост из тростника, и мы поняли, что цель наша уже теперь близка. По обе стороны моста вела в горы тропа. Мы выбрали дорогу на запад. Эта тропа была хорошо утоптана и шла вдоль скалистого хребта. Когда мы достигли вершины хребта, один из сопровождавших нас туземцев залез на дерево, чтобы взглянуть на окрестности. Он сообщил, что на горе дальше к западу есть просека, с которой поднимается дымок.

Пигмей перед своей хижинкой.

Мы продолжали идти по тропе, карабаясь все выше, когда на высоте 4.000 футов неожиданно наткнулись на просеку — широкое пространство, окруженное крепкой изгородью. В верхнем конце этой просеки было несколько домов, сложенных из тонко наструганных деревянных досок, стоящих вертикально и покрытых тростниковыми крышами. Людей не было видно, но над одним из домов поднимался дымок. Мы вошли за изгородь, не уверенные в том, что нас ожидает, но с надеждой, что это, наконец, жилище пигмеев.

Возле одного из домов стояла девочка лет шести. На ней не было ничего, кроме коротенькой юбочки из полос содранной коры и ожерелья с висающей на нем белой раковинной. К удивлению, она не выказала никакого страха при нашем приближении. Мы дали ей несколько бусинок, что привело ее в восторг, и она сопутствовала нам в дом, к сидевшей там старухе. Эта, в свою очередь, также не выказала никаких признаков страха, а пошла на просеку и привела с собой несколько женщин и мужчин. Это были негритосы-пигмеи. Они были очень сдержаны и не проявляли ни робости, ни навязчивости. Они указали нам, где находились их другие деревни, и двое из них пошли позвать соседей из этих деревень. Мы наделили их всех подарками, и в ответ на это они показали нам, что заколят для нас свинью.

Они отправились вместе с нами в наш лагерь, а к вечеру собралось еще человек тридцать из соседних деревень. Они привели с собой свинью и захватили несколько связок бананов. Свинью привязали к колу, и все мужчины окружили ее. Двое держали свинью, а третий убил ее стрелой в сердце.

Когда мы им дали понять, что хотим начать с ними торговлю, пигмеи стали приносить свой товар. Любопытно было смотреть, какое впечатление на них производили зеркала. Они заглядывали за зеркало и всячески старались поймать свое отра-

жение. В торговле они оказались в высшей степени честными.

После того, как мы провели несколько месяцев среди папуасов, пигмеи казались нам приятным и неожиданным контрастом. Папуасы нервны и вспыльчивы, пигмеи же отличаются очень спокойным характером и даже часто говорят шопотом. Папуасы воровали при всяком удобном случае, пигмеи же были безупречно честны.

Как мужчины, так и женщины пигмеи накрывают голову сеткой. Костюм женщин

состоит из короткого передника, сделанного из древесной коры или из сплетенных волокон. Оба пола носят ожерелья из различных зерен. Но ожерелья женщин богаче. Мужчины часто украшают голову перьями и носят плетеные браслеты, под которыми спрятаны ароматические листья и цветы. У каждого мужчины через плечо перекинута мешок, украшенный клыками дикого кабана. В этих мешках заключается вся личная собственность пигмея. Она состоит из каменного ножа и топора, трубки, табачу, нескольких орехов бетеля и других мелочей. Когда мужчины отправляются в гости в соседние деревни, они расписывают себе лица охрой или углем.

Они очень любили приходить к нам в лагерь и с удивлением осматривали все наши вещи. Но, как ни странно, ничто не интересовало их так, как простой процесс переверачивания страниц записной книжки. Они приводили новичков и просили нас переверачивать для них страницы. За все время нашего пребывания среди пигмеев, для них это было источником постоянного интереса и забавы.

У них совершенно необыкновенная манера здороваться. Они протягивают сустав среднего пальца, который и зажимается приветствуемым человеком между суставами его второго и третьего пальцев, и затем палец выдергивают с щелкающим звуком, приговаривая: «вау, вау, вау».

Пигмеи очень гостеприимны, и у них в обычае давать кров и пропитание всякому гостю. Они ничего не хотели с нас брать за фрукты, которыми снабжали каждый день.

Дома их, по сравнению с домами папуасов, построены очень хорошо. Гладкий пол из коры всегда чисто выметен, а посреди его круглое отверстие, обложенное камнями. Это — очаг. Мебели в домах нет. По вечерам пигмеи сидят вокруг очага и поют. Женщины и мужчины живут в разных домах, но им разрешается заходить друг к другу.

Так как пигмеи не знают металла, то и орудия их самого простого образца и сделаны из камня. Они не знают ни корзин, ни горшков и кроме плетеных мешков у них нет никаких вместилищ.

Для приготовления пищи, в земле делается небольшая яма, которая устилается банановыми листьями и папоротником. На это кладется провизия, которую нужно приготовить для еды. Затем раскладывается костер и на нем нагревается несколько больших камней. Эти раскаленные камни заворачиваются в листья и укладываются вокруг провизии, которую надо приготовить. На эти камни накладываются другие раскаленные камни и яма ими закупоривается. Таким образом получается приготовление пищи без огня. Пища готова через час или два. Едят в течение дня только одну трапезу.

Все жители деревни обыкновенно в родстве между собой. Поля обрабатываются всеми вместе и все работы вообще производятся для общего благосостояния. Власть вождя не переходит по наследству, а в деревне главенствует человек, выдвинувшийся своими способностями. Настоящей власти у него все же нет, и он является скорее советником, чем начальником. Пигмеи главным образом занимаются земледелием. Они прорубают просеки на поразительно крутых склонах. Заросли джунглей очищаются ка-

менными топорами, а затем уже женщины сеют злаки и ухаживают за ними.

Больше всего пигмеи сеют «убис», род сладкого картофеля. Сахарный тростник сажают во множестве и употребляют в качестве лакомства. Мы очень удивились, когда нашли, что они выращивают отличный сорт лимонов.

Далее, они в большом количестве сеют табак. Курят не только мужчины, женщины, но и дети. Наслаждаются курением даже дети двух-трех лет.

Пигмеи не знают алкогольных напитков, но и воду пьют в очень ограниченном количестве. Они никогда не купаются и были поражены, когда увидели, что мы купаемся. Мыло произвело на них неотразимое впечатление не потому, что смывало грязь, а потому, что давало столько пены. И за мыло они готовы были отдать все, что угодно.

Женщины у пигмеев меньше, чем мужчины. Поэтому у них много холостяков, и мужчина не может себе позволить многоженства.

Не мало трудностей на пути молодого пигмея, желающего приобрести себе жену. Он не только должен доказать, что может содержать жену, но и обязан еще пройти через испытания бесстрашия. Целый час родственники его будущей жены пускают в него стрелы, и он должен увертываться от них.

Короткие юбки — неизменная мода у женщин-пигмеек. На фотографии среди пигмеек изображен и глава экспедиции, профессор Стирлинг, человек среднего роста.

Когда молодой человек докажет таким образом, что может быть мужем и получить согласие родителей девушки, он строит дом и происходит свадебная церемония. Жених должен во время ритуала отрубить невесте палец каменным топором. Если он потом овдовеет, он и себе также обрубает палец. Если женщина выходит замуж во второй раз, то и тут ей снова отрубается палец... Семейная жизнь у них очень дружная. Муж теоретически — глава семьи, но мы ни разу не видели, чтобы жена была обижена мужем.

Глава деревни, Агнтава, был человек очень почтенный и уважаемый своими соотродичами. Домашней обязанностью его было приносить жене дрова из джунглей. Однажды он заболтался с нами и забыл про это. Жена его, маленькая даже для пигмеек женщина, основательно выбранила его, схватила за ухо, подняла на ноги и вытолкала из нашего лагеря. Он принес ей дров и вернулся к нам в лагерь с таким выражением лица, точно хотел сказать:

— Что тут поделаешь!

В деревнях почти никогда не бывает случаев воровства и других преступлений.

Религия у пигмеев анимистическая и они верят в бесчисленное множество духов, обитающих в различных предметах. Пигмеи не любят говорить о смерти и о религии, и подробностей у них невозможно было добиться.

Когда мы стали прощаться с пигмеями, многие из них выразили желание проводить нас до подножия гор. Они даже хотели нас проводить домой, потому что совершенно не представляли себе, где находится наша страна. Все же они сопутствовали нам до того места, где нас ждали челноки. Тут они еще раз увидели поразившую их вещь. До сих пор они не имели понятия о челноках, и с каким уважением они смотрели, как ловко наши спутники-туземцы с острова Борнео управляли ими.

Когда последний челнок готов был отчалить, мы получили поразительное доказательство искренности расположения к нам пигмеев. Простившись с нами по своему обычаю, пигмеи заплакали. Эти маленькие люди современного Каменного Века, принявшие нас не как врагов, а как друзей, тихо стояли на берегу и смотрели нам вслед, когда мы исчезали за поворотом реки.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ВНЕ КОНКУРСА.

Чей пляж?

Задача № 16.

Как и при всяком передвижении, наибольшее усилие от паровоза требуется в первые моменты, когда нужно сдвинуть поезд с места и когда он еще не приобрел достаточной скорости. Естественно, что именно в эти моменты жел. дор. путь должен быть наиболее удобно-проходимым, т. е. должен представлять меньше всего сопротивлений; ясно, что прямой участок пути будет для этой цели более подходящим, чем участок с кривыми. Значит, верхний путь будет служить для движения вправо, а нижний — для движения влево. И, значит, такой развезд не может находиться в пределах СССР, так как здесь движение происходит только в одной колее.

Несколько откликнувшихся читателей дали ответы неверные. Правильно решил П. Б. Горцев (Ростов).

Пойманный вор.

Задача № 17.

1) Шарик не могут быть слишком крупными, чтобы вся урна не занимала много места, но и не должны быть мелкими, чтобы было заметно, если кто-нибудь достанет из урны одновременно более одного шарика. Пожалуй, удобное всего размеры некрупной сливы.

2) Привыкнув получать из рук проходивших холодные шарки (дело было зимой), комендант не мог не обратить внимания на то, что в данном случае ему передала шарик т е л л м. Значит, белый шарик был взят из урны а был принесен в кармане или

в руке, заранее подготовленным. С какой целью? Ясно, что с целью ограбить себя от возможности подвергнуться обыску при риске вынуть черный шарик. А в этом может быть существенно заинтересован только вор.

Читатели, откликнувшиеся на эту задачу, не учли «температурное» обстоятельство, которое единственно было здесь улик.

Сколько птиц?

Задача № 22.

Число птиц на единицу больше числа, делящегося без остатка на 3, 4 и 5 (а значит и на 6). Это число можно изобразить в таком виде: $(3 \times 4 \times 5) \times n + 1 = 60n + 1$ (где n есть целое число). Надо, значит, найти те значения для n , при которых $60n + 1$ будет делиться без остатка на 7. Этому удовлетворяют такие значения: $n=5$, $n=12$, $n=19$ и т. д. Но по условию искомого числа меньше 700; значит решение только одно: при $n=5$ число птиц равняется $60 \times 5 + 1 = 301$.

Правильное решение прислали Н. А. Андреев (Н.-Новгород) и П. В. Горцев.

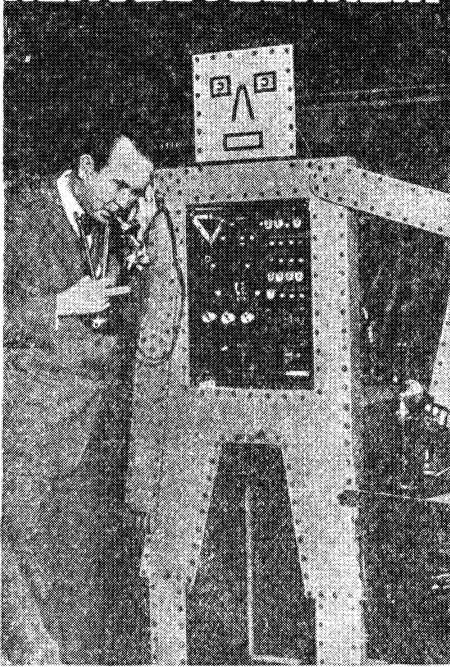
Почему бежит молоко?

Задача № 23.

При нагревании молока на его поверхности получается пленка, которая при вскипании образует ряд замкнутых поднимающихся пузырьков, увлекающих последовательно все молоко. При кипении воды ничего подобного нет потому, что на поверхности воды никакой пленки или корочки не образуется.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Очерк д-ра З.

Электрический человек поднимает по приказанию своего конструктора инженера Венслея левую руку.

I

Из истории великих изобретений за последние годы можно вывести любопытное заключение:— первое применение к жизни все эти изобретения находят почти всегда в Америке. Пишущую машину, например, изобрел тирольский крестьянин, а десять лет спустя изобретение это произвело переворот в конторском деле в Америке. Радиотрубка—детище одного венского инженера, а благодаря ей Ли де-Форест стал в Америке отцом радиотехники. В 1900 г. датчанин Эдленхаммер совершил первый полет, но практическое применение полетам дали только братья Райт по ту сторону океана. Недавно американский изобретатель Кулидж «открыл» лучи смерти, а уже в 1896 г. гейдельбергский профессор Ленард делал опыты с этими лучами.

Но, к сожалению, мало кто знает о предвизавшем Кулиджа замечательном открытии русского ученого и философа М. М. Филиппова, действительно открывшего еще в 1903 г. смертоносные лучи, действующие на неограниченном расстоянии, да и самая смерть изобретателя покрыта тайной (см. № 2 «Мира Приключений» за 1927 г.).

Все это свидетельствует, что Америка весьма сведуща в деле рекламы и что там ко всему подходят со стороны практи-

ческой. Такие устремления Америки отразились и в новом изобретении американского инженера Венслея. Он соорудил искусственного человека, фигуру из металла, которая может двигать руками и ногами.

В этом изобретении, казалось-бы, нет ничего необычайного. Такие фигуры самого разнообразного вида существовали тысячи лет назад. Некоторые были даже лучше сделаны, больше походили на людей.

II

Идея «человека-машины» почти так же стара, как само человечество, и ведет нас в глубокую древность.

Уже движущиеся автоматы-треножки, которые описывает Гомер в восемнадцатом стихе своей Илиады, являются несовершенными предшественниками искусственного человека. Конечно, теперь нельзя установить, как действовали эти автоматы-треножки, ибо вообще до позднего средневековья трудно найти границу между символом и фактом, легендой и истиной.

Древние жрецы пользовались фигурами-автоматами, чтобы усилить свое влияние. Статуя бога Аммона в стовратных Фивах двигалась и отвечала на вопросы «да» и «нет». В Греции почитали движущуюся статую Андима и говорящую голову Лесбоса. Тут суть была всегда в обмане верующих. В статуе либо скрывался человек, либо пользовались магнетическими силами, которые тогда уже были известны.

Во времена Герона (за 2 столетия до нашей эры) впервые начинают применять для движущихся фигур механику. Среди многочисленных литературных произведений ученого Александрийца особенно интересен «Театр автоматов», который снабжен конструктивными рисунками.

Среди более, чем ста механизмов, Герон дает описание знаменитого алтаря. Две фигуры богов стоят по обе стороны алтаря. В вытянутых руках они держат сосуды, из которых после возжигания огня изливается жертва. Вокруг жертвенника вьется змея. Эффекты достигаются тут с помощью пара. На таком же принципе сооружена фигура Геркулеса, которая пускает стрелу в дракона, как только вытягивают наверх насаженное на острие яблоко. Таким же способом Герон сконструировал еще свистящего человека, пьющего оленя и т. д. До позднего средневековья сочинения Герона являлись основой для всех искусственных фигур и механических установок. Ими руководились Леонардо да Винчи, Дюрер, Галлилей, Порта, Кирхер и Шотт.

Прошло более тысячи лет со времен Герона и ничего нового не было внесено в эту область. Папа Сильвестр II, повидимому,— первый, о посылках которого в этой области остались следы в истории. Этот

сын Оверни, изучавший у арабских учителей в Севилье математику, физику и тайные науки, соорудил голову, отвечающую на вопросы «да» и «нет». Очень возможно, что это был простой говорящий автомат, какового в 18 веке сконструировал барон фон Кемпелен. Для извлечения таких простых звуков не требуется сложного механизма.

Подобную же голову сделал в 13 веке епископ линкольнский Роберт Большоголовый. Великому философу и противнику схоластики Рожеру Бэкону также приписывается сооружение головы, внутри которой находились все части настоящей головы. Эта голова была оракулом.

Современник Рожера Бэкона немец Больштэт, известный как писатель и алхимик под именем Альберта Великого, соорудил железного человека, над которым работал тридцать лет. Этот автомат будто бы не только говорил, но был и верным слугой Альберта Великого. Конечно, рассказ об этом искусственном человеке впадает в крайности. Этот искусственный человек будто бы стал под конец так болтлив, что друг Альберта Великого, знаменитый теолог Фома Аквинат в гневе разбил его молотком. Но как бы то ни было, это, повидимому, был предшественник современного нам искусственного человека.

Искусственному человеку отводится большое место в легендах и сказаниях. Даже Гете своим гомункулом в «Фаусте» воздвиг памятник старому народному поверью.

Во времена гуманизма делаются новые попытки в области создания искусственного человека. Карл V занимался в тиши монастыря сооружением фигур барабашков, флейтистов и метателей копий, которых ему выполнял механик Турриани. Его деревянный воробей, улетавший и снова прилетавший, был предметом общего удивления. Механику, как искусство, всегда занимали самостоятельно летающие птицы: начиная с деревянного голубя Архитоса Тарентского до орла Региомонтануса, которого этот последний выпустил в 1470 г. в Нюрнберге перед императором Максимилианом.

Следовавшие затем столетия ознаменовались большими успехами в создании искусственного человека. Адрианус Романус

рассказывает в своей «Mathesis polemica» про фигуру девушки, которая ходит, кланяется и протягивает руку, «так что ее трудно отличить от живого человека». А Каспар Шотт, вюрдбургский иезуит, уверяет, что видел в Сицилии фигуру девушки, искусно игравшей на дитре, ритмично танцовавшей и грациозно кланявшейся зрителям после исполнения песенки. Сходной должна была быть машина нюрнбергца Георга Гародерфера. При нажмении пальцем начинала двигаться целая группа фигур: цирюльник, художник, булочник и т. д.

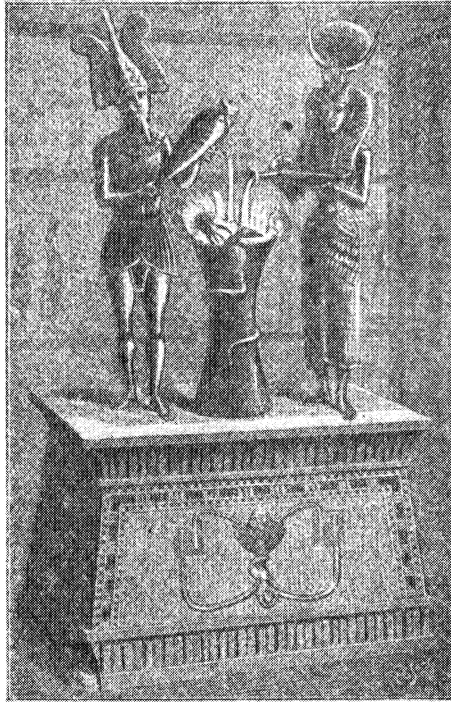
Расцвет искусственных фигур был в веке Рококо. Англичанин Христофер Пинчбек и француз Жак де Фокансон стали знамениты, благодаря своему искусству в механике. Утка Фокансона в естественную величину, двигавшая крыльями, крикавшая, пившая воду, евшая зерна и даже выпускавшая экскременты, а затем и искусственный флейтист, были настоящими произведениями искусства в области механики.

Напомним, что такая же утка показывалась несколько десятиков лет назад в Петербурге, в музее Лента. Научное исследование обнаружило, что экскременты утки, по наружному виду не возбудившие сомнений, на самом деле являлись не переработанной пищей, а искусно сделанной кашцей.

Но ни один автомат не пользовался таким успехом, как искусственный шахматист.

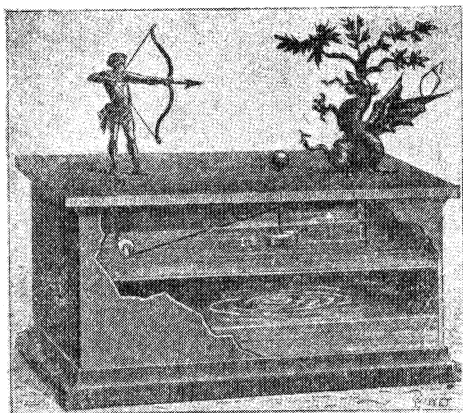
Шахматист, которого сконструировал в 1768 г. венгерец фон Кемпелен. Это была фигура турка, сидевшая перед ящиком, на котором лежала шахматная доска. Секрет заключался в том, что в ящике ловко был спрятан мальчик. Шахматист этот был привезен в Петербург, и Императрице Екатерине II, с которой он играл, очень хотелось приобрести эту диковину. Секрет ее для императрицы так и остался неизвестным. Настоящим шахматистом в это время был калека. Существует литературная версия, что это был даже политический преступник.

Успех, которым пользовались не только на ярмарках, но и при княжеских дворах такие автоматы с трюками, доказывает, что интерес к искусственному человеку никогда не ослабевал.

Первые искусственные люди. Приводимые в движение паром фигуры египетских богов на алтаре.

Геркулес убивает лернейскую гидру (Рисунок из книги „Magic Stage Illusions“. London, 1897 г.

Большой шаг вперед в этой области сделал в 1760 г. венец Фридрих фон Кнаус, изобретший пишущего автомата. Это была фигура, сидевшая на шаре перед рамкой и писавшая на вставленном в рамку листе бумаги.

Идею Кнауса развил знаменитый шведский часовщик Пьер Жакэ Дроз. Его пишущий автомат представлял собою мальчика, сидевшего за столом и писавшего. На воспроизведенном здесь рисунке видно, как сложен был этот аппарат.

Одновременно стали усовершенствовать и говорящие головы. Основанием тут послужила говорящая машина барона фон Кемпелена. Но звуки получались в смешном, плаксивом тоне, и голос напоминал голос пятилетнего ребенка.

Очень многие пытались сконструировать естественно говорящую машину, пока, наконец, в 1840 г. венец Фабер построил аппарат, хорошо подражавший человеческому голосу. С этой говорящей головой Фабер объехал всю Европу и имел большой успех.

До конца прошлого столетия автоматы были ручной работы, и с наступлением нашего века—машины, искусство это сделалось уже устарелым. Публика начала терять к нему интерес. Ручное производство далеко уступало фабричному выполнению автоматов, делавшихся для выставок, для вокзалов и ярмарок.

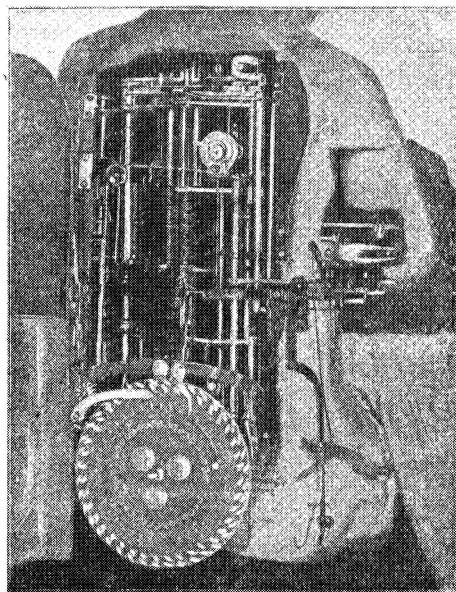
Но все же бывшие говорящие головы и пишущие фигуры, конечно, были предшественниками искусственного человека, только что созданного американцем Венслеєм.

III

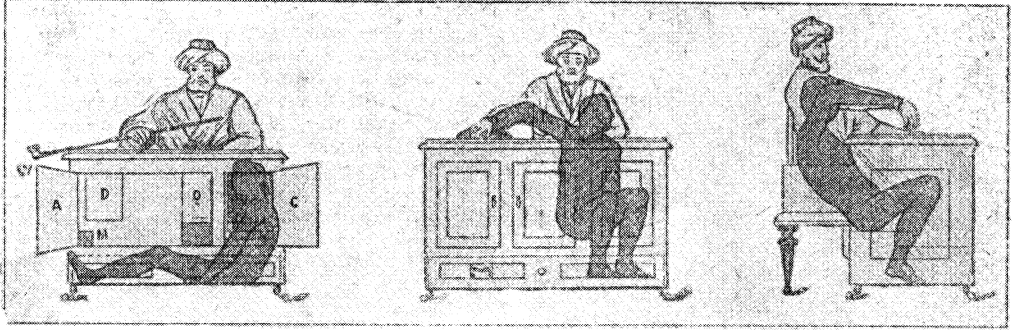
Изобретение Венслея отличается от этих изобретений главным образом тем, что он управляет своим искусственным человеком звуками флейты. Венслеєм соединен со своей машиной телефоном. В этот телефон на детской флейте он берет различные тона и в ответ на эти нежные звуки искусственный человек проделывает всевозможные движения. В Америке это изобретение

сравнивают со сказкой «Сезам, откройся». Но в аппарате нет ничего сказочного. Звуки флейты вызывают в телефоне посредством мембраны колебания различной частоты эти же различные колебания действуют на определенное реле, а реле управляют включением моторов и других аппаратов. Таким образом, звуки флейты нажимают на кнопку электрического провода. Венслеєм показан этим, что современному человеку совершенно не нужно двигаться и что можно музыкальным тоном заменять движения рук. Нет сомнения, что облегчение работы здесь большое.

Вот новое достижение американской техники! Но немецкая техническая печать уверяет, что в Германии запатентовано еще ранее не мало любопытных изобретений в этой же области. Так, в 1910 г., инженер Курт Штилле хотя и не изобрел искусственного человека, но 18 лет назад ушел дальше, чем сегодня Венслеєм в Соединенных Штатах. Собственно принцип обоих открытий один и тот же. Если ударами вызывать колебание камертона, то эти видимые глазу колебания дают воспринимаемый ухом тон. Первый камертон приводит в состояние колебания и второй, находящийся поблизости, камертон. Таким свойством передавать колебание обладают и мембраны, тонкие листочки из какого-либо вещества, прикрепленные по краям. Такие мембраны в телефоне, в фонографе и в громкоговорителе радио. Эти мембраны колеблются при каждом акустическом раздражении. Уже в 1910 г. доктор Штилле соорудил такие мембраны, отзывавшиеся сильно только на определенные звуки. Форму мембранам он придавал то круглую, то четырехуголь-

Раскрытый сзади пишущий автомат Дроза (Рис. из книги „The unmasking of Robert Houdin“. New York, 1903).

„Искусственный“ шахматист барона фон Кемпелена, приводимый на самом деле в движение живым человеком (Рис. из книги „The unmasking of Robert Houdins“, 1908).

ную, и изменял их укрепление. Таким образом он изобрел особые мембраны для звуков П, Ф, С, Т и О. Доктор Штилле не нашел мембран для всех звуков алфавита, но построил, например, дверь без ручки, которая открывалась, если отчетливо произнести слово «Пауль» (Павел). Комнатное освещение д-ра управлялось ударами в ладоши, а дочурка его играла с электрической железной дорожкой, слушавшейся приказов: Вперед! Стой! Скорей! Тише! Назад!

Эти приказания воспринимались особыми мембранами, включавшими и выключающими различные токи, т. е. происходило то же самое, что делает Венслей со своей флейтой.

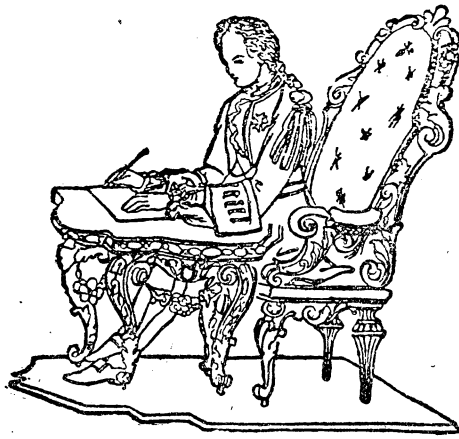
Во время последней Великой войны доктор Штилле представил свое изобретение в распоряжение обороны Германии. Он соорудил мембраны, отвечавшие на различные колебания. Он готовил мины, взрывавшиеся посредством барабанных уда-

ров, трубных сигналов или электрических волн. Непосвященные не могли пустить их в ход. Часовой механизм, включавший на известных промежутках времени другие мембраны, пускался в ход по первому сигналу и отъединялся, если следующее

раздражение не происходило во время. Невероятная сложность опытов не дала возможности широко воспользоваться изобретениями доктора Штилле.

В настоящее время в Берлине очень усиленно заняты конструцией автоматической пишущей машинки, работающей под диктовку.

Какая своеобразная область—техника! Современный человек жалуется, что она делает его рабом машины, принижает его. Но тут техника показывает, что может перенести нас в царство сказки. Человек отдает приказание, неодушевленный предмет слушает его слова, спрашивает, видит и даже отдает ему отчет.

Пишущий и рисующий автомат Роберта Гудинса 1844 г. (Рис. из книги „The unmasking of Robert Houdin“, 1908).